

24209

К. ДИЛЬ.

Профессоръ кенигсбергскаго университета.

~~2765~~

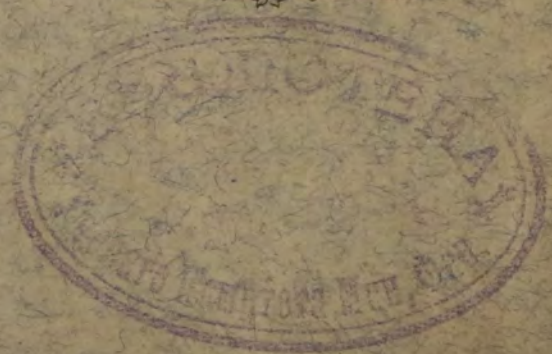
Двѣнадцать лекцій.

Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ.

Переводъ съ нѣмецкаго

подъ редакціей

привать-доцента Р. М. Орженцаго.

Книгоиздательство

„Трибуна“.

К. ДИЛЬ. СОЦІАЛИЗМЪ, КОММУНИЗМЪ И АНАРХИЗМЪ.

24209

~~27659~~

~~2769~~

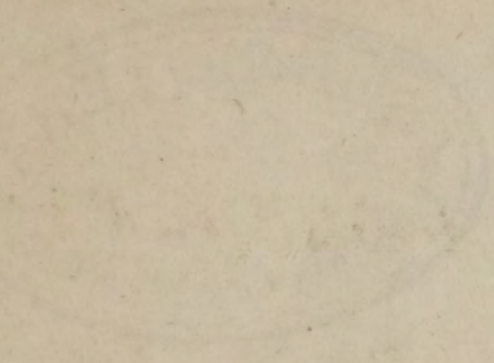

СОЦІАЛИЗМЪ, КОММУНИЗМЪ

И

АНАРХИЗМЪ.

[Faint, illegible handwritten text]

КОПИЯ ПИСЬМА КЪ КОМУСЬ

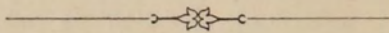
№

АХАРХАНСКОМУ

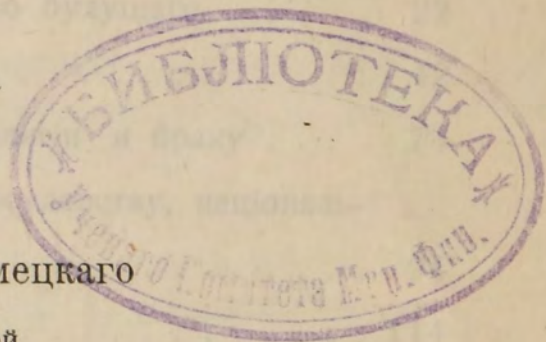
24209

К. ДИЛЬ.

Профессоръ кенигсбергскаго университета.

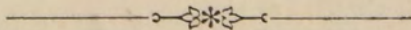
Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ.

Переводъ съ нѣмецкаго

подъ редакціей

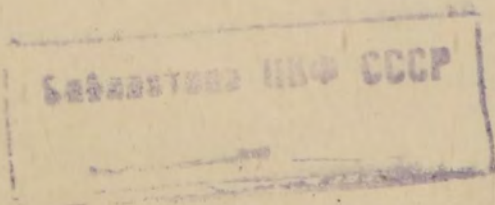
прив.-доц. Р. М. Орженцкаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Б. М. Вольфа. Невскій, 126,

1906.

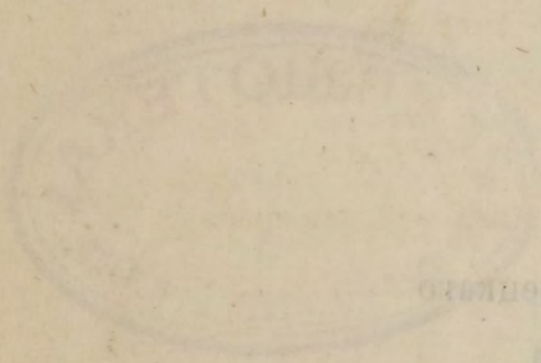
63

4

К. ДНЛР

Професоръ кенігберскато университетъ

Голямата, коммунна
и апаратура.

Переводъ на нѣмецко

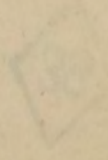
подъ № 76246

цена. Доч. Р. М. Орженникова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія К. М. Вольфа, Невскій, 128

1886

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
I лекція. Сущность и главныя теченія социализма	1
II „ Социалистическое государство будущаго	22
III „ Анархизмъ	42
IV „ Отношеніе социализма къ религіи и браку	73
V „ Отношеніе социализма къ государству, національ- ности и революціи	94
VI „ Социализмъ въ Англіи. I.	114
VII „ Социализмъ въ Англіи. II.	129
VIII „ Социализмъ во Франціи. I.	150
IX „ Социализмъ во Франціи. II.	165
X „ Социализмъ въ Германіи. I. (Фердинандъ Лассаль).	183
XI „ Социализмъ въ Германіи. II. (Карль Марксъ).	202
XII „ Социализмъ въ Германіи. III. (Ревизионизмъ).	223

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я нѣсколько разъ читалъ публичныя лекціи на тему о „Соціализмѣ, коммунизмѣ и анархизмѣ“ для студентовъ всѣхъ факультетовъ въ Галле, Ростокѣ и Кенигсбергѣ.

Въ настоящее время я выполняю неоднократно выраженное мнѣ желаніе, чтобы упомянутыя лекціи были мною напечатаны и опубликованы.

Естественно, что эта книга не является дословнымъ пересказомъ лекцій, т. к. онѣ читались наизусть, и только теперь, для печати, были полностью записаны.

При этомъ я могъ при раздѣленіи и группировкѣ матеріала отступить въ нѣкоторомъ отношеніи отъ лекцій, т. к. я не былъ связанъ точно измѣреннымъ академическимъ временемъ.

Весь баластъ литературныхъ примѣчаній я выпустилъ, равно какъ и болѣе обстоятельную научную критику.

Читатели, интересующіеся моими критическими взглядами на отдѣльныя соціалистическія ученія, могутъ объ этомъ прочесть въ моихъ болѣе крупныхъ трудахъ: P. I. Proudhon Seine Lehre und sein Leben (3 тома, Iena 1888—96) и Socialwissenschaftliche Erläuterungen zu David Ricardos System der Volkswirtschaft und Besteuerung (2 тома, Лейпцигъ 1905).

К. Диль.

І ЛЕКЦІЯ.

Сущность и главныя теченія социализма.

Не дѣло университета занимать партійное положеніе въ вопросахъ текущей политики; равнымъ образомъ не можетъ быть задачей академическаго преподаванія вводить слушателей въ изученіе политическихъ вопросовъ текущаго момента. Тѣмъ болѣе ошибочнымъ было бы съ нашей стороны прямо рекомендовать вамъ на нашихъ лекціяхъ опредѣленныя политическія партіи или склонять ваши симпатіи въ пользу воззрѣній тѣхъ или другихъ политическихъ вождей.

Нѣмецкіе университеты вполнѣ основательно всегда избѣгали заниматься политикой въ этомъ смыслѣ; такъ должно быть и въ будущемъ: кафедра никогда не должна превращаться въ политическую трибуну.

Вы еще находитесь въ счастливомъ періодѣ подготовленія—подготовленія какъ къ своей профессіи, такъ и къ общественной жизни, въ которой вы современемъ должны будете участвовать въ качествѣ политически полноправныхъ гражданъ имперіи, государства и общины. Вы еще не пользуетесь теперь правомъ—по крайней мѣрѣ большинство изъ васъ—подавать свой избирательный голосъ въ пользу той или другой партіи.

Разсматривается ли вопросъ о возвращеніи іезуитовъ или о возобновленіи торговыхъ договоровъ, о введеніи нормальнаго рабочаго дня или о проведеніи новыхъ каналовъ,—вы можете выработать извѣстное самостоятельное отношеніе ко всѣмъ этимъ отдѣльнымъ вопросамъ только тогда, когда сами принимаете непосредственное участіе въ жизни, когда, благодаря своей профессиональной и всякой другой общественной дѣятельности, вы успѣли выработать въ себѣ болѣе зрѣлый взглядъ на жизнь и

болѣе основательное міровоззрѣніе. Лишь тогда вамъ нужно будетъ и прійдется рѣшить въ какую изъ существующихъ партій— либеральную, консервативную, партію центра, или какую бы то ни было другую вамъ слѣдуетъ вступить.

Повторяю, университетъ долженъ держаться по возможности въ сторонѣ отъ повседневной политической борьбы и отъ современныхъ политическихъ партій и соблюдать по отношенію къ нимъ строгій нейтралитетъ.

Но въ другомъ смыслѣ политика составляетъ одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которыми университетъ можетъ и долженъ заниматься.

Политика—это не только политика даннаго дня, не только искусство достичь того, что въ данный моментъ достижимо; она не только искусство, какъ при данномъ соотношеніи силъ дѣйствующихъ факторовъ достичь той или другой конкретной цѣли. Политика въ болѣе широкомъ смыслѣ слова обнимаетъ— какъ показываетъ самое слово—то, къ чему должно стремиться въ общественной жизни, независимо отъ интересовъ дня; она включаетъ въ себѣ то, что составляетъ долгъ государственнаго дѣятеля. Въ такомъ смыслѣ можно говорить о политикѣ, какъ о наукѣ, такъ какъ всѣ большія политическія теченія и партіи опираются на опредѣленныя идеи о правѣ и государствѣ и ставятъ себѣ опредѣленныя конечныя цѣли, чтобы содѣйствовать проведенію въ жизнь этихъ идей. Подобно тому, какъ путемъ изученія въ университетѣ философіи вы знакомитесь съ воззрѣніями великихъ мыслителей на конечные вопросы всего человѣческаго знанія; какъ, изучая исторію, вы знакомитесь съ событіями, благодаря которымъ создалась наша современная государственная жизнь; подобно тому, какъ, изучая государственное право, вы знакомитесь съ различными государственными формами—абсолютизмомъ, монархіей, демократіей и т.д., точно такъ же вы должны ознакомиться съ правовыми и политико-философскими идеями, на которыя въ конечномъ счетѣ опираются наши современныя политическія партіи.

Въ этомъ именно смыслѣ будутъ вамъ сообщены свѣдѣнія о социализмѣ; вы должны будете взять на себя трудъ познакомиться

съ тѣми идеями о правѣ, государствѣ и хозяйственной жизни, которыя лежатъ въ основѣ этого общественнаго теченія. Ибо тѣ великія движенія, которыя объединяются подъ именемъ „соціализма“, опираются въ окончательномъ итогѣ на опредѣленные понятія о государствѣ и правѣ, и эти понятія должны быть вамъ извѣстны, чтобы вы могли правильно судить объ общественной жизни.

Раньше всего является вопросъ: Что такое соціализмъ? какъ безконечно часто употребляется это слово! Какъ часто слышимъ мы: та или другая мѣра „соціалистична“; то или другое лицо имѣетъ соціалистическія убѣжденія. Но какъ рѣдко съ этими выраженіями связывается точный, строго опредѣленный смыслъ.

На собраніи ферейна для разработкы вопросовъ соціальной политики я слышалъ, что въ Англіи называютъ соціалистомъ всякаго, кто выступаетъ защитникомъ обращенія въ государственную собственность желѣзныхъ дорогъ. При обсужденіи въ германскомъ рейхстагѣ закона о страхованіи рабочихъ на случай потери трудоспособности, одинъ изъ депутатовъ высказалъ мнѣніе, что если бы изданъ былъ законъ, согласно которому германская имперія должна была бы доплачивать ежегодно опредѣленную сумму къ рентамъ, выдаваемымъ рабочимъ—инвалидамъ и старикамъ, мы вступили бы прямо въ область соціалистическаго государства. Когда однажды на засѣданіи городскихъ гласныхъ одного нѣмецкаго города было внесено предложеніе доставлять изъ городскихъ суммъ за счетъ города теплое молоко на завтракъ въ школѣ несостоятельнымъ учащимся народныхъ училищъ предложеніе было отклонено, какъ соціалистическая мѣра. И въ послѣднее время, когда обсуждался вопросъ о приобрѣтеніи прусскимъ королевствомъ горныхъ промысловъ Hibernia, вы могли часто встрѣтить въ печати совѣты противъ принятія подобнаго предложенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ Пруссія вступила бы на путь соціализма.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вообще выраженіе „соціалистическій“ совершенно неподходящее, потому что кто могъ бы серьезно утверждать, что мы въ Германіи живемъ въ соціалистическомъ строѣ? А между тѣмъ, вѣдь каждому рабочему выдается изъ имперскихъ средствъ доплата въ 50 марокъ къ рентѣ на случай

старости или неспособности къ труду. Кто пожелалъ бы утверждать, что Пруссія стала социалистическимъ государствомъ, хотя почти всѣ желѣзныя дороги и множество горныхъ предпріятій обращены въ собственность государства! Сколько общинъ оказываетъ въ той или иной формѣ матеріальную помощь бѣднымъ дѣтямъ въ народныхъ школахъ, не становясь вслѣдствіе этого социалистическими! Подобный расплывчатый и неясный способъ выражаться, обозначающій, въ концѣ концовъ, терминомъ „социалистическій“ всякую мѣру въ пользу рабочихъ или менѣ состоятельныхъ классовъ, дѣлаетъ для насъ необходимымъ дать понятію „социализмъ“ ясное и рѣзко очерченное опредѣленіе и отличать его отъ всѣхъ возможныхъ сходныхъ съ нимъ направленій. Мы вполне присоединяемся къ изреченію Канта относительно важности образованія ясныхъ понятій: Мысли безъ содержанія пусты; воззрѣнія безъ понятія слѣпы. Поэтому столь же необходимо дѣлать понятія чувственными, т. е. влагать въ воззрѣнія предметное содержаніе какъ и воззрѣнія дѣлать понятными, т. е. подводить ихъ подъ понятія“.

Если мы хотимъ отвѣтить на вопросъ—что такое социализмъ, мы должны раньше указать на конечную цѣль социализма. Эта цѣль состоитъ въ полнѣйшемъ измѣненіи нашихъ хозяйственныхъ отношеній. И такъ какъ политическая экономія—наука, имѣющая своимъ предметомъ экономическую жизнь человѣческихъ обществъ, то социализмъ, поскольку онъ научно обоснованъ, является однимъ изъ направленій въ политической экономіи. Въ чемъ выражается эта конечная цѣль социализма? Въ уничтоженіи частной собственности на средства производства. Подъ средствами производства мы понимаемъ всѣ тѣ хозяйственныя блага, которыя предназначены для производства новыхъ благъ, значить, землю и всѣ капиталы, т. е. фабрики, машины, орудія, полуфабрикаты, сырой матеріаль и т. п. Въ то время, какъ теперь во всѣхъ культурныхъ государствахъ распоряженіе средствами производства принадлежитъ частнымъ лицамъ, по идеѣ социализма это право должно въ будущемъ быть отнято у частныхъ лицъ и передано обществу. Ни одно частное лицо не должно имѣть права назвать тотъ или другой участокъ земли, ту или другую фабрику своей

собственностью. Право собственности переходить къ государству, или обществу людей, объединенныхъ въ хозяйственный союзъ, какъ бы онъ ни назывался. Мы можемъ такимъ образомъ опредѣлить: *соціализмомъ* называется то направленіе въ политической экономіи, которое считаетъ желательнымъ уничтоженіе частной собственности на средства производства, или же полагаетъ, что мы находимся на пути къ такому общественному строю.

Соціализмъ нужно отличать отъ соціаль-демократіи. Послѣдняя представляетъ собою политическую партію, которая уже въ настоящее время стремится осуществить извѣстную программу, которая преслѣдуетъ опредѣленные цѣли въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ и для ихъ достиженія пользуется извѣстными политическими средствами, какъ избирательнымъ правомъ и т. п. Конечная экономическая цѣль соціаль-демократіи также социалистическая, т. е. и она стремится къ такому экономическому строю, въ которомъ отсутствовала бы частная собственность на средства производства. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что каждый соціаль-демократъ—вмѣстѣ съ тѣмъ и социалистъ; но не всякій социалистъ является соціаль-демократомъ. Не всякій, кто въ качествѣ экономиста-ученаго, убѣжденъ, что общественная собственность на средства производства должна быть предпочтительнѣе частной собственности, или что послѣдняя должна уступить мѣсто первой, не всякій согласенъ съ программой, тактикой и міровоззрѣніемъ соціаль-демократіи. Многіе социалисты полагаютъ, что социалистическій общественный строй возможенъ лишь по прошествіи столѣтій.

Коммунизмъ идетъ далѣе социализма въ томъ смыслѣ, что онъ имѣетъ въ виду изъять изъ распоряженія частныхъ лицъ не только средства производства, но и средства потребленія. Въ социалистическомъ государствѣ частное лицо не можетъ владѣть производительнымъ имуществомъ, т. е. участками земли, фабриками и т. п. Но оно можетъ получить въ свою собственность предметы потребленія, т. е. можетъ вполнѣ свободно распоряжаться доходомъ отъ своего труда; слѣдовательно, на примѣръ, за исполненные рабочіе часы можетъ купить блага, какія ему угодно. Совсѣмъ другое въ коммунистическомъ обществѣ. Тутъ обще-

ству не только принадлежать земля, орудія, машины и т. п., но оно опредѣляетъ также, сколько каждый долженъ получить пищи, одежды и т. д. Иначе говоря, социализмъ стремится устранить частную собственность на орудія труда, коммунизмъ—и на продуктъ труда.

Если коммунизмъ въ ограниченіи частной собственности идетъ дальше социализма, то аграрный социализмъ стремится къ устраненію частной собственности въ болѣе ограниченномъ размѣрѣ. Аграрный коммунизмъ имѣетъ въ виду уничтоженіе частной собственности на землю, съ сохраненіемъ частной собственности на капиталы.

Отъ социализма рѣзко отличается анархизмъ, представляющій полную ему противоположность. Въ то время, какъ социализмъ ограничиваетъ индивидуальную свободу, предоставляя распоряжаться процессомъ производства обществу, анархизмъ, наоборотъ, стремится расширить индивидуальную свободу до крайнихъ предѣловъ. Социализмъ стремится измѣнить нашу правовой строй, анархизмъ хочетъ уничтожить вообще всякій правовой строй. Принудительная сила права должна исчезнуть, каждый долженъ быть господиномъ своего рѣшенія. Каждый можетъ поступать, какъ ему угодно.

Точно такъ же кореннымъ образомъ отличается отъ социализма такъ называемый государственный социализмъ. Подъ государственнымъ социализмомъ въ истинномъ значеніи этого слова слѣдовало бы понимать социализмъ въ томъ видѣ, какъ его представляли Родбертусъ и Лассаль, которые стремились къ водворенію новаго общественнаго строя съ помощью существующаго государства, а не при помощи революціоннаго движенія одного класса. Но обыкновенно подъ „государственнымъ социализмомъ“ понимаютъ нѣчто совсѣмъ другое, и это обстоятельство давало часто поводъ ко всякимъ недоразумѣніямъ. Часто говорятъ о государственномъ социализмѣ, когда дѣло касается мѣръ, посредствомъ которыхъ государство вмѣшивается въ свободную хозяйственную дѣятельность частныхъ предпринимателей или ограничиваетъ свободу хозяйственныхъ договоровъ. Въ этомъ смыслѣ говорятъ о социализмѣ, когда государство пріобрѣтаетъ желѣзныя дороги, или когда въ извѣ-

стных отрасляхъ производства вводитъ нормальный рабочий день. Какъ видно изъ всего вышесказаннаго, здѣсь не можетъ быть рѣчи о социализмѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ государство вовсе не стремится къ уничтоженію частной собственности вообще и къ замѣнѣ ея государственной, оставаясь принципиально за сохраненіе частной собственности на средства производства, оно лишь въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ замѣняетъ частныя предпріятія общественными, когда веденіе дѣла цѣлесообразно можетъ быть организовано государствомъ. Равнымъ образомъ, сохраняя въ принципѣ свободу рабочаго договора, государство вводитъ нѣкоторыя ограниченія этой свободы въ тѣхъ случаяхъ, когда она могла бы повести къ слишкомъ большому злоупотребленіямъ. Только крайніе послѣдователи манчестерской доктрины, отвергающіе всякое вмѣшательство государства въ свободную дѣятельность частныхъ лицъ въ области хозяйственной жизни, могутъ усмотрѣть социализмъ въ томъ, что государство въ одномъ или другомъ случаѣ ограничивало экономическую свободу. Изъ этихъ то манчестерскихъ круговъ исходитъ и эта ошибочная терминологія. Когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ нѣмецкіе теоретики-экономисты стали требовать бѣльшаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь, манчестерцы въ насмѣшку назвали академическихъ представителей этого направленія „соціалистами кафедръ“. Съ тѣхъ поръ сохранилось вводящее въ заблужденіе названіе „государственный социализмъ“ и „катедерсоциализмъ“ за такимъ направленіемъ, которое гораздо вѣрнѣе опредѣляется названіемъ: „соціаль-реформаторское“.

Послѣ того, какъ я охарактеризовалъ общія цѣли социализма и указалъ на отличительные признаки другихъ болѣе или менѣе сходнымъ съ нимъ направленій, является вопросъ: можетъ ли вообще наука сдѣлать предметомъ серьезнаго изученія столь радикальные планы, стремящіеся къ возможно полному устраненію существующаго нынѣ хозяйственнаго разслоенія общества на классы? Охотно ссылаются въ такихъ случаяхъ на извѣстныя слова Трейчке: „Милліонамъ приходится пахать, ковать и стругать для того, чтобы тысячи могли изслѣдовать, рисовать и править“.

Это „приходится“ часто толкуютъ въ смыслѣ *естественной* необходимости. Приводятъ всякія аналогіи изъ естественной исторіи, указываютъ, напримѣръ, на то, что и въ природѣ нѣтъ равенства, что ни одно дерево, ни одинъ кустъ, ни одно животное не похоже вполнѣ на другое; какимъ же образамъ, слѣдовательно, можно стремиться преобразовать человѣческое общество на началахъ равенства. На это приходится раньше всего возразить, что только незначительная часть социалистовъ защищаетъ идею равенства и что даже эти послѣдніе не стремятся устранить естественное неравенство между людьми. Ни одинъ здравомыслящій социалистъ не станетъ отрицать, что и въ социалистическомъ обществѣ будутъ люди съ различнымъ физическимъ и духовнымъ обликомъ. Но нельзя оспаривать положенія, что всѣ люди должны быть снабжены равными средствами для добыванія матеріальныхъ благъ на томъ основаніи, будто такой порядокъ противорѣчитъ *человѣческой природѣ*. Насколько подобное утвержденіе ложно, видно уже изъ того, что у многихъ народовъ самое главное имущество, главный источникъ дохода, именно земля, фактически принадлежала не отдѣльнымъ лицамъ, а, какъ того добивается социализмъ, всему обществу. Пусть даже правы тѣ, кто считаетъ слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніемъ теорію первобытной собственности, по которой земля у всѣхъ народовъ была вначалѣ не частной, а общественной собственностью; но и самые рѣзкіе критики этой теоріи признаютъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ народамъ она безусловно вѣрна; что земля въ теченіе столѣтій принадлежала у нѣкоторыхъ народовъ сельскимъ общинамъ или другимъ союзамъ, но не отдѣльнымъ членамъ общинъ. Что у германцевъ пахотная земля въ свое время находилась въ общественной собственности, считается въ настоящее время неоспоримымъ. Я могъ бы сослаться на существованіе подобнаго же явленія и въ наше время, а именно: я могъ бы указать на обширныя области Великороссіи, гдѣ крестьянская земля принадлежит не отдѣльнымъ крестьянамъ, а сельскимъ общинамъ; крестьянамъ же принадлежитъ лишь право пользованія. Я могъ бы также указать на релігіозныя коммунистическія общины въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки, гдѣ строго проведенъ принципъ

общности имущества. Итакъ, тутъ не можетъ быть рѣчи о несоотвѣтствіи съ человѣческой природой, такъ какъ, если люди въ прежнія времена жили на социалистическихъ началахъ и живутъ и теперь, то опытъ доказываетъ, что въ этомъ нѣтъ ничего противнаго природѣ. Вопросъ слѣдуетъ поставить не такъ: какой общественный строй естествененъ, но—какой наиболее цѣлесообразенъ? Какой общественный строй наиболее отвѣчаетъ справедливому и разумному урегулированію общественной жизни?

По той же причинѣ неумѣстно здѣсь и указаніе на такъ называемое естественное развитіе въ духѣ ученія Дарвина. Намъ говорятъ, что и общество имѣетъ свое естественное развитіе. Подобно тому, какъ въ животномъ и растительномъ царствахъ развивались новые виды, и какъ въ борьбѣ за существованіе болѣе совершенные побѣждали менѣе приспособленныхъ, точно такъ же сами собой развивались все высшія и лучше приспособленныя социальныя состоянія. И здѣсь вы видите фатальное смѣшеніе естественной и социальной жизни. Социальная жизнь протекаетъ не по законамъ естественнаго развитія, но обуславливается правовыми институтами, которые являются результатомъ человѣческой цѣлесообразной дѣятельности.—„Ибо по отношенію къ природѣ—учить насъ Кантъ—опытъ даетъ намъ правила и служить источникомъ истины; при изученіи же нравственныхъ законовъ опытъ (къ сожалѣнію) лишь мать *видимости*, и совершенно недопустимо на основаніи того, что мы дѣлаемъ, устанавливать или ограничивать законы того, что должно дѣлать“.

Итакъ, для насъ вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: цѣлесообразно и разумно ли то, къ чему стремится социализмъ? Такъ какъ социализмъ, стремясь къ коренному преобразованію современнаго общества, хочетъ замѣнить свободную экономическую дѣятельность отдѣльныхъ лицъ подчиненіемъ ихъ принудительной экономической организаціи, то мы могли бы *a limine* отвергнуть серьезное изслѣдованіе этихъ предложеній лишь въ томъ случаѣ, если бы считали экономическій строй, основанный на полной свободѣ, безусловно хорошимъ и совершенно безупречнымъ. Но кто изъ насъ, хоть сколько-нибудь познакомившись съ окружающими насъ социальными условіями, подумавши о кризи-

сахъ, квартирной нуждѣ, безработицѣ и т. п., станетъ отрицать, что этотъ хозяйственный строй имѣетъ свои крупнѣйшіе недостатки? Было бы въ высшей степени предосудительно стать на точку зрѣнія удобной морали Ницше, который по рабочему вопросу выразился однажды слѣдующимъ образомъ: „Глупость, лучше говоря, извращеніе инстинкта, которое въ сущности является причиной всѣхъ глупостей, проявляется въ существованіи рабочаго вопроса. Объ извѣстныхъ вещахъ не спрашиваютъ: это первый императивъ инстинкта. Я не предвижу, что придется дѣлать съ европейскимъ рабочимъ, послѣ того какъ изъ него сдѣлали рабочій вопросъ. Онъ находится въ слишкомъ выгодномъ положеніи, чтобы шагъ за шагомъ не запрашивать все больше, запрашивать безъ всякой скромности. Въ концѣ концовъ на его сторонѣ большое число“. Въ этомъ отношеніи Родбертусъ правильнѣе смотрѣлъ на вещи, когда, подъ впечатлѣніемъ англійскаго чартизма, этого перваго великаго революціоннаго рабочаго движенія девятнадцатаго столѣтія, писалъ: „Чего добиваются рабочіе? Въ состояніи ли будутъ другіе классы не дать имъ того, чего они хотятъ? Станетъ ли то, къ чему рабочіе стремятся, могилой современной культуры? Что исторія поставитъ современемъ эти вопросы съ великой неотложностью, это не составляло тайны для серьезныхъ мыслителей; благодаря чартистскимъ митингамъ и сценамъ въ Бирмингамѣ, это стало ясно и всему міру“.

Исторія, дѣйствительно, очень настойчиво поставила эти вопросы. Въ протекшемъ столѣтіи произошли еще три великія соціалистическія революціи, а именно: февральская революція, іюньская бойня и парижская коммуна. Соціализмъ проявилъ свою силу не только посредствомъ революціонныхъ движеній, но и въ существованіи очень сильныхъ и вліятельныхъ политическихъ партій. Во время послѣднихъ выборовъ въ германскій рейхстагъ за соціалъ-демократовъ было подано свыше трехъ милліоновъ голосовъ, и эта партія теперь одна изъ сильнѣйшихъ въ германскомъ рейхстагѣ. Не придавать значенія столь мощному общественному движенію значило бы вести политику страуса. Наоборотъ, всякій, принимающій участіе въ общественной жизни, долженъ изучить принципы соціализма и опредѣлить свое отношеніе къ нимъ.

Прежде, чѣмъ продолжать свою тему и излагать различныя направленія въ социализмѣ, я хочу сдѣлать нѣкоторыя указанія на литературу социализма.

Но съ чего начать и гдѣ остановиться? Вы можете составить себѣ понятіе объ огромныхъ размѣрахъ социалистической литературы, если я скажу вамъ, что имѣется двухтомное сочиненіе, объемомъ свыше 1000 страницъ, содержащее лишь заглавія социалистическихъ произведеній.

Это сочиненіе принадлежит Штаммгамеру и озаглавлено „Библиографія социализма и коммунизма“ (Лена 1893—96 г.) Какимъ образомъ рекомендовать вамъ небольшое число лучшихъ заслуживающихъ прочтенія сочиненій изъ этой чрезвычайно разросшейся литературы?

Во всякомъ случаѣ, если вы хотите понять міръ социалистическихъ идей, вамъ необходимо обратить вниманіе на двѣ стороны вопроса. Вамъ слѣдуетъ изучить, съ одной стороны, теоріи главныхъ представителей социализма, съ другой—соціальное движеніе и особенности экономическихъ отношеній тѣхъ народовъ и эпохъ, гдѣ эти идеи достигли особеннаго развитія.

Первая задача сравнительно проста: всѣ важнѣйшіе представители социализма составили, рядомъ съ объемистыми произведеніями, въ которыхъ они подробно излагали свои ученія, также и болѣе краткія сочиненія съ изложеніемъ только самыхъ существенныхъ основаній своихъ системъ.

При изложеніи ученій отдѣльныхъ социалистовъ я буду сообщать вамъ о важнѣйшихъ произведеніяхъ этого рода. Сейчас же я хотѣлъ бы посоветовать вамъ вмѣсто многихъ книгъ о социализмѣ взять лучше нѣсколько основныхъ произведеній социалистической литературы, потому что этимъ путемъ вы получите наиболѣе вѣрное представленіе объ идеяхъ и цѣляхъ даннаго направленія мысли. Многія изъ этихъ произведеній стали теперь легко доступны, благодаря изданному Адлеромъ собранію „Главнѣйшихъ сочиненій по социализму и социальной политикѣ“.

Труднѣе вторая задача—изучить тѣ соціальныя движенія и состоянія, которыя находятся въ тѣснѣйшей связи съ социалистическими идеями. До сихъ поръ нѣтъ еще ни одного законченнаго

научнаго труда, въ которомъ одновременно излагалось бы и то и другое, нѣтъ параллельнаго изложенія социалистическихъ теорій и социалистическаго движенія; имѣются только попытки подобнаго рода.

Я назову работу Адлера „Исторія социализма и коммунизма отъ Платона до настоящаго времени“; до сихъ поръ появился лишь 1-ый томъ этого труда, въ которомъ изложеніе доведено до Французской революціи.

Кромѣ того социаль-демократической партіей издается объемистая „Исторія социализма въ монографіяхъ“, въ которой принимаютъ участіе нѣкоторые руководители партіи; появилось уже два тома этого изданія: I томъ, обнимающій время отъ Платона до Французской революціи, составленъ Каутскимъ, Бернштейномъ и др. (Штутгартъ 1895), и III томъ, содержащій въ себѣ исторію социаль-демократіи, составленный Мерингомъ (2-ое изданіе, Штутгартъ 1904). Какъ всякое сочиненіе, издаваемое опредѣленной политической партіей, этотъ трудъ не свободенъ отъ нѣкоторой односторонности.

Интересное изложеніе занимающаго насъ предмета представляетъ собою небольшое сочиненіе Зомбарта: „Социализмъ и социальное движеніе въ девятнадцатомъ столѣтіи“. Обращаю дальше ваше вниманіе на произведеніе вѣнскаго юриста Антона Менгера: „Право на полный продуктъ труда“ (3-ье изд. Штутгартъ, 1905); въ этомъ сочиненіи вы найдете гораздо больше, чѣмъ можно ожидать, судя по заглавію, а именно: подробное изложеніе ученій важнѣйшихъ социалистовъ, причемъ особенное вниманіе обращено также и на предлагаемые ими практическіе проекты.

Что касается дальнѣйшихъ указаній, то я сошлюсь на статью Адлера въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaftler“ (статья: Социализмъ и социаль-демократія), съ обстоятельнымъ перечнемъ литературы, и на соотвѣтственныя статьи Грюнберга въ „Wörterbuch der Volkswirtschaft“

Возвращаюсь, послѣ сдѣланнаго отклоненія, къ нашей темѣ.

Разъяснивъ сущность социализма, т. е., указавъ на его конечную цѣль, мы должны отвѣтить на вопросъ, изъ какихъ идей,

посредствомъ какого ряда мыслей пришли социалисты къ постановкѣ этой конечной цѣли.

Чтобъ вѣрно оцѣнить социализмъ, недостаточно знать, чего хотятъ социалисты; мы должны также узнать, почему и исходя изъ какихъ идей, они поставили себѣ такую цѣль. Что конечной цѣлью социализма является полнѣйшее преобразование современнаго экономическаго строя, мы уже знаемъ. Теперь мы должны поставить вопросъ объ обоснованіи и оправданіи этого требованія, и переходимъ, такимъ образомъ, къ изложенію міровоззрѣнія социалистовъ.

По своимъ основнымъ социально-политическимъ воззрѣніямъ всѣ социалистическіи системы дѣлятся на двѣ сильно другъ отъ друга отличающіяся группы.

Первую группу я называю идеалистическимъ социализмомъ. Относящіеся сюда социалисты требуютъ общественной собственности на основаніи определенной идеи или идеала, который по ихъ мнѣнію, можетъ быть осуществленъ лишь при социалистической организаціи общества. Они стремятся къ социализму для того, чтобы могла быть осуществлена идея равенства, справедливости, братства или какая-либо иная подобная идея, и набрасываютъ подробный планъ будущаго общественнаго строя, въ которомъ люди объединятся на новыхъ началахъ.

Вторую группу я называю материалистическимъ социализмомъ. Представители этого направленія не требуютъ социалистическаго строя въ смыслѣ цѣли, къ которой должно стремиться, но утверждаютъ, что социализмъ долженъ наступить, независимо отъ нашей воли, желаній, мнѣній, какъ результатъ естественнаго, исторически необходимаго развитія.

Въ предѣлахъ идеалистическаго социализма мы должны различать слѣдующія группы:

1. *Религіозный социализмъ*. Требованіе социалистической конечной цѣли исходитъ здѣсь изъ религіозныхъ идей и убѣжденій. Указываютъ, что именно христіанская религія, для полнаго своего осуществленія требуетъ сожителства людей безъ института частной собственности. Съ тѣхъ поръ, какъ члены первыхъ христіан-

скихъ общинъ подѣлили между собою имущество, довольно часто высказывалось убѣжденіе, что общность имуществъ является единственно угоднымъ Богу строемъ жизни. Въ такомъ именно смыслѣ, напримѣръ, секты анабаптистовъ, при введеніи у себя въ XVI столѣтіи коммунистическихъ порядковъ, ссылались на примѣръ первыхъ христіанскихъ общинъ. „Такъ, какъ всѣ святые соблюдаютъ общность въ дѣлахъ священныхъ, какъ Христосъ ничего не имѣлъ для себя лично, а все для насъ, такъ и всѣ члены его тѣла ничего не должны имѣть изъ земныхъ вещей для себя. Богъ не далъ человѣку никакой собственности. Кто собираетъ для себя, тотъ поступаетъ противъ установленій Бога. Равнымъ образомъ и умирающій человѣкъ не можетъ ничего изъ своего имущества взять съ собою; Христосъ называетъ земное добро чужимъ“.

Въ такомъ духѣ религіознаго обоснованія социализма дѣйствовали многочисленныя христіанскіе социалисты во всѣхъ странахъ.

2. *Социализмъ для проведенія социальнаго принципа.* Вторая группа идеалистовъ-социалистовъ стремится къ социализму, какъ къ единственно возможной общественной формѣ, въ которой можетъ осуществиться социальный принципъ. Социальный принципъ состоитъ въ томъ, что при регулированіи общественной жизни принимается во вниманіе не то, чтобы отдѣльныя лица пользовались возможно бѣльшими правами, чтобы имъ доставлены были счастье и блага жизни, а то, чтобы совокупность людей, государство, переживающее отдѣльныхъ индивидуумовъ, образовало хорошо организованное цѣлое. Въ этомъ смыслѣ Платонъ нарисовалъ намъ въ своемъ „Государствѣ“ идеальную картину коммунистическаго общества. Въ „Законахъ“ Платонъ выставилъ въ качествѣ идеала, достижимаго лишь для „боговъ и сыновъ боговъ“, общность всего имущества и всѣхъ хозяйственныхъ работъ для *всѣхъ* гражданъ; въ своемъ же „Государствѣ“ онъ требуетъ этого только для высшихъ классовъ. Такое требованіе онъ обосновываетъ тѣмъ, что лишь этимъ путемъ могло бы быть достигнуто единство государства и что лишь въ такомъ случаѣ интересы отдѣльныхъ гражданъ сводились бы къ благу государства, какъ цѣлаго.

Въ соотвѣтствіи съ идеями древней философіи, этого рода социализмъ уподобляетъ государство человѣческому организму въ увеличенномъ размѣрѣ а каждое отдѣльное лицо рассматриваетъ, какъ подчиненный органъ государства. Отдѣльное лицо не имѣетъ никакихъ правъ, а только обязанность служить государству и благу государства. Отъ этого служенія общему благу каждый долженъ быть отвлекаемъ, какъ можно меньше. И такъ какъ заботы о частной собственности могли бы вредить общимъ интересамъ, то и высказывается требованіе, что должно установить общественную собственность, дабы всѣ граждане могли посвятить себя цѣликомъ и исключительно общественному благу. Поэтому Платонъ стоитъ также за общность женъ: всѣ должны составлять одну семью; лишь тогда, когда всѣ помыслы и чувства направлены на общіе интересы, можетъ быть достигнуто то, что составляетъ благо. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ также рассматривать социализмъ Родбертуса. По мнѣнію этого социалиста не государство призвано служить благополучію каждаго отдѣльнаго лица, но, наоборотъ, отдѣльныя лица призваны служить духовному, нравственному и хозяйственному благосостоянію государства. Для Родбертуса индивиды составляютъ человѣческій матеріаль, который политика должна подвергнуть обработкѣ. Каждый долженъ служить духу исторіи, преуспѣянію государства, общества и рода.

3. Соціализмъ для осуществленія индивидуалистическаго принципа.

Въ противоположность социальному принципу, индивидуалистическій принципъ исходитъ изъ правъ отдѣльной личности. Согласно этому принципу, введеніе коллективной собственности требуется для того, чтобы отдѣльныя лица, могли пользоваться наибольшимъ количествомъ благъ. Если можно найти представителей этого индивидуалистическаго принципа и въ древности, то главное развитіе онъ получилъ въ связи съ нѣкоторыми идеями современнаго естественнаго права. Это естественное право было обосновано Гуго Гроціусомъ въ его книгѣ „*De jure belli et pacis*“, появившейся въ 1625 году. До тѣхъ поръ господствовало средне-вѣковое міровоззрѣніе, по которому права отдѣльныхъ лицъ проистекали не изъ ихъ собственной личности, а отъ духовной

или свѣтской власти. Все, чѣмъ данное лицо владѣло, разсматривалось, какъ уступленное ему какою-либо властью.

Гроціусъ, наоборотъ, поставилъ вопросъ о правахъ, вытекающихъ изъ человѣческой природы и принадлежащихъ каждому, въ качествѣ вѣчныхъ правъ человѣка, независимо отъ позитивныхъ правовыхъ нормъ тѣхъ или иныхъ государствъ и народовъ. Такимъ естественнымъ правомъ въ области частноправовыхъ нормъ онъ считалъ признаніе „моего“ и „твоего“, иначе говоря, взаимное признаніе собственности, исполненія договоровъ и т. п.

Жанъ-Жакъ Руссо въ своемъ „*Contrat social*“, появившемся въ 1762 году, далъ дальнѣйшее развитіе теоріи естественнаго права и обосновалъ теорію народнаго суверенитета. Согласно Руссо, общество, если не исторически, то по своей идеѣ возникло путемъ договора, путемъ взаимнаго соглашенія воли всѣхъ. Законы не что иное, какъ выраженіе общей воли по вопросамъ общаго интереса. Король только выполняетъ общую волю, и онъ вступаетъ въ противорѣчіе съ своимъ назначеніемъ, когда противится народной волѣ. Къ этой основной идеѣ Руссо, согласно которой свобода индивида и осуществленіе его естественныхъ первоначальныхъ правъ является единственной цѣлью государства, примыкаютъ социалисты индивидуалистическаго направленія. Самъ Руссо не былъ социалистомъ; несмотря на нѣкоторыя враждебныя частной собственности мысли, въ мѣстахъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе для вопроса, онъ высказывается за сохраненіе собственности. Въ статьѣ „*Economie politique*“, въ энциклопедіи онъ называетъ собственность „священнѣйшимъ изъ правъ“. Но социалисты и коммунисты эпохи Великой Французской Революціи провозглашали свои ученія, исходя изъ нѣкоторыхъ пунктовъ его теоріи. Подобно тому, какъ Руссо изъ теоріи естественной свободы и равенства людей выводилъ теорію политическаго равенства гражданъ, такъ социалисты и коммунисты полагали, что изъ естественнаго равенства и свободы людей вытекаетъ также равенство имущественное. Принципъ „*Egalité*“, который до тѣхъ поръ провозглашался лишь по отношенію къ политической свободѣ, въ эпоху террора Великой Французской Революціи, былъ провозглашенъ и по отношенію къ имуществу. Типичнымъ представителемъ

этого коммунистического направления был Марать, которому принадлежит слѣдующее характерное изреченіе: „Равенство правъ ведетъ къ равному пользованію благами, и только на этомъ базисѣ мысль можетъ успокоиться“; ему же принадлежит и другое выраженіе: „плохая выгода была бы побѣдить дворянскую аристократію для того, чтобы попасть подъ власть аристократіи денежной“.

Это только одно изъ тѣхъ социалистическихъ ученій, которыя возникли на почвѣ своеобразнаго развитія извѣстныхъ положеній естественнаго права. Естественное право служить вообще къ обоснованію многочисленныхъ варіантовъ „этического“ социализма, который выставляетъ свои требованія, какъ неизбѣжный выводъ изъ равенства правъ всѣхъ людей на счастье и наслажденія, и другихъ подобныхъ положеній гуманности и справедливости.

76246
9797

Діаметральную противоположность идеалистическому социализму представляетъ собою современный научный социализмъ, насколько онъ обоснованъ Марксомъ и Энгельсомъ. Оба эти социалиста создали въ 40-хъ годахъ 19 столѣтія новую своеобразную философію исторіи — такъ называемое материалистическое пониманіе исторіи. Марксистскій социализмъ является лишь примѣненіемъ этого новаго метода. Къ сожалѣнію, мы не обладаемъ сочиненіемъ, въ которомъ въ сжатомъ видѣ была бы представлена сущность этого ученія. Для того, чтобы ориентироваться въ основныхъ изложеніяхъ этой теоріи, я могу рекомендовать вамъ больше всего сочиненіе Энгельса „Развитіе социализма отъ утопіи къ наукѣ“ и „Коммунистическій манифестъ“, составленный Марксомъ и Энгельсомъ и впервые появившійся въ 1848 году. Во избѣжаніе недоразумѣній, которыя часто вызываются названіемъ „материалистическое пониманіе исторіи“, я долженъ замѣтить, что эта теорія не тождественна съ общимъ философскимъ міровоззрѣніемъ „материализма“, согласно которому вся духовная жизнь сводится къ „матеріи“, и всѣ явленія объясняются материальными процессами. Этотъ „материализмъ“, какъ его излагали философы, начиная отъ Демокрита и до Бюхнера, Фогта и др., имѣетъ цѣлью рѣшить вопросъ, какъ слѣдуетъ объяснять всѣ духовныя явленія; экономическій же материализмъ старается открыть факторы обществен-

наго развитія челоуѣчества. Матеріалистическое пониманіе исторіи сводитъ въ конечномъ счетѣ всю общественную жизнь къ экономическимъ явленіямъ, а потому я считалъ бы болѣе цѣлесообразнымъ назвать это направленіе экономическимъ или реалистическимъ пониманіемъ исторіи.

Невѣрно также, будто матеріалистическое пониманіе исторіи отрицаетъ или игнорируетъ, какъ то думаютъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ критиковъ, „идеалы“, или что оно на все смотритъ съ точки зрѣнія матеріальныхъ благъ. Это міровоззрѣніе признаетъ идеалы, но оно считаетъ ихъ простыми отраженіями, рефлексами экономическихъ процессовъ.

Позвольте мнѣ вкратцѣ изложить сущность матеріалистическаго пониманія исторіи.

Согласно этой теоріи, основу всякаго общественнаго строя образуетъ прежде всего производство и затѣмъ обмѣнъ продуктовъ. Достаточно спросить: какъ производятся и обмѣниваются товары, и уже отсюда вытекаетъ, каковъ строй общественной жизни. Когда измѣняется способъ производства продуктовъ, долженъ непременно измѣниться и тотъ правовой строй, въ которомъ живутъ люди. Итакъ,—и въ этомъ основное отличіе этого міровоззрѣнія отъ идеалистическаго — новое устройство общественной жизни возникаетъ не подъ вліяніемъ идей, не изъ головъ людей; измѣненія общественнаго строя съ необходимостью вызываются процессомъ развитія производительныхъ силъ.

Приведу примѣръ. Примитивному экстенсивному земледѣлію соотвѣтствовалъ феодальный строй, который оказывается совершенно несоотвѣтствующимъ интенсивному, капиталистическому веденію сельскаго хозяйства. Когда въ промышленности преобладаетъ ремесленный способъ производства, цеховой строй является подходящимъ; но, когда, благодаря развитію машинной техники, возникаетъ крупное производство, цеховой строй распадается, и его мѣсто заступаетъ свобода промышленности.

Словомъ, техника производства, въ широкомъ смыслѣ слова, опредѣляетъ всю общественную жизнь,—въ зависимости отъ нея измѣняется право, мораль, нравы, религія и т. д. Причемъ подъ техникой производства подразумѣваются не только матеріальныя

орудія производства, слѣдовательно, не только то, употребляются ли въ дѣло ручные инструменты или машины, но и то, мало ли или много вспомогательныхъ силъ участвуетъ въ производствѣ, ограничиваются ли взаимныя сношенія тѣсными мѣстными районами, или же, благодаря новымъ путямъ сообщенія, охватываютъ весь міръ.

Каждая данная ступень экономического развитія какого-либо народа или какой-либо эпохи образуютъ, по замѣчанію Энгельса, основу для объясненія государственныхъ учреждений, правового строя, искусства и даже религіозныхъ представленій людей.

Такимъ образомъ, и социализмъ является не „идеаломъ“ современнаго общественнаго строя, но необходимой новой ступенью въ развитіи общества, ступенью, на которой вновь выступающимъ производительнымъ силамъ и новымъ экономическимъ задачамъ не соотвѣтствуютъ уже старыя общественныя формы. Согласно этому ученію, капитализмъ долженъ погибнуть не потому, что онъ „несправедливъ“, но потому, что онъ устарѣлъ. Новымъ великимъ задачамъ хозяйственной техники можетъ удовлетворять только коллективная собственность. „Рѣшающимъ факторомъ развитія общества, говоритъ Каутскій, является стремленіе создать строй, лучше отвѣчающій не природѣ человѣка, а прогрессу техники. Техника, такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ опредѣляетъ форму общественнаго сожителства. Соціалистическое общество смѣнитъ капиталистическое такъ же, какъ послѣднее смѣнило феодальное средневѣковое“.

Средневѣковое общество было приноровлено къ мелкому производству для непосредственнаго потребленія, оно допускало цеховой строй и феодальную систему; капиталистическое товарное производство съ свободнымъ хозяйственнымъ строемъ было необходимо для того, чтобы совладать съ мощно разросшимся производствомъ. Но и капиталистическій строй, чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше удовлетворяетъ своей цѣли, такъ какъ производительныя силы переростають его. Частный собственникъ не въ состояніи больше совладать съ производительными силами. Подтвержденіемъ этому служатъ, съ одной стороны, кризисы, которые показываютъ что частное хозяйство не въ состояніи держать въ равновѣсіи

производство и сбытъ; съ другой стороны, картели, тресты, синдикаты. Самое образованіе этихъ добровольныхъ соглашеній предпринимателей является признаніемъ, что „свободная конкуренція“ не можетъ больше держаться. Все это указываетъ на полное превращеніе современнаго общества въ общество съ планомѣрнымъ общественнымъ производствомъ и общественнымъ распределеніемъ продуктовъ.

Но кто призванъ произвести это превращеніе? И въ этомъ вопросѣ историческій матеріализмъ отличается отъ ученій указанныхъ мною социалистовъ-идеалистовъ. Эти послѣдніе обращались ко всѣмъ „добрымъ“ людямъ, благородно и честно мыслящимъ, съ предложеніемъ содѣйствовать осуществленію социализма. Совершенно иначе смотрятъ на дѣло Марксъ и Энгельсъ, представители теоріи классовой борьбы.

Согласно этому ученію, вся исторія человѣчества до сихъ поръ является исторіей классовой борьбы. Постоянно угнетатели и угнетаемые вѣли между собой борьбу, которая всегда кончалась или революціоннымъ переворотомъ, или полной гибелью борющихся классовъ.

Какъ раньше боролись рабы съ рабовладѣльцами, крѣпостные съ феодалами, такъ борются теперь наемные рабочіе съ предпринимателями. Все больше растетъ число и мощь пролетаріата, все меньше становится число предпріятій, такъ какъ, благодаря развитію производства, все больше увеличивается число крупныхъ предпріятій. Такимъ образомъ все болѣе обостряется борьба между пролетаріатомъ и уменьшающимся числомъ крупныхъ капиталистовъ. Но эту борьбу пролетаріатъ долженъ вести одинъ, безъ содѣйствія другихъ классовъ общества.

Такой взглядъ исключаетъ всякій идеализмъ въ объясненіи историческихъ явленій. „Этимъ—пишетъ Энгельсъ,—т. е. открытіемъ, что вся исторія до сихъ поръ представляла собой исторію классовой борьбы, что эта классовая борьба коренится въ экономическихъ отношеніяхъ соответственныхъ эпохъ, и что всегда экономическая структура общества образуетъ ту реальную основу, исходя изъ которой можно понять всю надстройку правовыхъ и политическихъ учрежденій, равно какъ и характеръ религіозныхъ,

философскихъ и другихъ представлений,—такимъ пониманіемъ исторіи идеализмъ былъ изгнанъ изъ своего послѣдняго убѣжища, изъ философіи исторіи; этимъ было дано матеріалистическое пониманіе исторіи, и указанъ путь для объясненія сознанія людей ихъ бытіемъ, а не бытія ихъ сознаніемъ“.

Послѣ сдѣланнаго обзора основныхъ системъ социализма вамъ станетъ ясно, какъ ложны такого рода обобщающія положенія, какъ, на примѣръ, утвержденіе, что социализмъ отрицаетъ религію, или, что „социализмъ исходитъ изъ принципа равенства людей“, или, что „социализмъ матеріалистиченъ“. Наоборотъ, въ социализмѣ существуетъ масса оттѣнковъ, и, если вы приступаете къ изученію социализма вообще или кого-либо изъ социалистовъ, вы должны обратить вниманіе на тѣ различія, которыя я вамъ старался разъяснить.

II ЛЕКЦІЯ.

Соціалистическое государство будущаго.

Если вы когда-нибудь будете въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, посѣтите непременно *общину Амана* въ штатѣ Іова. Община эта состоитъ изъ семи деревень, и всѣ путешественники, посѣтившіе эти деревни, рассказываютъ много интереснаго о жизни и дѣятельности ихъ обитателей. Посѣтителей поражаетъ прежде всего то обстоятельство, что всѣ дома имѣютъ одинъ и тотъ же видъ и устроены совершенно одинаково, какъ внутри, такъ и снаружи. Простые, безъ всякихъ украшеній, они напоминаютъ собой дома нѣмецкихъ крестьянъ. Но удивленіе путешественниковъ возрастаетъ послѣ того, какъ они входятъ въ домъ и начинаютъ спрашивать обитателей про ихъ хозяйственныя дѣла. Они узнаютъ тогда, что ни одинъ изъ домовъ не принадлежитъ кому-либо въ частную собственность, и что дома, какъ и другое имущество, составляютъ *общественную собственность* всей общины. Частная собственность тамъ вообще строго запрещена. Во всей общинѣ живетъ около 1800 человекъ, сообща владѣющихъ болѣе чѣмъ 10.000 гектаровъ прекрасной земли. Въ каждомъ изъ семи селъ имѣется главная улица, длиною приблизительно въ полъ англійской мили. По обѣимъ сторонамъ этой улицы идутъ маленькіе домики, каждый для одного семейства; гумна же, мельницы, фабрики и мастерскія лежатъ въ сторонѣ. Трудолюбивые обитатели этой общины занимаются не только земледѣліемъ, но и промышленностью: у нихъ имѣются лѣсопильни и шерстеткацкія и бумагопрядильныя заведенія, продукты которыхъ пользуются большою популярностью въ Соединенныхъ Штатахъ; они занимаются также пивовареніемъ и вино-

дѣліемъ. Но особенностью аманской общины является то, что всѣ эти мастерскія, фабрики, мельницы и т. д. принадлежатъ не отдѣльнымъ лицамъ, а *всей общинѣ*. Отдѣльные лица не могутъ свободно выбирать себѣ то или другое занятіе: работа распределяется 13 старшинами, такъ называемыми Trustees, выбираемыми всѣми членами общины.

Эти старшины распределяютъ рабочія силы такъ, чтобы могли быть удовлетворены всѣ очень скромныя, правда, потребности членовъ общины, и чтобъ притомъ всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, были привлечены къ работѣ, по возможности, равномерно. Осенью, когда жатва требуетъ особенно большого числа рабочихъ рукъ, къ полевымъ работамъ привлекаются и промышленныя рабочіе.

Въ аманской общинѣ существуетъ моногамическій бракъ; при этомъ никто не можетъ вступать въ бракъ до 24 лѣтъ, и между помолвкой и свадьбой долженъ пройти, по крайней мѣрѣ, годъ. Ъдятъ въ общихъ столовыхъ; всего имѣется 14 большихъ домовъ, въ которыхъ помѣщаются кухни и общія столовыя. Группы въ 30—50 семействъ имѣютъ общій столъ.

Одежда аманитовъ также отличается большой простотой: какъ мужчины, такъ и женщины должны носить однообразныя, безъ всякихъ украшеній платья. Всѣ женщины, безъ различія возраста, носятъ короткія платья и черныя, плотно прилегающіе къ волосамъ, чепцы. Такъ какъ и женщины привлекаются къ работамъ, хотя и болѣе легкимъ, то онѣ отчасти освобождаются отъ заботъ по воспитанію дѣтей. Въ общественныхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ 2—3 женщины постоянно заняты уходомъ за 25 маленькими дѣтьми. Дѣти въ возрастѣ отъ 6 до 13 лѣтъ посѣщаютъ школы, мальчики и дѣвочки вмѣстѣ. Время дѣтей распределено слѣдующимъ образомъ: отъ 7 до 10^{1/2} уроки въ школѣ, отъ 10^{1/2} до 11 занятія рукодѣліемъ, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ, отъ 1 до 3 опять уроки въ школѣ, а отъ 3 до 4^{1/2} шитье и вязанье. Программа занятій крайне элементарна, значительное мѣсто занимаютъ въ ней Библія и катехизисъ. Далѣе, въ каждой деревнѣ имѣется лавка, гдѣ жители Аمانы могутъ покупать всѣ предметы потребленія. Всякая роскошь, однако, исклю-

чается, такъ какъ каждому мужчинѣ отпускается товаровъ только на 40, а каждой женщинѣ на 25 долларовъ въ годъ. Но зато всѣ предметы продаются имъ по той же цѣнѣ, по какой обошлось ихъ приобрѣтеніе. Юристовъ въ Аманѣ нѣтъ. Такъ какъ нѣтъ ни „моего“, ни „твоего“, то не бываетъ и процессовъ.

Что представляетъ собой община Амана? *Современное социалистическое государство*. Общественную организацію, сущность которой я изложилъ *теоретически* въ первой лекціи, вы можете видѣть на этомъ примѣрѣ осуществленной *практически*. Ибо то, что составляетъ сущность социализма, *коллективная собственность на средства производства*, проведено здѣсь на практикѣ. Эти деревни носятъ даже полукоммунистическій характеръ такъ какъ потребленіе опредѣляется однообразными для всѣхъ правилами, за исключеніемъ небольшой денежной суммы, предоставляемой аманитамъ въ полное распоряженіе.

Но община аманитовъ отличается еще одной особенностью, и эта-то особенность, безъ сомнѣнія, является причиной того, что община существуетъ вотъ ужъ 62 года, между тѣмъ какъ многочисленныя подобныя же социалистическія организаціи распадались, спустя короткое время послѣ своего основанія. Особенность эта—глубоко *религіозный* характеръ общины. Аманиты представляли вначалѣ религіозную секту, ведущую свое происхожденіе изъ южной Германіи, гдѣ зачатки ея можно прослѣдить съ начала XVIII столѣтія. Послѣдователи этой секты вѣрили, что Богъ въ своемъ всемогуществѣ можетъ открывать свою волю чрезъ человѣческое существо теперь такъ же, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ; они были поэтому убѣждены, что такъ называемая ими „инспирація“ есть такое же слово Божіе, какое возвѣщалось Св. Духомъ чрезъ апостоловъ. Человѣческое существо, чрезъ посредство котораго Богъ обращается къ своему народу, называется „инспирированнымъ инструментомъ“ и считается духовнымъ главой общины. Общины были разсѣяны по всей Германіи и объединялись только своими „инспирированными орудіями“, которыя, переходя изъ одной общины въ другую, повсюду произносили свои проповѣди и увѣщеванія. Въ 1842 г. тогдашній глава ихъ, плотникъ Христіанъ Метцъ, получилъ откровеніе собрать всѣхъ вѣрующихъ

и увести ихъ далеко отъ мѣста ихъ родины и преслѣдованія. Ибо, вслѣдствіе отказа давать присягу и посылать своихъ дѣтей въ школы, руководимыя священниками господствующей церкви, они вступили въ конфликтъ съ правительствомъ и духовенствомъ. Еще въ томъ же году Метцъ съ 4 товарищами отправились въ Америку, гдѣ они недалеко отъ Балтиморы купили большой участокъ земли. Въ первомъ же году эмигрировали 350 вѣрующихъ, въ 1844 г.—217. Въ слѣдующіе годы число эмигрантовъ увеличилось, достигнувъ, наконецъ, свыше 1000 человекъ, расселившихся въ различныхъ деревняхъ. Въ Германіи у нихъ еще не было коммунистическихъ началъ. Только въ Америкѣ путемъ „инспираціи“ имъ было повелѣно отдать все свое достояніе въ общественную кассу и жить на началахъ общности имущества. Этимъ они надѣялись совершить дѣло, особенно угодное Богу. Основная ихъ идея состоитъ въ томъ, что люди живутъ на землѣ только для того, чтобы спасти свою душу. Они говорятъ: „Тотъ, Кто сотворилъ небо и землю, могъ бы легко обладать всѣми богатствами міра, однако Онъ предпочелъ явиться къ намъ бѣднымъ младенцемъ и жить среди насъ послѣднимъ бѣднякомъ, не имѣя даже мѣста, куда преклонить свою голову. Стремясь послѣдовать Его примѣру, люди должны вести жизнь, полную самоотреченія и простоты, избѣгая всякой роскоши и изящества въ своихъ одеждахъ, жилищахъ и во всей обстановкѣ. Мѣста для собраній должны быть просты, такъ какъ Господь и Самъ не имѣлъ каменныхъ домовъ и великолѣпныхъ церквей. Храмы Его — ихъ сердца, и главное стремленіе ихъ должно состоять въ томъ, чтобы послѣднія представляли чистую обитель, которую Онъ любилъ бы посѣщать“.

Разныя религіозныя занятія заполняютъ значительную часть дня; до и послѣ каждой трапезы совершается длинная молитва, и каждый вечеръ происходитъ молитвенное собраніе. Три раза въ недѣлю совершается богослуженіе, на которомъ присутствуютъ всѣ поселяне. У нихъ нельзя найти никакой свѣтской книги, допускается только Библия и религіозныя сочиненія. Развлеченій аманиты не знаютъ: танцы и театръ считаются оскверненіемъ христіанства. Они переносятъ свою однообразную жизнь, исходя

изъ убѣжденія, что если душа ихъ обратится къ земнымъ удовольствіямъ, то мысль ихъ уклонится отъ Бога.

Строгую дисциплину и подчиненіе, крайнее стѣсненіе личной свободы, неизбѣжно связаннаыя съ социалистическимъ общественнымъ строемъ, могли до сихъ поръ выдержать, повидимому, только религіозные фанатики, готовые для спасенія своей души приносить самыя тяжелыя жертвы. Многочисленныя коммунистическія попытки, не основанныя на религіозномъ чувствѣ, сдѣланныя *Оуэномъ*, *Фурье*, *Кабе* и ихъ послѣдователями, спустя короткое время кончались полной неудачей. Религіозныя же коммунистическія общины сохранились въ значительномъ числѣ; кромѣ общины аманитовъ, напомнимъ еще объ общинѣ шекеровъ, основанной въ 1787 г. и имѣющей 2000—3000 членовъ; общину раппистовъ, основанную въ 1803 г., съ 40 членами, и существующую съ 1847 г. общину зоаристовъ, насчитывающую около 400 послѣдователей.

Описанное нами экономическое устройство Аманы въ главныхъ чертахъ напоминаетъ собой ту идеальную картину, которая изображается въ литературѣ социалистическихъ утопій. *Утопіями* называются произведенія, авторы которыхъ описываютъ желательный имъ общественный строй въ воображаемомъ государствѣ. Вамъ всѣмъ извѣстна книга Беллами „Въ 2000-мъ году“, наиболѣе распространенная социалистическая утопія новаго времени. Однако ни одна изъ новѣйшихъ утопій не можетъ хоть сколько нибудь сравниться ни по мысли, ни по изложенію съ знаменитой утопией Томаса Мора, появившейся въ 1516 г. и служащей пробразомъ всѣхъ многочисленныхъ позднѣйшихъ утопій. Авторъ ея—Томасъ Моръ, знаменитый лордъ-канцлеръ Генриха VIII, былъ казненъ въ 1535 г. въ Тоуэрѣ за то, что не хотѣлъ признать законности развода короля съ его супругой.

Экономическія условія того времени, когда жилъ Моръ, были крайне плачевны. Въ XV вѣкѣ въ Англіи произошелъ крупный экономическій переворотъ, такъ какъ вслѣдствіе сильнаго паденія цѣнъ на хлѣбъ, землевладѣльцы перешли отъ земледѣлія къ скотоводству. Развитіе шерстяной промышленности сдѣлало очень прибыльнымъ разведеніе овецъ, но зато многія тысячи крестьянъ

и арендаторовъ разомъ лишились средствъ къ существованію. Безработица и нищенство стали широко распространеннымъ зломъ. Въ противоположность бѣдствіямъ своего времени, Томасъ Моръ нарисовалъ картину идеальнаго государства будущаго, въ которомъ болѣе совершенное экономическое устройство должно было привести къ счастью и благосостоянію всѣхъ гражданъ.

Познакомимся нѣсколько ближе съ экономическими учрежденіями Утопіи. Тамъ господствуетъ *коммунизмъ*, т. е. нѣтъ частной собственности ни на средства производства, ни на предметы потребленія. Даже жилища жители Утопіи должны мѣнять каждыя десять лѣтъ, „чтобы ничто не стало ихъ собственностью“. Столъ также устраивается общій. Работы обязательны для всякаго; филархи, избранныя должностныя лица общины, обязаны слѣдить, чтобы никто не оставался празднымъ. Всякій обязанъ работать шесть часовъ въ сутки, восемь часовъ назначены для ночного отдыха, все остальное время каждый можетъ проводить, какъ ему угодно. Работы въ Утопіи дѣлятся на земледѣльческія и промышленныя. Земледѣліемъ долженъ заниматься каждый въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ деревняхъ находятся снабженныя всякими земледѣльческими орудіями жилища для гражданъ, занимающихся земледѣліемъ. Каждая сельская семья состоитъ изъ 40 человѣкъ, изъ которыхъ послѣ двухлѣтнихъ занятій земледѣліемъ возвращаются въ города ежегодно 20 человѣкъ. Кромѣ земледѣлія, всякій, какъ мужчина, такъ и женщина долженъ изучить какое-нибудь ремесло, въ качествѣ своего спеціального занятія; чаще всего такимъ занятіемъ является обработка шерсти или льна, или же ремесло каменщика, кузнеца, плотника. Обыкновенно каждый изучаетъ ремесло своего отца; если же кто нибудь предпочитаетъ какое-либо другое ремесло, онъ вступаетъ въ ту семью, которая занимается этимъ послѣднимъ.

Выборъ такъ называемыхъ либеральныхъ профессій не свободенъ; только по рекомендаціи духовенства и тайному избранію филархами немногимъ разрѣшается посвятить себя научнымъ занятіямъ. Если же допущенный къ такимъ занятіямъ оказывается малоспособнымъ, его могутъ снова вернуть къ ремеслу, и, наоборотъ, если какой нибудь ремесленникъ отличается своей способ-

ностью къ научнымъ занятіямъ, онъ можетъ быть принятъ въ сословіе ученыхъ.

Какъ же обстоитъ дѣло съ работами низшаго рода? Кто возьметъ на себя непріятныя и тяжелыя занятія? Этотъ—щекотливый въ каждой коммунистической системѣ—вопросъ Томасъ Моръ разрѣшаетъ довольно своеобразно: подобныя работы выполняются тѣми, кто, будучи воодушевляемъ религіознымъ чувствомъ, берутъ ихъ на себя *добровольно*, вѣря, что своими усиленными трудами они дѣлаютъ особенно угодное Богу дѣло. Кромѣ того, подобныя работы могутъ быть исполняемы принудительнымъ трудомъ рабовъ. Рабами становятся военноплѣнные, жители Утопіи, присужденные къ принудительнымъ работамъ за преступленія, и иностранцы, осужденные на смерть и покупаемые Утопіей за небольшую цѣну.

Распредѣленіе продуктовъ также совершается на коммунистическихъ началахъ. Продукты, произведенные каждой семьей, доставляются въ общественные магазины, находящіеся на базарныхъ площадяхъ каждаго города. Каждый отецъ семейства имѣетъ право брать изъ магазиновъ то, что ему нужно для себя и своей семьи. За это ему денегъ платить не нужно, такъ какъ онъ беретъ только свою долю всего общественнаго продукта. Денегъ въ Утопіи вообще нѣтъ, такъ какъ обмѣна совершенно не существуетъ. Запасы, остающіеся послѣ того, какъ требованія всѣхъ семействъ уже удовлетворены, сохраняются въ теченіе двухъ лѣтъ въ общественныхъ магазинахъ. Ежегодно сенатъ опредѣляетъ, въ какихъ магазинахъ ощущается излишекъ или недостатокъ въ извѣстныхъ товарахъ, и затѣмъ принимаются мѣры къ устраненію обнаружившагося несоотвѣтствія. Товары, которые въ Утопіи остаются непотребленными, высылаются за границу для раздачи бѣднымъ, или продаются тамъ; вырученныя отъ продажи деньги сберегаются для найма солдатъ на случай войны. Вообще же золото и серебро идутъ на выдѣлку утвари для грубыхъ потребностей и на цѣпи для рабовъ, чтобы населеніе привыкло относиться къ этимъ благороднымъ металламъ съ пренебреженіемъ.

Несмотря на коммунизмъ въ экономическомъ устройствѣ, въ

Утопіи Мора нѣтъ общности женъ, какъ въ „Государствѣ“ Платона; не установленъ моногамическій бракъ. Впрочемъ, семейная жизнь подвергается сильнымъ ограниченіямъ. Хотя число дѣтей, какое можетъ произвести на свѣтъ каждая отдѣльная семья, точно не установлено, но дѣти мужского пола должны оставаться въ своей семьѣ, даже ставши уже взрослыми, и въ каждой семьѣ должно быть не менѣе 10 и не болѣе 16 взрослыхъ членовъ. Лишніе члены болѣе многочисленныхъ семействъ переводятся въ менѣе многочисленные семьи. Если въ какомъ-нибудь городѣ число жителей возросло выше установленнаго числа, избытокъ переселяется въ менѣе населенные города. Если же во всей Утопіи окажется избытокъ населенія, то отбирается извѣстное число жителей и принуждается къ выселенію и колонизаціи.

Въ такомъ видѣ изобразилъ намъ Томасъ Моръ то идеальное государство, въ которомъ осуществлены два высшихъ принципа, подлежащіе проведенію въ общественной жизни—справедливость и счастье всѣхъ. Всѣ индивиды, согласно естественному праву человѣка, имѣютъ равное право жить счастливо, для этого они должны находиться въ одинаковыхъ матеріальныхъ условіяхъ, и всякому должна воздаваться должная честь по заслугамъ.

Но гораздо больше, чѣмъ общественный строй Утопіи, васъ интересуетъ вопросъ: какъ представляетъ себѣ *современный социализмъ* государство будущаго? что думаетъ о немъ современная социаль-демократія, т. е. та политическая партія, которая ставитъ осуществленіе социализма своей конечной цѣлью? Почему вожаки социаль-демократіи даютъ всегда такой уклончивый и неудовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, какой видъ будетъ имѣть ихъ государство будущаго? Яснѣе всего это проявилось въ знаменитыхъ пятидневныхъ дебатахъ въ рейхстагѣ въ январѣ и февралѣ 1893, когда разбирался вопросъ о социаль-демократическомъ государствѣ будущаго. При обсужденіи бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ пренія коснулись общихъ социальныхъ нуждъ, а затѣмъ перешли къ цѣлямъ социаль-демократіи. Самымъ настойчивымъ образомъ вызывали вожаковъ социаль-демократической партіи описать социаль-демократическое государство будущаго, „Здѣсь, передъ лицомъ всей Германіи вы будете при-

нуждены изобразить намъ ваше государство“,—говорили имъ — „если же вы не можете дать ни основного плана, ни общаго наброска, ни поперечнаго, ни продольнаго разрѣза социаль-демократическаго государства, то не прогнѣвайтесь, если мы будемъ считать ваше государство будущаго тѣмъ же, чѣмъ его считаютъ ужъ теперь болѣе старые и разсудительные рабочіе: пустой фантазіей безъ плоти и крови въ настоящемъ и въ будущемъ“. Если тогда всѣ пренія и не привели ни къ какому результату, если какъ разъ то, что хотѣли услышать противники социаль-демократіи, и не было изложено предъ ними, если социаль-демократы ограничились главнымъ образомъ тѣмъ, что дали рѣзкую критику существующаго строя, а о социалистическомъ обществѣ говорили только въ самыхъ общихъ чертахъ,—то все же было бы большою несправедливостью по отношенію къ социаль-демократической партіи приписывать подобное поведеніе ей нѣкоторой боязни раскрыть свои дѣйствительныя кѣнечныя цѣли. Дѣло обстоитъ совершенно иначе. Современная социаль-демократія *не можетъ*, подобно тому, какъ это дѣлали прежніе социалисты, дать *подробное описаніе своего государства будущаго*. Это вытекаетъ изъ того, что точка зрѣнія социаль-демократовъ на сущность социализма совершенно отлична отъ точки зрѣнія прежнихъ социалистовъ. Современная германская социаль-демократія стоитъ на почвѣ материалистическаго пониманія исторіи, которое я вамъ изложилъ въ прошлый разъ. Согласно этому пониманію, *будущій общественный строй не можетъ быть созданъ по плану* какого-нибудь спасителя человечества, создающаго людямъ счастье и благосостояніе посредствомъ придуманнаго имъ распорядка жизни,—нѣкоторые вѣдь высчитали даже подробно, сколько каждому человеку нужно дать пищи, одежды и т. д.

Съ точки зрѣнія современнаго социализма появленіе новаго общественнаго строя обусловливается развитіемъ производительныхъ силъ, имѣющихся въ наличности въ старомъ обществѣ. Поэтому было бы крайне ошибочно доказать неосуществимость цѣлей современнаго социализма тѣмъ, что эксперименты прежнихъ социалистическихъ общинъ окончились неудачей. Вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы какъ-нибудь сотня людей, руководимая вождемъ

воодушевленнымъ социалистическими идеями, основала колонию въ отдаленной части свѣта. Материалистическое пониманіе исторіи говоритъ, что *все общество* находится въ *процессъ измѣненія*, и что на *тенденціи общественнаго развитія* нужно обратить вниманіе того класса, которому отъ этого переворота предстоитъ наибольшая выгода.

Но такъ какъ никто не можетъ заранѣе сказать, какой величины достигнетъ доходъ всего народнаго хозяйства, благодаря вновь появляющимся изобрѣтеніямъ и возрастающей концентраціи производства, то и социалисты не могутъ нарисовать картины, какъ будутъ удовлетворены въ будущемъ государствѣ потребности: въ жилищахъ, одеждѣ, пищѣ и т. д. Исходя изъ этой точки зрѣнія, *Карль Марксъ* и *Фридрихъ Энгельсъ* еще въ 1848 г. въ „Коммунистическомъ манифестѣ“ опредѣлили свое отношеніе къ прежнимъ социалистамъ, которыхъ они осмѣивали за ихъ утопизмъ: „Вмѣсто общественной дѣятельности, по ихъ мнѣнію, должна выступить на сцену ихъ личная творческая дѣятельность, вмѣсто историческихъ условій освобожденія—фантастическія, вмѣсто постепенно развивающейся организаціи пролетаріата въ классъ—общественная организація ихъ собственнаго изобрѣтенія. Дальнѣйшая исторія всего міра сводится къ пропагандѣ и практическому осуществленію ихъ общественныхъ плановъ“. Самое заглавіе упомянутаго мною сочиненія Энгельса: „Развитіе социализма отъ утопіи къ науку“ должно указывать на то, что авторъ отвергаетъ всѣ прежнія социалистическія системы, какъ утопіи, и признаетъ научнымъ только новый социализмъ, связанный съ ученіемъ Маркса. Противъ прежняго расписыванія государства будущаго Энгельсъ замѣчаетъ: „Дѣло шло объ изобрѣтеніи новой, болѣе совершенной системы общественнаго устройства и объ октроированіи ея обществу извнѣ, съ помощью пропаганды, а гдѣ возможно, съ помощью примѣра образцово обставленныхъ экспериментовъ. Эти новыя социальныя системы съ самаго начала были обречены оставаться *утопіей*; чѣмъ тщательнѣй онѣ были разработаны въ своихъ подробностяхъ, тѣмъ болѣе онѣ вырождались въ чистую фантазію“.

Пока на социализмъ смотрѣли, какъ на нѣчто достойное желаній, какъ это дѣлали прежніе социалисты, можно было тре-

бовать: представьте намъ точную картину того государства, которое вы желаете и котораго должны желать и мы.

Теперь же, когда социализмъ разсматривается какъ необходимая ступень общественнаго развитія, умѣстнѣе спросить: почему социализмъ долженъ наступить? Достаточно, если намъ дають *основныя черты* будущаго строя. Когда въ новѣйшее время были опубликованы два сочиненія, написанныя социалистами: „Социаль-демократическое государство“ Освальда Келера (Oswald Köhler, Нюрнбергъ 1891) и „Производство и потребленіе въ социалистическомъ государствѣ“ Атлантикуса (Штутгартъ, 1898), то социаль-демократическая партія успѣшила оффициально заявить, что эти книги представляютъ собой частныя работы ихъ авторовъ, и марксистъ *Каутскій* въ своемъ предисловіи ко второй изъ вышеназванныхъ книгъ поясняетъ: „Социаль-демократическая партія постоянно уклонялась и должна была уклоняться отъ того, чтобы признать какую-нибудь конструкцію будущаго обязательной для себя и намѣтить ее, какъ цѣль, къ которой она стремится“. И Бебель въ своей книгѣ „Женщина и социализмъ“ пустился въ слишкомъ детальное описаніе будущаго общественнаго строя, чтобы это описаніе можно было считать вѣрнымъ воспроизведеніемъ социаль-демократическихъ взглядовъ.

Намѣреваясь набросать вамъ картины социаль-демократическаго государства будущаго, я буду избѣгать описанія всякаго рода утопическихъ подробностей. Я могу нарисовать вамъ только *основныя черты* экономической организациі социализма, какъ онѣ вытекають изъ главныхъ научныхъ работъ—сочиненій *Маркса* и *Энгельса*. Только при случаѣ я прибавлю нѣкоторыя подробности, взятые мною изъ статьи Либкнехта, помѣщенной въ журналѣ *Cosmopolis*: „Кое-что о государствѣ будущаго“, и изъ книги Бебеля: „Женщина“. Но и этимъ матеріаломъ я буду пользоваться лишь постольку, поскольку онъ кажется мнѣ согласнымъ съ основными принципами научныхъ основателей современной социаль-демократіи. Я ограничиваюсь указаніемъ лишь на экономическія особенности социаль-демократическаго государства будущаго, оставляя въ сторонѣ вопросъ о воспитаніи дѣтей и т. п.

Въ каждомъ хозяйственномъ строѣ прежде всего нужно уяснить себѣ два пункта: во-первыхъ, какъ *производятся* блага, во-вторыхъ, какъ они *распредѣляются* между членами общества?

1. *Производство благъ.* Въ то время, какъ современный правовой строй хозяйства основанъ на частной собственности на средства производства, будущая организація должна быть основана на собственности коллективной. Современное государство превратится въ самодовлѣющее экономическое товарищество. Всѣ земледѣльческія и фабричныя производства, которыя теперь ведутся отдѣльными предпринимателями ради ихъ личной выгоды, будутъ вестись за счетъ и въ пользу всего общества. „При такомъ порядкѣ“, говоритъ Энгельсъ, „капиталистическій способъ присвоенія, при которомъ продуктъ порабощаетъ сперва производителя, а затѣмъ и присвоителя, будетъ замѣненъ способомъ присвоенія продукта, согласнымъ съ природой современныхъ средствъ производства: съ одной стороны, непосредственнымъ присвоеніемъ части продукта со стороны общества для поддержанія и расширенія производства; съ другой стороны, непосредственнымъ индивидуальнымъ присвоеніемъ, въ видѣ платы и средствъ потребленія“. Между тѣмъ, какъ теперь производятся *товары*, продаваемые предпринимателями, тогда будутъ производиться только *блага* для личнаго потребленія членовъ общества.

Существеннымъ довершеніемъ этой системы производства является *всеобщая обязательность труда*. Всѣ мужчины и женщины, за исключеніемъ дѣтей, стариковъ и больныхъ, *должны работать*. Учреждается *вѣдомство труда*, на которое возлагается безконечно трудная обязанность руководить и управлять производствомъ. Первой и важнѣйшей задачей этого учрежденія являются большія статистическія изслѣдованія. Эти изслѣдованія должны обнимать слѣдующее: во-первыхъ, размѣръ и работоспособность имѣющихся на лицо производительныхъ силъ, т. е. количество и родъ средствъ производства: фабрикъ, мастерскихъ, земли а также ихъ теперешнюю производительность; во-вторыхъ, нужно опредѣлить, какое количество необходимыхъ предметовъ потребленія требуется для удовлетворенія всѣхъ гражданъ государства. Подъ „необходимыми потребностями“ не слѣдуетъ подразумѣвать минимумъ

средствъ существованія; а тотъ уровеньъ потребностей, который можетъ быть удовлетворенъ при данномъ состоянїи техники, имѣющемся запасѣ капитала и т. д. Если установлено, сколько въ среднемъ требуется хлѣба, мяса, обуви, бѣлья и т. д., то легко затѣмъ вычислить сколько въ среднемъ нужно *ежедневно общественно необходимаго труда*. Затѣмъ можно уже опредѣлить, слѣдуетъ ли расширить число заведеній для производства извѣстныхъ продуктовъ или, наоборотъ, излишнія сократить, или устроить ихъ для производства какихъ-либо другихъ продуктовъ.

Если установлена *средняя продолжительность* рабочаго дня, это еще, однако, не значить, что каждый обязанъ работать *одинаковое*, опредѣленное количество часовъ ежедневно. Если предположимъ, что средняя продолжительность рабочаго дня равняется 6 часамъ, то тѣ, кто исполняетъ особенно тяжелыя работы, могутъ получать разрѣшеніе работать только 4 часа, зато занятые болѣе легкими работами будутъ работать 8 часовъ.

Свободный выборъ занятій въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, конечно, исключается. Каждый, правда, можетъ просить занятія, какое ему приходится особенно по душѣ, но вѣдомство труда допускаетъ его къ работѣ только тогда, когда она можетъ найти себѣ примѣненіе. Въ противномъ случаѣ могло бы случиться, что тысяча людей желала бы заниматься огородными работами и только какой нибудь десятокъ слесарными. Поэтому вѣдомство труда имѣетъ право назначить каждаго туда, гдѣ онъ можетъ быть использованъ наилучшимъ образомъ.

Вопросъ, какъ поступить съ особенно *тяжелыми и непріятными* работами, социаль-демократическое государство, предполагая, разрѣшить такъ: прежде всего занятые такими работами должны имѣть *болѣе* короткій рабочій день; кромѣ того, считается особенно полезнымъ, чтобы занятые умственнымъ трудомъ работали нѣсколько часовъ въ день и физически. Такъ какъ далѣе, вообще, проведенъ принципъ перемѣны работы, и всякій долженъ будетъ исполнять не одну какую-нибудь работу постоянно, а послѣдовательно заниматься разными, то это облегчитъ возможность распредѣленія непріятныхъ работъ среди обширнаго круга лицъ.

2. *Распредѣленіе благъ*. Распредѣленіе благъ въ высшей сте-

пени просто въ коммунистическомъ государствѣ. Тамъ все количество произведенныхъ продуктовъ распредѣляется между отдѣльными лицами поровну, т. е. каждый получаетъ свою долю одежды, пищи и т. д. Но рѣшеніе вопроса становится затруднительнымъ въ социаль-демократическомъ государствѣ будущаго потому, что тамъ отдѣльные лица, хотя и лишены права свободно распоряжаться орудіями труда, но сохраняютъ право свободно распоряжаться продуктами труда. Иными словами: каждый, выполнивъ свою долю работы, можетъ купить все, что ему угодно. Поэтому вѣдомству распредѣленія предстоитъ еще болѣе трудная задача, чѣмъ вѣдомству труда. Надобности въ деньгахъ, въ современномъ смыслѣ слова, болѣе не существуетъ. Почему намъ нужны деньги въ нашей хозяйственной жизни? Потому, что у насъ производство организовано такимъ образомъ, что отдѣльные предприниматели выбрасываютъ на рынокъ товары въ надеждѣ, что они найдутъ себѣ покупателей. Въ нашемъ хозяйственномъ строѣ, гдѣ товары покупаются и продаются безъ приведенія предварительно въ извѣстность, имѣются ли и въ какомъ числѣ потребители, должно существовать такое благо, которое пользовалось бы широкимъ и обеспеченнымъ сбытомъ, общепризнанною цѣнностью и, благодаря этимъ качествамъ, давало возможность легко и удобно совершать актъ купли-продажи. Иначе въ социалистическомъ государствѣ будущаго. Здѣсь производство ведется не для того, чтобы продавать товары съ прибылью *неизвѣстному* кругу покупателей. Здѣсь, на основаніи тщательной статистики потребленія, изготовляется точно опредѣленное количество благъ *для опредѣленнаго круга лицъ*. Нужно опредѣлить стоимость производства этихъ благъ, чтобы, на основаніи этой стоимости, можно было снабжать ими отдѣльныхъ лицъ. Путемъ обстоятельнаго расчета, котораго я не стану здѣсь излагать, опредѣляется, сколько въ каждомъ благѣ заключается общественно необходимаго рабочаго времени. Вмѣсто нашей теперешней заработной платы каждый получаетъ *рописку* на число отработанныхъ имъ часовъ. Эта рописка является одновременно и *ордеромъ*, по которому предъявитель можетъ получить изъ общественныхъ магазиновъ количество продуктовъ, соотвѣтствующее числу отработанныхъ часовъ. Благодаря

этому, становится возможной известная *индивидуализация* потребления: такъ, некурящій и непьющій можетъ по своей роспискѣ получить больше бѣлья или мебели, между тѣмъ какъ тотъ, кто находитъ удовольствіе въ табакѣ и пивѣ, можетъ израсходовать известное число рабочихъ часовъ на эти свои потребности.

Послѣ этого моего изложенія основныхъ чертъ экономической организаціи въ социалистическомъ государствѣ, вы, конечно, видите, какъ невѣрно столь обычное предвзятое мнѣніе, будто социализмъ хочетъ раздѣлить всѣ существующія имущества поровну. Въ такомъ случаѣ возражаютъ: одинъ можетъ быть бережливъ, другой расточителенъ, и потому, спустя короткое время, первый снова будетъ обладать большимъ состояніемъ, а другой станетъ бѣднымъ. Но, какъ мы видѣли, рѣчь идетъ о совершенно новой экономической организаціи, главная особенность которой состоитъ именно въ томъ, что *устраняется всякая возможность накопленія частной собственности*; по крайней мѣрѣ, собственности, приносящей доходъ, либо такимъ образомъ, что она, будучи вложена въ фабрики и землю, приноситъ прибыль и ренту, либо, будучи обращена въ капиталъ сбереженій, приноситъ процентъ. Всѣ подобные источники образованія и использованія имущества должны быть исключены. Единственный способъ, какимъ можно было бы дѣлать сбереженія, состоялъ бы въ томъ, чтобы употребить свои отработанные часы, въ размѣрѣ большемъ, чѣмъ это дѣлаютъ другіе, не на скоропреходящія удовольствія, а на пріобрѣтеніе лучшей мебели и другихъ прочныхъ предметовъ потребления.

Если я старался вѣрно изложить сущность социализма и разсѣять ложныя представленія о немъ, то я съ другой стороны, не вдаваясь въ подробную критику, хочу обратить ваше вниманіе на нѣкоторые явно неправильные взгляды защитниковъ идеи государства будущаго. Въ прошлый разъ я указалъ на то, что положеніе, будто социализмъ несовмѣстимъ съ человѣческой природой, совершенно ложно потому, что при опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ социалистическій строй возможенъ и дѣйствительно существовалъ, что вообще всѣ вопросы о цѣлесообразномъ общественномъ устройствѣ могутъ быть рѣшены только примѣнительно къ опредѣленной эпохѣ, а отнюдь не на вѣчныя вре-

мена. Теперь я долженъ указать на аналогичную же ошибку будто переходъ въ новый общественный строй происходит *естественно или по естественнымъ законамъ*. Нельзя сопоставить „развитіе“ общественнаго строя съ развитіемъ естественныхъ явленій. Земля должна пройти „естественный“ путь развитія; геологія учитъ насъ, что въ теченіе продолжительныхъ промежутковъ времени образовывались все новые и новые пласты земли, что каждый періодъ имѣлъ свою особую флору и фауну. Но человѣческое общество развивалось не по такимъ естественнымъ законамъ. Здѣсь не естественные процессы являлись рѣшающими, но цѣлесообразные поступки людей устанавливали общественный строй.

Я не стану давать вамъ здѣсь подробную критику материалистической философіи исторіи,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Замѣчу только слѣдующее. Большой заслугой этого ученія надо, правда, признать то, что оно выдвинуло на первый планъ *хозяйственный* моментъ, ва что обыкновенно обращали мало или совсѣмъ не обращали вниманія при объясненіи историческихъ процессовъ. Но утверждать, что всѣ факторы культуры, какъ-то: право, обычай, религія и т. д., находятся исключительно въ зависимости отъ экономическаго развитія; что способъ веденія хозяйства навязываетъ народамъ опредѣленные идеи о правѣ, государствѣ, бракѣ и т. д., и что эти идеи могутъ быть въ конечномъ итогѣ всегда объяснены только хозяйственными явленіями, утверждать все это значитъ допускать такую грубую односторонность, что приходится удивляться, какъ подобное ученіе все еще находитъ себѣ послѣдователей.

Я отсылаю васъ къ соч. Штаммлера „Хозяйство и право“: въ немъ вы найдете прекрасную критику материалистическаго пониманія исторіи съ точки зрѣнія *кантовской* теоріи познанія.

Такъ называемыя производительныя силы, которыя по Марксу являются движущимъ элементомъ всякаго общественнаго развитія, не представляютъ собой вовсе явленій хозяйственныхъ; это только техническія средства. Такъ, на примѣръ, современныя машины представляютъ собой только техническія вспомогательныя средства, „хозяйственными“ же явленіями онѣ становятся только тогда, когда включаются въ опредѣленный *правовой строй*. Но

коль скоро предпринимается правовая нормировка, у законодателей должны быть опредѣленные идеи и соображенія цѣлесообразности, изъ которыхъ они и исходятъ при установленіи даннаго строя. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, Штаммлеръ имѣлъ полное право сказать, что социальна-научный методъ долженъ быть методомъ цѣлесообразности, а не методомъ причинности, какъ полагають Марксъ и Энгельсъ.

Свобода промышленности, освобожденіе крестьянъ, основаніе нѣмецкаго таможеннаго тарифа и т. д. не были просто *необходимымъ* результатомъ опредѣленныхъ успѣховъ техники и средствъ сношенія, а требовали для своего осуществленія сознательной дѣятельности, исходившей изъ опредѣленныхъ идей о цѣлесообразности новаго регулированія хозяйственной жизни. Подобно этому, и социалистическое государство не можетъ *само собой вырасти* изъ того, что существуетъ, но должно быть основано на доказательствахъ, что этотъ новый строй цѣлесообразенъ и что, благодаря ему, можетъ быть достигнуто улучшение теперешняго положенія большинства народа.

Здѣсь я хотѣлъ бы указать вамъ на одинъ лишь пунктъ, въ отношеніи котораго надежды социализма на будущее мнѣ кажутся совершенно иллюзорными. Новый строй производства долженъ обезпечить всѣмъ членамъ общества средства существованія не только достаточныя, но и съ каждымъ днемъ, по мнѣнію Энгельса, все возрастающія, или, какъ поясняетъ Каутскій, „переходъ отъ капиталистическаго производства къ социалистическому долженъ безусловно повлечь за собой быстрое увеличеніе ежегодно производимой массы продуктовъ“. Несомнѣнно, благодаря сильной концентраціи производства, особенно въ промышленности, будетъ дѣйствительно произведено гораздо больше продуктовъ, чѣмъ теперь: подобно тому, какъ переходъ отъ мелкаго производства къ крупному въ промышленности означаетъ обыкновенно—какъ вы наблюдаете уже и теперь—повышеніе производительности въ техническомъ отношеніи, такъ и въ этомъ сугубо крупномъ производствѣ будущаго, съ точки зрѣнія чисто технической, можно ждать очень большаго повышенія производительности. Такъ какъ, далѣе, планомѣрное производство замѣнитъ

собой свободную дѣятельность отдѣльныхъ предпринимателей, то исчезнетъ также и перепроизводство и бѣшеная спекуляція, а вмѣстѣ съ тѣмъ и связанная съ ними безпорядочная растрата рабочей силы.

Но современный социализмъ не придаетъ должнаго значенія тому обстоятельству, что и въ социалистическомъ обществѣ придется заботиться объ удовлетвореніи потребностей *все возрастающей массы населенія*, а въ силу этого именно обстоятельства я полагаю, что объ осуществленіи социализма нечего ужъ и думать въ сколько-нибудь опредѣленномъ будущемъ. Теперь въ Германіи намъ приходится считаться съ ежегоднымъ приростомъ въ 800.000 человекъ, которымъ должна быть обеспечена пища, одежда и т. д. Такъ какъ *природа* предоставляетъ въ наше распоряженіе свои сокровища только въ ограниченномъ размѣрѣ,—большую часть того, что нѣкоторые социалисты говорятъ о возможности безконечнаго увеличенія естественныхъ богатствъ, нужно отнести въ область фантазіи—то приходится отвоевывать у природы возрастающее количество сокровищъ, въ большей мѣрѣ подчинять естественныя силы служенію человеку, путемъ все новыхъ успѣховъ техники, усовершенствованій и изобрѣтеній всякаго рода. Въ настоящее время мощнымъ стимуломъ къ подобнымъ усовершенствованіямъ является то, что они могутъ быть использованы отдѣльными лицами въ ихъ личную пользу, могутъ стать источникомъ большихъ доходовъ и быстро накопленія капиталовъ. Возможность оставить своимъ дѣтямъ и внукамъ наслѣдство, которое можетъ облегчить имъ борьбу за существованіе, служитъ сильнымъ побужденіемъ къ напряженной дѣятельности. Въ социалистическомъ же строѣ всего этого не будетъ. Вопросъ о техническихъ нововведеніяхъ рѣшается вѣдомствомъ труда; выгода отъ нихъ сейчасъ же становится общимъ достояніемъ. Лицамъ, сдѣлавшимъ открытія и изобрѣтенія, приходится по-прежнему отрабатывать положенное время и получать свою долю продуктовъ наравнѣ со всѣми другими. Въ этомъ *устраненіи свободы личнаго интереса* я вижу главную причину невозможности такого сильнаго увеличенія количества продуктовъ, какъ предсказываютъ социалисты. Даже больше, я

сомнѣваюсь, останется ли общій доходъ производства на прежнемъ уровнѣ. Мнѣ думается, что положеніе отдѣльныхъ лицъ будетъ хуже, чѣмъ теперь, даже въ отношеніи приходящагося на ихъ долю количества благъ.

Итакъ, надежды, которыя въ этомъ отношеніи возлагались съ давнихъ поръ на социалистическое общество, были и останутся иллюзорными. И теперь еще утопией является то, на что надѣялся въ началѣ XIX столѣтія одинъ англійскій социалистъ, сказавъ: „Человѣку больше не нужно въ потѣ лица своего зарабатывать хлѣбъ свой (развѣ вслѣдствіе невѣжества), потому что усовершенствованныя изобрѣтенія и открытія, примѣняемыя теперь всюду, болѣе чѣмъ достаточны для того, чтобы при небольшомъ трудѣ и правильной организаціи удовлетворить потребности и обезпечить независимость всѣхъ, безъ какого бы то ни было дѣйствительнаго ущерба для отдѣльныхъ лицъ“.

Но и сферу свободы всѣхъ людей придется сильно ограничить въ социалистическомъ государствѣ. Я ужъ объяснялъ, почему необходимымъ слѣдствіемъ социалистическаго принципа должна быть обязательность труда и даже обязанность работать въ отрасли труда, предписанной обществомъ. Свободный выборъ занятій въ социалистическомъ государствѣ немыслимъ.

Но вы, можетъ быть, выставите слѣдующее возраженіе: дѣйствительно ли страдаютъ отъ этого ограниченія массы населенія? Предприниматели и капиталисты, вообще имущіе классы населенія, дѣйствительно почувствуютъ ограниченіе своей свободы, но для большихъ массъ наемныхъ рабочихъ развѣ вообще существуетъ въ этой области свобода, достойная этого названія? Они, вѣдь, должны продавать свою рабочую силу, чтобы не умереть съ голоду; о какой-нибудь „свободѣ“ выбора занятій у нихъ и теперь не можетъ быть рѣчи. Нужно, конечно, признать, что жизнь съ жестокой необходимостью *принуждаетъ* большія массы народа къ тяжелому наемному труду; но кто станетъ отрицать, что даже для этихъ слоевъ населенія существуетъ бѣльшая свобода въ индивидуалистическомъ правовомъ строѣ, чѣмъ въ социалистическомъ? Подумайте о тѣхъ тысячахъ рабочихъ, которые теперь по свободному соглашенію переходятъ отъ земледѣльческихъ работъ къ

промышленнымъ и здѣсь опять изъ одной отрасли труда въ другую; подумайте, далѣе, о тѣхъ тысячахъ рабочихъ, которые по свободному рѣшенію предпочитаютъ остаться при своихъ привычныхъ занятіяхъ, несмотря на неблагопріятныя условія заработной платы,—и вы тогда признаете, что и для этихъ классовъ наступитъ значительное ограниченіе ихъ нынѣшней свободы.

Будутъ ли эти невыгоды уравновѣшены другими выгодами, которыя принесетъ съ собой социалистическій строй широкимъ массамъ населенія, это—вопросъ, являющійся спорнымъ, именно въ виду уменьшенія производительности съ исключеніемъ дѣятельности *свободной личности*.

Прилежаніе и порядокъ навсегда бы исчезли,
Еслибъ они не вызывали предпочтенія,

говоритъ Шекспиръ въ своей драмѣ „Цимбелинъ“, и Гете влагаетъ въ уста Зулейки слѣдующее изреченіе житейской мудрости:

„Volk und Knecht und Ueberwinder,
Sie gestehn zu jeder Zeit:
Höchstes Glück der Erdenkinder
Sei nur die Persönlichkeit“ *).

*) Народъ — рабъ и господинъ —

Всегда признаетъ,

Что высшее счастье людей

Это — ихъ личность.

III ЛЕКЦІЯ.

А н а р х и з м ъ.

Когда я въ концѣ іюля 1900 г. попалъ въ Берлинъ, на улицахъ продавались экстренныя приложенія къ газетамъ, сообщавшія о покушеніи какого-то анархиста на короля Гумберта. Вызванное этимъ покушеніемъ общее возбужденіе сообщилось и обитателямъ той дачной мѣстности, которую я посѣтилъ, и при объденномъ столѣ это происшествіе послужило темой очень оживленнаго разговора. Особенно одинъ господинъ въ довольно сильныхъ выраженіяхъ возмущался этимъ преступленіемъ и анархизмомъ, вообще. Когда же разговоръ коснулся вопроса объ оспопрививаніи, тотъ же господинъ заявилъ, что онъ, несмотря на существующій имперскій законъ, ни за что не дастъ привить оспу своимъ дѣтямъ, такъ какъ онъ знаетъ лучше, что нужно дѣлать, и онъ скорѣе уплатитъ какой угодно большой штрафъ, чѣмъ подчинится этому закону.

А вѣдь то, что говорилъ этотъ господинъ, представляетъ собой анархистскій взглядъ, потому что оппозиція противъ права и закона, сопротивленіе всякой принудительности закона и составляетъ сущность анархизма. Подобно тому, какъ въ данномъ случаѣ, въ вопросѣ объ оспопрививаніи, рѣшеніе личности, какъ высшій принципъ, противопоставляется обязательной силѣ законовъ, такъ анархисты желаютъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ жизни силу имѣло лишь то, что признаетъ хорошимъ разумное и справедливое рѣшеніе индивида. И никѣмъ еще сущность анархизма не была въ краткихъ словахъ такъ удачно выражена, какъ Гете въ его „Zahme Xenia“:

„Warum mir aber in neuester Zeit
Anarchie gar so wohl gefällt?“

Ein jeder lebt nach seinem Sinn,
Das ist nun also auch mein Gewinn,
Ich lasse einem jeden sein Bestreben,
Um auch nach meinem Sinn zu leben“.

„Почему въ послѣднѣе время мнѣ такъ нравится анархія? Всякій живетъ по своему, и мнѣ это выгодно, я предоставляю каждому стремиться, къ чему онъ хочетъ, и самъ живу, какъ мнѣ нравится“.

Прежде всего нужно разсѣять два широко распространенныхъ ложныхъ взгляда на сущность анархизма: во-первыхъ, тотъ взглядъ, будто анархисты представляютъ собой секту полупомѣшанныхъ преступниковъ, и будто не существуетъ ни анархистской теоріи, ни анархистской программы; во-вторыхъ, то мнѣніе, будто анархизмъ есть разновидность социализма или болѣе радикальное теченіе внутри социалдемократіи, стремящееся достигнуть своей цѣли путемъ преступныхъ насилій.

На самомъ же дѣлѣ *теорія анархизма* существуетъ. Это социальная философія крайняго политическаго и экономическаго либерализма; ученіе о томъ, что только при *полной свободѣ* отдѣльныхъ личностей возможна общая гармоническая дѣятельность. Эта теорія является, слѣдовательно, прямой противоположностью социализму и социаль-демократіи, которые, какъ я вамъ указалъ, требуютъ еще болѣе строгой зависимости отдѣльныхъ личностей и болѣе строгой принудительной организациі, чѣмъ существующій правовой строй. Въ то время, какъ социалистическій строй ограничиваетъ свободу личности до крайности, анархизмъ предоставляетъ индивидуальной свободѣ возможно болѣе широкій просторъ. Анархизмъ представляетъ доведенное до крайности *Манчестерство*: послѣднее стремится предоставить государству *возможно меньшее* вліяніе на хозяйственную жизнь страны. Государство, въ сущности, должно гарантировать гражданамъ безопасность внутри и извнѣ. Анархизмъ дѣлаетъ шагъ дальше и считаетъ даже эту заботу государства излишней: и въ этомъ отношеніи каждый можетъ заботиться самъ о себѣ—особыя публичныя учрежденія для защиты гражданъ совершенно не нужны. По словамъ *Руссо*, въ Генуѣ на входахъ въ тюрьмы и на оковахъ сосланныхъ на галеры было изображено слово „li-

bertas“ чтобы указать на то, будто только преступники изъ всѣхъ классовъ общества мѣшаютъ гражданамъ быть свободными. По мнѣнію же анархистовъ, общество можетъ обезпечить себя даже и отъ преступниковъ, не нуждаясь въ карательныхъ законахъ, путемъ самопомощи заинтересованныхъ лицъ. Всѣ анархисты согласны въ томъ, что не должно быть никакого правового принужденія. Но, спросите вы, какъ можетъ всякій дѣлать, что ему угодно, если люди такъ часто нуждаются другъ въ другѣ? Люди должны, вѣдь, другъ у друга покупать, нанимать, арендовать и т. д. Имъ нужно сообща строить школы, желѣзныя дороги, проводить улицы, они вступаютъ другъ съ другомъ въ бракъ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ люди вступаютъ въ извѣстныя *отношенія* другъ къ другу. Чѣмъ же, если не правовыми нормами, могутъ быть регулированы всѣ эти отношенія? Люди, отвѣчаютъ анархисты, вступаютъ, конечно, въ разнообразнѣйшія отношенія другъ къ другу и во многихъ дѣлахъ нуждаются въ коллективныхъ дѣйствіяхъ; но когда и гдѣ бы это ни произошло, нужно чтобы оно произошло путемъ свободного объединенія въ силу договоровъ, которые могли бы быть расторгнуты во всякое время. Преслѣдуя какія-нибудь общія цѣли, люди должны объединяться въ *союзы*; но каждому должна быть предоставлена свобода когда угодно выходить изъ союза, и никакое правовое принужденіе не должно прикрѣплять никого къ союзу. Если вы хотите что-нибудь купить, продать, нанять, сдавать въ наемъ вамъ слѣдуетъ вступить для этой цѣли въ свободныя, личныя соглашенія, при чемъ васъ связываетъ лишь взаимное обѣщаніе. Если вы желаете образовать потребительное общество или производительное товарищество, вы можете это сдѣлать; однако, матеріальныя средства общаго предпріятія будутъ принадлежать не обществу или товариществу, но каждому отдѣльному лицу, сохраняющему за собою право свободно распоряжаться своею частью. Если какая-нибудь община желаетъ соорудить мостъ, дорогу, школу и т. п., или если нѣсколько общинъ желаютъ провести желѣзную дорогу, то онѣ для устройства подобныхъ общественныхъ сооружений могутъ соединиться на договорныхъ началахъ, но ни со стороны общества ни со стороны государства не должно существовать никакого

принужденія, которое *обязывало* бы ихъ принимать участіе въ подобныхъ предпріятіяхъ. Если два человѣка хотятъ соединиться бракомъ, они вмѣстѣ образуютъ семейную группу; они договариваются о своихъ взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ, но для этого не должно существовать никакихъ принудительныхъ правовыхъ гарантій или привиллегій.

Несущественнымъ для анархизма является и то, будто цѣли его должны достигаться насильственнымъ путемъ или даже преступными насиліями, что проявляется въ новѣйшемъ политическомъ анархистскомъ движеніи. Наиболѣе выдающійся и вліятельный анархистъ—*Прудонъ*—былъ, какъ я покажу вамъ ниже, сторонникомъ *мирныхъ соціальныхъ реформъ*.

Намѣреваясь дать вамъ обзоръ анархистскаго ученія и движенія, я прежде всего вкратцѣ хочу познакомить васъ съ тѣми анархистами, для которыхъ центромъ тяжести является область теоріи, т. е. съ тѣми, которые пытались философски обосновать анархизмъ. Лишь послѣ я изложу вамъ политическій анархизмъ, т. е. то движеніе, которое путемъ практической политики старается вліять на массы въ анархистскомъ духѣ, не прибавляя ничего существенно новаго къ теоретическимъ идеямъ анархизма.

Первую теорію анархизма далъ намъ англичанинъ Годвинъ (1756—1836), который вначалѣ жилъ въ разныхъ англійскихъ городахъ, въ качествѣ проповѣдника, а затѣмъ, ставъ писателемъ, поселился въ Лондонѣ. Свои мысли онъ изложилъ въ появившемся въ 1793 сочиненіи: „Enquiry concerning political justice and its influence on morals and happiness“. Ученіе Годвина, однако, обратило на себя мало вниманія, въ противоположность Прудону, возбудившему широкій интересъ. Прудонъ, несомнѣнно, наиболѣе вліятельный изъ всѣхъ представителей анархизма. Прудонъ (1809-1865)—сынъ бѣдныхъ крестьянъ; до двадцати второго года своей жизни онъ былъ вынужденъ зарабатывать средства къ существованію въ качествѣ наборщика; благодаря неутомимому прилежанію, онъ дошелъ до того, что, несмотря на крайне скудное образованіе, получилъ отъ Безансонской академіи стипендію и премію за свою работу „О воскресномъ отдыхѣ“. Когда та же

академія объявила конкурсъ на тему „О послѣдствіяхъ равнаго дѣленія наслѣдства между дѣтьми“, онъ принялъ участіе въ конкурсѣ и представилъ книгу, вызвавшую большую сенсацію: „Qu'est-ce que la propriété?“, и въ ней онъ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ: „la propriété, c'est le vol“ („собственность—это кража“). На основаніи этой знаменитой фразы, Прудона часто считаютъ коммунистомъ, противникомъ частной собственности. Однако, при болѣе внимательномъ чтеніи его книги, оказывается какъ разъ обратное: Прудонъ является энергичнымъ сторонникомъ частной собственности, но онъ хочетъ *всѣхъ людей* сдѣлать частными собственниками; онъ такъ высоко ставитъ индивидуальную свободу человѣка, что проповѣдуетъ безначаліе, т. е. анархизмъ. Онъ противникъ той частной собственности, которая образовалась при капиталистическомъ способѣ производства, и стремится къ реформированной, „очищенной“ собственности. Но такъ какъ анархистское ученіе Прудона самымъ тѣснымъ образомъ связано съ его идеями хозяйственныхъ реформъ, то предварительно я вамъ вкратцѣ изложу основную мысль его плана экономической реформы.

Прудонъ думаетъ, что частная собственность приводитъ къ столь тяжелымъ послѣдствіямъ и къ столь большому неравенству только потому, что она тѣсно связана съ двумя въ корнѣ своемъ ошибочными институтами, упраздненіе которыхъ превратитъ собственность въ величайшее благо; институты эти—*деньги и процентъ*. И то, и другое онъ хотѣлъ устранить съ помощью такъ называемой *мутуалистической системы*, т. е. посредствомъ банка, который организовалъ бы обмѣнъ и кредитъ на совершенно новыхъ началахъ. Этотъ, такъ называемый народный банкъ долженъ сохранить „свободу обмѣна и конкуренціи, какъ принципъ всякаго прогресса и какъ гарантію доброкачественности и дешевизны продуктовъ“. Измѣниться должно только *обращеніе продуктовъ*: мѣновой банкъ долженъ быть открытъ для всякаго производителя, желающаго обмѣнять свой продуктъ на мѣновой билетъ; такъ, на примѣръ, сапожникъ за доставленные сапоги получаетъ мѣновой билетъ на сумму, равную стоимости сапоговъ. За этотъ билетъ онъ можетъ получить въ банкѣ какой-нибудь

товаръ соотвѣтствующей стоимости. При установленіи цѣнъ производители должны вычислить затраченное на данный продуктъ рабочее время и другіе расходы, отказываясь однако отъ прибыли. Цѣны контролируются оцѣнщиками банка. Прудонъ надѣялся, что народный банкъ будетъ мало-по-малу привлекать все больше новыхъ членовъ, такъ что съ теченіемъ времени къ нему при-мкнутъ все производители и потребители. Тогда деньги станутъ излишними, и весь обмѣнъ будетъ производиться съ помощью имѣющихся билетовъ. Благодаря банку же, будетъ достигнута и *бесплатность кредита*. Банкъ долженъ безвозмездно открывать своимъ кліентамъ нужный имъ кредитъ. Лишь на основѣ этихъ экономическихъ реформъ Прудонъ хотѣлъ провести анархистскую систему политической организаціи.

Основные идеи анархизма Прудона слѣдующія. Вся правительственная система служить лишь для того, чтобы ненарушимо сохранять за имущими классами ихъ привилегіи по отношенію къ неимущимъ. Всякій авторитетъ власти станетъ излишнимъ съ того момента, когда будутъ проведены предложенныя имъ экономическія реформы—бесплатность кредита. Тогда каждый можетъ самъ властвовать, самому себѣ предписывать законы. Не безпорядокъ, слѣдовательно, должна означать анархія Прудона, а всеобщій порядокъ и гармонію. На мѣсто законовъ должны стать договоры, которые будутъ заключаться между членами отдѣльныхъ хозяйственныхъ группъ, союзовъ, обществъ, корпорацій, ассоціацій на основѣ свободнаго обмѣна продуктовъ и бесплатнаго кредита. Эти хозяйственныя группы имѣютъ свою собственную полицію и сами управляютъ своими дѣлами. Однимъ словомъ, всякій станетъ самодержцемъ, когда на мѣсто политической власти выступятъ экономическія силы.

Принудительно правовое начало должно быть замѣнено началомъ договорнымъ. „Однимъ словомъ, все временное въ управленіи обществомъ должно быть уничтожено, и все зданіе нужно заново построить на основѣ *человѣческой идеи договора*. Въ самомъ дѣлѣ, если бѣ договоръ, заключенный мною о чемъ-нибудь съ нѣсколькими лицами, я бы могъ распространить на всѣхъ; если бы всѣ могли вновь заключить этотъ договоръ между собой;

если бы каждая группа гражданъ, общинъ, департаментовъ, корпорацій, обществъ и т. д. въ свою очередь организовалась такимъ же образомъ посредствомъ договора и разсматривалась бы, какъ моральное лицо, то каждая группа могла бы вступать въ сношенія со всякой другой и со всѣми разомъ; это было бы равносильно тому, какъ если бы моя воля повторялась до безконечности. Господство договоровъ, вмѣсто господства законовъ, основало бы истинное правленіе человѣка и гражданина, истинный суверенитетъ народа, революцію“.

Вполнѣ послѣдовательно проводя свою анархистскую доктрину, Прудонъ доходитъ до того, что объявляетъ совершенно излишними государственное правосудіе и карательную власть: „Всѣ дѣйствія правительства станутъ тогда излишними. Государственная церковь станетъ бесполезной: кто чувствуетъ потребность въ религіи, тотъ самъ долженъ оплачивать своихъ священниковъ. То же будетъ съ правосудіемъ: пусть общество защищаетъ себя, если затрагиваютъ его интересы, это—его право; пусть оно мститъ за себя, если это въ его интересахъ. Но я отрицаю за обществомъ, точно такъ же, какъ и за всякимъ другимъ авторитетомъ, право судить и по суду наказывать. Человѣкъ только самъ имѣетъ право осудить себя, и, когда онъ чувствуетъ себя виновнымъ, когда онъ думаетъ что заслуживаетъ кары, онъ можетъ потребовать для себя наказанія. Справедливость есть актъ совѣсти, актъ, по существу своему, добровольный; совѣсть только сама можетъ себя судить, наказать или оправдать, все иное—это господство авторитета, злоупотребленіе властью. Я понимаю, что отъ людей, совершившихъ кражу, убійство и т. п., находящихся, слѣдовательно, въ открытой враждѣ съ обществомъ, можно потребовать исправить нанесенный ими вредъ и возмѣстить причиненные убытки, можно даже принудить ихъ сдѣлать это; но рѣшительно отрицаю, чтобы общество сверхъ того имѣло право лишать ихъ свободы, подвергать физическимъ или духовнымъ страданіямъ и даже гильотинировать. Немедленное и полное упраздненіе всякихъ судовъ и трибуналовъ является однимъ изъ первыхъ требованій революціи; точно также должна исчезнуть полиція и администрація, и всякій домъ, всякая мастерская, всякая корпо-

рація или коммуна должны имѣть свою собственную полицію и должны сами управлять своими дѣлами“.

Впрочемъ, *Прудонъ* не остался вѣренъ этому своему анархистскому ученію. Въ появившемся въ 1863 г. сочиненіи „Du principe fédératif“ онъ заявляетъ, что анархія является только идеаломъ, который никогда не можетъ быть осуществленъ, что истинной формой правленія является федерализмъ, т. е. возможно болѣе децентрализованное управленіе. Политическая организація должна заключаться въ образованіи возможно болѣе многочисленныхъ маленькихъ группъ съ самымъ широкимъ самоуправленіемъ.

Въ ученіяхъ *Прудона* и въ его политической дѣятельности яснѣ всего выступаетъ *антисоціалистическій* характеръ анархизма. Наиболѣе дѣятельное участіе Прудона въ общественной жизни относится, главнымъ образомъ, ко времени февральской революціи, и онъ считалъ своей главной задачей бороться противъ выступавшихъ тогда повсюду пролетарско-соціалистическихъ тенденцій, отстаивая свои требованія свободы. Въ то самое время, когда всевозможные соціалистическіе и коммунистическіе партіи и союзы выросли, точно грибы послѣ дождя, когда временное правительство, въ составъ котораго входили четыре явныхъ соціалиста, сильно считалось съ этими идеями,—Прудонъ развилъ неутомимую энергію въ борьбѣ съ соціалистическими и коммунистическими теоріями. Характернымъ для связи между анархизмомъ и манчестерствомъ является то обстоятельство, что Прудонъ, въ своей перепискѣ по вопросу о капиталѣ и процентахъ съ Бастіа, главой французскаго направленія свободной торговли, постоянно увѣряетъ послѣдняго въ своемъ уваженіи и симпатіи.

„Свобода“, восклицалъ *Прудонъ*, „это альфа и омега соціальной философіи. Странно, что послѣ столькихъ уклоненій и отступленій назадъ на опасномъ и извилистомъ пути революціи, мы, въ концѣ концовъ, открываемъ, что средство противъ тяжелой нужды и разрѣшеніе всѣхъ задачъ состоитъ въ томъ, чтобы предоставить болѣе *свободнаго* простору *свободѣ* и уничтожить границы, которыя поставили ей авторитетъ государства и собственности“.

Подобно Годвину, и Прудонъ былъ противникомъ революціон-

наго способа осуществленія анархистскихъ идей. Онъ считалъ возможнымъ достигнуть своихъ цѣлей мирнымъ путемъ, съ помощью изложенныхъ выше экономическихъ реформъ и просвѣщенія народа.

Взрывъ февральской революціи былъ для него въ высшей степени нежелателенъ, такъ какъ онъ мѣшалъ ему провести его реформаторскіе планы. Мысль о революціонныхъ выступленіяхъ вообще казалась ему ошибочной. Въ одной статьѣ, помѣщенной въ его газетѣ „Peuple“, онъ развилъ свою точку зрѣнія на революцію, въ противоположность точкѣ зрѣнія партіи „верховъ“. Пролетаріатъ долженъ съ тщательнѣйшей добросовѣстностью удержаться отъ всякаго посредственнаго или непосредственнаго политическаго, фискальнаго или какого-нибудь иного покушенія на капиталъ и собственность, такъ какъ подобное покушеніе, какимъ бы именемъ оно ни прикрывалось, было бы только признаніемъ, въ той или иной формѣ, преобладанія капитала, т. е. самопротиворѣчіемъ; трудъ можетъ восторжествовать надъ капиталомъ только такимъ образомъ, если онъ приведетъ себя въ дѣйствіе своими же силами, посредствомъ ассоціаціи, взаимной гарантіи, самоопредѣляющейся организаціи“. Прудонъ имѣлъ полное право иронически сказать о себѣ: „Il aurait pu arriver à son but, en dînant tous les jours avec le préfet de police“. („Онъ могъ достигнуть своей цѣли, обѣдая каждый день съ префектомъ полиціи“).

Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ ресторанѣ Гиппеля въ Берлинѣ каждый вечеръ собирался кружокъ лицъ, принадлежавшихъ по своимъ взглядамъ къ крайней лѣвой и получившихъ потому названіе „свободныхъ“. Къ нимъ принадлежали два брата Бауэра (Бруно и Эдгардъ), д-ръ Эдуардъ Мейенъ и нѣкоторые вожаки фротредерства, между ними *Юліусъ Фаухеръ* и *Джонъ Пренсъ-Смитъ*. Въ этомъ кружкѣ участвовалъ также мечтательный, замкнутый въ себѣ мыслитель *Каспаръ Шмидтъ*, выпустившій подъ псевдонимомъ Макса Штирнера книгу „Единственный и его собственность“, въ которой онъ далъ новое своеобразное теоритическое изложеніе анархизма.

Штирнеръ родился въ Бейрутѣ въ 1806 г. въ семьѣ меха-

ника. Онъ былъ учителемъ въ женскомъ училищѣ въ Берлинѣ и умеръ въ 1856 г. въ большой нуждѣ, всѣми забытый.

Философія Штирнера представляла собою лѣвое крыло тѣхъ учениковъ Гегеля, которые, подобно обоимъ братьямъ *Бауэрамъ* и *Фейербаху*, соперничали другъ съ другомъ въ развѣнчиваніи всякихъ божескихъ и человѣческихъ авторитетовъ. Находясь подъ явнымъ вліяніемъ Фейербаха, Штирнеръ далеко превзошелъ его въ своей критикѣ вѣры въ установившіеся авторитеты, провозглашая тотъ принципъ, что всякая власть надъ отдѣльной личностью является рабствомъ. Если Фейербахъ выразилъ свой натуралистическій символъ вѣры въ знаменитой формулѣ: „Богъ былъ моею первой мыслью, разумъ—второй, а человѣкъ—третьей и послѣдней“, то для Штирнера эта формула была недостаточна, такъ какъ она означала новую форму культа—культъ человечества. Идея гуманизма снова повергаетъ человѣка въ состояніе зависимости. Всякое установленіе какого бы то ни было нравственнаго закона является обременительнымъ стѣсненіемъ личности: не „я“, какъ идея, а непосредственное эмпирическое „я“ отдѣльной личности должно быть основаніемъ и исходнымъ пунктомъ всякой соціальной философіи. Для человѣка должно существовать только одно правило: „Используй свою цѣнность!“ Люди должны объединяться только въ формѣ *союзовъ эгоистовъ*. Для внѣшняго выраженія своего неограниченнаго преклоненія передъ „я“, Штирнеръ всегда писалъ это слово съ прописной буквы. Въ статьѣ о школьныхъ законахъ, которую Штирнеръ издалъ въ своемъ „*Examen pro facultati docendi*“, мы находимъ въ высшей степени характерное для его міросозерцанія мѣсто: „Университетъ въ очень неподходящемъ смыслѣ называютъ высшей *школой*: вмѣсто учителя является здѣсь передъ „я“ сама наука, въ качествѣ задачи, а область ея—свобода“. Все его произведеніе представляетъ собою безконечное прославленіе безусловной свободы и самовластия. По мнѣнію Штирнера, ни классическій міръ, ни христіанство не принесли съ собою признанія „я“, такъ какъ древніе вѣка считали конечной основой нравственности государство и право, а христіанство видѣло непреходящій, вѣчный законъ въ Богѣ. Всякая форма культа:

культъ государства, Бога или челоуѣчества, является для него прегрѣшеніемъ противъ идеи „я“ эгоиста. Поэтому Штирнера не удовлетворяетъ и политическій либерализмъ. Послѣдній создалъ, можетъ быть, свободный народъ, но не свободную *личность*. То, чѣмъ прежде была монархія, то теперь называется народомъ или націей: это новый идолъ, который мы себѣ создали.

Съ такой же рѣзкостью относится Штирнеръ и къ социализму: „Передъ верховнымъ повелителемъ, единодержавнымъ властелиномъ мы всѣ стали равными личностями, т. е. нулями. Передъ верховнымъ собственникомъ мы всѣ становимся равными нищими. Теперь еще одинъ въ оцѣнкѣ другого является нищимъ, голышомъ; тогда же эта оцѣнка падетъ, мы всѣ становимся тогда нищими, и все коммунистическое общество, вмѣстѣ взятое, можно назвать сбродомъ нищихъ“.

Все существующее право, по Штирнеру, является чужимъ правомъ, только то право—свое собственное право, которое челоуѣкъ создаетъ самъ для себя. Союзы эгоистовъ, которыми Штирнеръ замѣняетъ существующія политическія организаціи, не должны имѣть обязательной силы для отдѣльныхъ членовъ, т. е. каждый остается въ союзѣ до тѣхъ поръ, пока это для него удобно.

Всякій въ любой моментъ *можетъ выйти изъ союза*, но и выгодами союза онъ пользуется лишь до тѣхъ поръ, пока состоитъ его членомъ. Только тогда челоуѣкъ будетъ въ полной мѣрѣ наслаждаться своимъ челоуѣческимъ достоинствомъ, только тогда будетъ осуществленъ идеаль челоуѣческаго общежитія. Штирнеръ кончаетъ свою книгу слѣдующимъ прославленіемъ эгоизма: „Я собственникъ своей власти и Я являюсь имъ тогда, когда сознаю себя единственнымъ. Въ единственномъ самособственникъ возвращается въ свое творческое ничто, изъ котораго онъ рожденъ. Всякое высшее существо надо мной, будь то Богъ или челоуѣкъ, ослабляетъ чувство моей единственности и исчезаетъ только передъ солнцемъ этого сознанія. Если Я основалъ свое дѣло на самомъ себѣ, на единственномъ, тогда оно основано на преходящемъ смертномъ творцѣ своемъ, самого себя поглощающемъ, и

Я могу тогда сказать: „Я основалъ свое дѣло на ничемъ!“ „Ich habe mein Sach auf Nichts gestellt“ *).

Гарнакъ въ своемъ произведеніи „Сущность христіанства“ говоритъ: „Когда Иисусъ требуетъ отъ своихъ учениковъ, чтобы они отреклись отъ своихъ *правъ*, онъ имѣетъ въ виду не всѣ отношенія своего времени и тѣмъ болѣе не отношенія, еще болѣе сложныя, позднѣйшаго времени; его духу представляется одно только отношеніе— отношеніе человѣка къ царству Божьему. Такъ какъ человѣкъ долженъ все продать, чтобы купить этотъ драгоценный перлъ, то онъ долженъ умѣть отказаться и отъ всѣхъ земныхъ правъ, и все должно быть подчинено этому верховному отношенію. Провозглашая это, Иисусъ тѣмъ самымъ открываетъ перспективу союза людей, который держится не правовыми нормами, но въ которомъ царствуетъ любовь, и врагъ побѣждается смиреніемъ. Въ этой основѣ нашей религіи мы обрѣтаемъ высокій, прекрасный идеаль, который долженъ служить цѣлью и путеводной звѣздой нашего историческаго развитія. Осуществить ли его когда нибудь человечество. кто можетъ знать? Но мы можемъ и должны приближаться къ нему. И нынѣ больше, чѣмъ даже 200—300 лѣтъ тому назадъ, мы чувствуемъ нравственную обязанность дѣйствовать въ этомъ направленіи; наиболѣе чуткіе, а потому и наиболѣе прозорливые изъ насъ смотрятъ на царство любви и міра ужъ не, какъ на пустую утопію“.

Противопоставляя *любовь къ Богу заботамъ о земныхъ правахъ*, Гарнакъ, однако, отнюдь не думаетъ утверждать, что Христіанство и правовой строй противорѣчатъ другъ другу. Онъ, напротивъ, держится того мнѣнія, что ученіе Христа вполне совмѣстимо съ положительнымъ правомъ, только не слѣдуетъ ставить нормы земного права выше божественной справедливости; изъ словъ Иисуса о правѣ и правовомъ стрѣ слѣдуетъ также, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ ученики Его должны пренебрегать правомъ и объединяться любовью.

*) Иначе говоря—Я все вывожу только изъ себя единственнаго, и не признаю ничего высшаго, исходящаго отъ чего-либо внѣ меня, для меня обязательнаго. (Примѣч. редактора).

Нѣкоторые идутъ гораздо дальше и утверждаютъ, что правовой строй противорѣчитъ христіанству: профессоръ церковнаго права Зомъ утверждаетъ, что въ области церковной жизни право несовмѣстимо съ сущностью церкви. Толстой же считаетъ право абсолютно противорѣчащимъ *сущности христіанства* и приходитъ, такимъ образомъ, къ религіозному анархизму. Въ то время, какъ Штирнеръ приходитъ къ отрицанію права, стоя на анти-религіозной точкѣ зрѣнія, Толстой возстаетъ противъ правового строя, въ качествѣ истиннаго истолкователя идей христіанства. И Ренанъ въ своемъ сочиненіи „Жизнь Іисуса“ называетъ Іисуса анархистомъ: „Jesus à quelques égards, est un anarchiste, car il n'a aucune idée du gouvernement civil. Ce gouvernement lui semble purement et simplement un abus“.

Основаніемъ всего ученія Толстого является христіанство. Произведенія, въ которыхъ этотъ русскій философъ изложилъ главныя черты своего ученія о государствѣ, слѣдующія: „Въ чемъ моя вѣра?“ (1884) „Такъ что же намъ дѣлать?“ (1885) „Царство Божіе внутри васъ, или христіанство, не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе“ (1893).

Согласно Толстому, ученіе Христа представляетъ собой самое строгое и чистое познаніе разума, до какого только до сихъ поръ человѣкъ возвышался. вмѣсто права должна царствовать любовь: можетъ быть, когда-нибудь прежде право имѣло больше смысла и значенія; теперь же время его прошло, нравы стали болѣе мягки, люди нашего времени исповѣдуютъ любовь и состраданіе къ ближнему и желаютъ только найти возможность спокойной, мирной жизни. Человѣкъ долженъ понять, что цѣлью жизни является только исполненіе божескаго закона; тогда этотъ законъ, который долженъ будетъ замѣнить ему всѣ остальные, сдѣлаетъ необязательными всѣ человѣческіе законы. Христіанинъ освобождается, такимъ образомъ, отъ всякой человѣческой власти тѣмъ, что единственнымъ руководителемъ своей жизни, какъ и жизни другихъ, считаетъ божескій законъ любви, скрытый въ нѣдрахъ души и доводимый до сознанія христіанствомъ. Христіанской заповѣди противорѣчатъ всѣ обязанности по отношенію къ государству, каковы: присяга, налоги, судъ и войско, на которыхъ имен-

но и основывается власть государства. Христианство, въ своемъ чистомъ видѣ, разрушаетъ государство. Но для достиженія этой цѣли, т. е. анархическаго общественнаго строя, никогда не должно употреблять насилія. Въ введеніи къ своей книгѣ: „Рабство нашего времени“ Толстой говоритъ, что основной мыслью какъ этой книги, такъ и „Такъ что же намъ дѣлать?“ является отрицаніе насилія. Это отрицаніе онъ позналъ изъ Евангелія, гдѣ оно яснѣе всего выражено въ словахъ: „Вы слышали, что сказано: „око за око“, т. е. васъ учили насилію противопоставлять насилію, я же учу васъ: „кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую“, т. е. вы должны сносить насилію, но не прибѣгать къ нему“. Далѣе Толстой заявляетъ, что онъ не проповѣдуетъ революціоннаго ученія; духъ революціоннаго ученія это духъ мести, насилія и убійства, безъ боязни Бога, безъ уваженія къ человѣческой личности; мы же должны проникнуться духомъ Христа; основной принципъ непротивленія злу не разрѣшаетъ ни заговоры, ни возстанія, ни насилій; мы подчиняемся всѣмъ предписаніямъ и требованіямъ правительства, за исключеніемъ тѣхъ, которыя противны заповѣдямъ Евангелія.

Давъ характеристику вышеназванныхъ авторовъ, я познакомилъ васъ съ наиболѣе выдающимися представителями анархизма, поскольку послѣдній представляетъ собой соціально-философскую систему. Всѣ эти люди не нашли большого числа сторонниковъ и послѣдователей. Идеи этихъ анархистовъ пытались развивать и распространять только немногіе. Таковы на примѣръ: швабскій врачъ *Мюльбергеръ*, шотландецъ *Джонъ Генри Маккэй* и американецъ *Іозія Туккеръ*. Маккэй, давшій въ своей книгѣ: „Анархисты“ (Цюрихъ 1891) удачное изложеніе анархизма, является строгимъ послѣдователемъ *Прудона*. Онъ думаетъ, что проектъ Прудона является, можетъ быть, самымъ замѣчательнымъ и самымъ выдающимся, что только когда-нибудь могъ создать человѣческій умъ. Въ Америкѣ вышеназванный Туккеръ (Бостонъ) образовалъ прудоновскую общину. Онъ перевелъ наиболѣе важныя произведенія Прудона и неумоимо занимается распространеніемъ его идей; издаваемая имъ съ 1881 г. въ Нью-Йоркѣ газета „Liberty“ также служитъ пропагандѣ анархистскихъ теорій. Полное назва-

не этой газеты представляет цитату изъ Прудона: „Liberty not the daughter, but the mother of order“. („Свобода—не дочь, а мать порядка“). Эпиграфомъ является стихъ:

„For always in thine eyes, o liberty,
Shines that high light, whereby the world is saved
And though thou slay us, we will trust in thee“.

(Всегда въ твоихъ глазахъ, свобода, сіяетъ тотъ высокій свѣтъ, что спасаетъ міръ, и хотя ты губишь насъ, въ тебя мы все же вѣримъ).

Далѣе существуетъ цѣлый рядъ старыхъ и новыхъ теоретиковъ философіи права и государства, причисляемыхъ часто къ анархистамъ, и въ дѣйствительности же къ нимъ не принадлежащихъ; въ лучшемъ случаѣ, ихъ взгляды имѣютъ лишь извѣстное сходство съ идеями анархизма. Я назову вамъ, прежде всего, Жанъ-Жака Руссо, котораго часто считаютъ первымъ представителемъ анархизма. Руссо далъ въ своемъ: „Общественномъ договорѣ“ самое рѣзкое теоретическое обоснованіе народного суверенитета, онъ самый видный поборникъ политическаго либерализма, но онъ никогда не былъ послѣдователемъ анархизма. Руссо хотѣлъ, чтобы право исходило изъ воли всѣхъ, *volonté générale*, но основанный на началахъ самой широкой народной свободы правовой строй долженъ быть обязательенъ для всѣхъ членовъ народа.

Индивидуалистическій основной тонъ Руссо нужно, слѣдовательно, понимать не въ смыслѣ крайняго индивидуалистическаго принципа, не въ томъ смыслѣ, что интересы индивида должны безусловно стоять на первомъ планѣ, что суверенитетъ личности неприкосновененъ. Въ отдѣльныхъ вопросахъ Руссо предоставляетъ государству даже значительную принудительную власть по отношенію къ личности, такъ, напримѣръ, въ вопросѣ о воспитаніи дѣтей, или въ томъ случаѣ, когда онъ признаетъ за государствомъ власть обязывать гражданъ къ извѣстнымъ религіознымъ актамъ. Подобную же позицію по отношенію къ анархизму занимаютъ и два другихъ писателя, также видящихъ въ возможно широкой автономіи личности высшій соціальный идеалъ, но не дѣлающихъ, однако, крайнихъ выводовъ анархизма. Таковы: *Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ* и *Гербертъ Спенсеръ*.

Гумбольдтъ въ своемъ произведеніи „Идеи опыта опредѣлить границы дѣятельности государства“ возстаеъ противъ „fureur de gouverner“.

Лучше всего было бы, по его мнѣнію, если бы человекъ, по возможности, поступалъ такъ, какъ требуетъ его воля и какъ позволяютъ ему его силы. Поэтому государство является для него лишь *необходимымъ зломъ*. Бросается въ глаза сродство взглядовъ Гумбольдта съ идеями основателей французскаго фрритредерства. Такъ, на примѣръ, по его мнѣнію основной принципъ политики состоитъ въ томъ, „что истинный разумъ человека можетъ желать только такого строя, гдѣ не только каждая личность пользуется неограниченною свободою и можетъ самостоятельно развить всѣ свои особенности, но гдѣ человѣческія руки подвергаются и физическую природу лишь такимъ измѣненіямъ, которыя каждая личность, по мѣрѣ потребностей и наклонностей, производитъ сама и вполне свободно, будучи ограничена лишь предѣлами своей силы и своего права“. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, онъ высказывается также противъ организаціи и веденія дѣла воспитанія дѣтей государствомъ. Но насколько Гумбольдтъ далекъ отъ анархизма, видно изъ того, что онъ устанавливаетъ точныя начала государственныхъ законовъ, поскольку послѣдніе нужны для гарантіи безопасности гражданъ, хотя, правда, только для этой цѣли, такъ какъ, по его мнѣнію, „государство должно воздержаться отъ всякихъ заботъ о положительномъ благосостояніи гражданъ, ограничиваясь только самымъ необходимымъ для охраны гражданъ внутри и внѣ государства; ни для какихъ другихъ цѣлей государство не должно ограничивать свободы личности“.

Подобно тому, какъ, по мнѣнію Гумбольдта, задача „какъ совмѣстить самую разнообразную индивидуальность, самую оригинальную самостоятельность со столь разнообразнымъ и тѣснымъ соединеніемъ многихъ людей“ можетъ быть разрѣшена только при помощи полнѣйшей свободы, такъ и въ соціально-философскомъ ученіи знаменитаго англійскаго философа *Герберта Спенсера* центральной точкой зрѣнія является та мысль, что возможно болѣе широкая свобода личности гарантируетъ наилучшее процвѣтаніе народа. Но въ то время, какъ Гумбольдтъ нахо-

дился, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ французской и нѣмецкой философіи эпохи просвѣщенія, Спенсеръ стоитъ на почвѣ естественныхъ наукъ, особенно дарвинизма, который онъ желаетъ примѣнить къ соціальнымъ наукамъ. Онъ думаетъ, что наша соціальная жизнь является естественной и потому должна быть излѣдована по естественно-научному методу.

Въ своей книгѣ „Введеніе въ изученіе соціологіи“ онъ заявляетъ, что существующая промышленная система является продуктомъ существующей человѣческой природы и можетъ быть улучшена лишь постольку, поскольку улучшается человѣческая природа. Разъ человѣческое общество представляетъ собою естественное образованіе, то въ немъ господствуетъ тотъ же законъ, что и въ животномъ мірѣ, а именно дисциплина природы, или естественный подборъ. Какъ по Дарвину въ животномъ, такъ по Спенсеру въ человѣческомъ мірѣ естественный подборъ благотворенъ, такъ какъ онъ удаляетъ неприспособленныхъ, сокращаетъ ихъ страданія и препятствуетъ наслѣдственной передачѣ неприспособленности, слѣдовательно, увеличенію зла. Всякое вмѣшательство государства въ этотъ процессъ въ пользу слабѣйшихъ повлечетъ за собой не уменьшеніе, а увеличеніе зла. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Спенсеръ рекомендуетъ политику *laissez faire, laissez passer*, и въ своемъ сочиненіи „*The man versus the state*“ защищаетъ правительственный нигилизмъ. Тамъ онъ говоритъ: „Всякое предложеніе вмѣшательства государства въ свободную дѣятельность гражданина, кромѣ того случая, когда оно гарантируетъ свободу договоровъ, есть не что иное, какъ предложеніе улучшить жизнь, разрушая основныя условія жизни“. Онъ доходитъ до того, что считаетъ губительными всякую общественную благотворительность, государственную помощь для устройства рабочихъ жилищъ, общественныхъ библіотекъ, музеевъ и даже обязательность обученія. Несмотря на это, онъ никогда не отрицалъ обязательности закона вообще, а *только ставилъ законамъ очень узкія границы*.

Особенно часто представителемъ анархизма считаютъ *Фридриха Ницше*. Такъ, на примѣръ, Форлендеръ въ своей „Исторіи Философіи“ говоритъ объ аристократическомъ анархизмѣ Ницше.

Мнѣ кажется, что философію Ницше, вслѣдствіе оригинальности этого писателя, вообще трудно подвести подъ какой-нибудь шаблонъ. Нужно, впрочемъ, признать, что его мысли имѣютъ много общаго съ анархизмомъ. Таково въ высшей степени рѣзкое отрицательное отношеніе его къ государству. Такъ, на примѣръ, въ своемъ произведеніи „Такъ говоритъ Заратустра“ онъ пишетъ:

„Государство это самое холодное изъ всѣхъ холодныхъ чудовищъ... Истребители тѣ, кто ставятъ западни для многихъ и называютъ ихъ государствомъ. Они вѣшаютъ для насъ подъ ними мечъ и сотни вождельній. Тамъ, гдѣ есть еще народъ, тамъ онъ не понимаетъ государства и ненавидитъ его, ненавидитъ его такъ же, какъ злой глазъ и грѣхъ противъ правъ и обычаевъ“. Съ точки зрѣнія положительной, Ницше приближается къ анархизму своимъ постояннымъ возведеніемъ воли личности во власть, возвеличеніемъ значенія индивидуальности человѣка и сверхчеловѣка. Но все это еще не дѣлаетъ его анархистомъ, такъ какъ у него нѣтъ того, что я отмѣтилъ вамъ, какъ наиболѣе существенное для анархизма, а именно: требованія сожительства людей, основаннаго на свободномъ соединеніи. Слѣдовательно, о Ницше можно сказать, что онъ, въ лучшемъ случаѣ, только приближается къ нѣкоторымъ анархистскимъ идеямъ.

Отъ анархизма, какъ соціально-философской теоріи, въ томъ видѣ, какъ ее выработали указанные мною писатели, совершенно отличается тотъ анархизмъ, который выступаетъ въ видѣ *политическаго партійнаго движенія* и который пытается осуществить свои цѣли практически. Анархистскія партіи, образовавшіяся въ послѣднее время въ разныхъ странахъ и періодически привлекающія къ себѣ общественное вниманіе, исповѣдуютъ идеи, большей частью сильно отличающіяся отъ идей теоретическаго анархизма. У политическихъ анархистовъ то общее съ соціаль-философами анархизма, что и тѣ и другіе сильно настаиваютъ на *личной свободѣ* и стремятся добиться какъ можно большей автономіи отдѣльныхъ индивидовъ въ будущемъ переустроенномъ обществѣ. Это сходство и послужило причиною причисленія къ анархистамъ такихъ людей, какъ Бакунинъ, Нечаевъ, Крапоткинъ, съ именами которыхъ связана политическая дѣятельность

анархизма. Но, въ другихъ отношеніяхъ они значительно отличаются отъ теоретиковъ анархизма, такъ какъ не требуютъ полного уничтоженія всякаго правового принужденія и вводятъ въ свою программу извѣстные принудительные законы. Они часто называютъ себя *анархистами-коммунистами*; но это названіе заключаетъ въ себѣ *contradictio in adjecto*, такъ какъ анархизмъ означаетъ самое полное безначаліе и, слѣдовательно, въ немъ не можетъ быть мѣста для коллективной собственности, т. е. коммунизма. Признавая же коллективную собственность, по крайней мѣрѣ, для небольшихъ группъ, эти анархисты отказываются отъ основного принципа анархизма—они непослѣдовательные анархисты.

Ихъ можно было бы также назвать *свободными социалистами*, однако, за ними должно остаться названіе анархистовъ, такъ какъ, въ противоположность социалистамъ, они требуютъ возможно большей свободы личности. Между ними и социалистами существуетъ то крупное различіе, что они хотятъ провести обобщеніе средствъ производства не *централистически*, не такъ, чтобы было устроено крупное государственное или общественное производство, а *децентралистически*, посредствомъ организаціи маленькихъ мѣстныхъ группъ.

Но это не единственная разница между теоретическимъ и политическимъ анархизмомъ. Новымъ моментомъ въ послѣднемъ является оффиціальное провозглашеніе необходимости насильственнаго переворота существующаго общественнаго строя, вплоть до прямой рекомендаціи преступныхъ актовъ съ цѣлью пропаганды. Основатели анархистскаго ученія: Годвинъ, Прудонъ, Толстой рѣшительно отвергали революціонную тактику и рекомендовали путь мирныхъ реформъ. Только Штирнеръ считаетъ годнымъ всякое средство, даже насиліе, если оно только можетъ привести къ цѣли.

Благодаря тому обстоятельству, что главными основателями анархистскихъ партій являются русскіе, создалось мнѣніе, будто анархизмъ тождественъ съ *нигилизмомъ*.

Но мнѣніе это ошибочно. Нигилизмъ это національно-русское движеніе. Доведенные до отчаянія существующими въ Россіи по-

литическими условіями, нигилисты хотѣли создать для своей родины свободный политическій строй, стремясь достигнуть своей цѣли насильственными дѣйствіями. Но, по своимъ взглядамъ на соціальныя отношенія, нигилисты принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ партіямъ, — среди нихъ есть либералы, социалисты, анархисты и т. д.

Анархизмъ же имѣетъ *интернаціональное* значеніе. Онъ стремится во всемъ мірѣ создать новый общественный строй на началахъ свободы и выходитъ, такимъ образомъ, за рамки нигилизма. Однако, между этими обоими соціально-революціонными движеніями существуютъ извѣстныя точки соприкосновенія, и такіе люди, какъ Бакунинъ и другіе, несомнѣнно пришли къ своей политической тактикѣ, благодаря соприкасанію съ нигилистами.

Наиболѣе сильное и прочное вліяніе на политическій анархизмъ имѣлъ *Бакунинъ*.

Бакунинъ родился въ 1818 г. въ Торжкѣ, Тверской губ.; онъ происходилъ изъ почтенной старинной дворянской семьи, онъ былъ сперва артиллерійскимъ офицеромъ, затѣмъ студентомъ и наконецъ, литераторомъ. Въ 1841 г. онъ пріѣхалъ въ Берлинъ, позже побывалъ въ Дрезденѣ, Парижѣ и Швейцаріи, примыкая вездѣ къ соціально-революціонному движенію. Онъ принялъ участіе въ дрезденскомъ возстаніи, въ маѣ 1849 г., и по усмиреніи этого возстанія былъ арестованъ и осужденъ на смерть. Будучи выданъ Россіи, гдѣ онъ также былъ присужденъ къ смертной казни, Бакунинъ былъ помилованъ царемъ и сперва посаженъ въ крѣпость, а затѣмъ сосланъ въ Сибирь (1855); въ 1861 г. ему оттуда удалось бѣжать и добраться до Англіи. Здѣсь онъ занялся горячей пропагандой своихъ анархистскихъ идей. Въ 1868 г. онъ основалъ Alliance internationale de la democratie socialiste. Онъ умеръ въ Бернѣ въ 1876 г.

За какія идеи боролся Бакунинъ? Подобно всѣмъ представителямъ политическаго анархизма, онъ не обогатилъ ничѣмъ существенно новымъ идей теоретическаго анархизма, но составилъ себѣ систему изъ всѣхъ анархистскихъ ученій. Эпиграфъ, выбранный имъ для одного изъ своихъ произведеній, гласитъ: „L'église et l'état sont mes deux bêtes noires“.

Онъ сильно возстаетъ противъ всякаго принудительнаго авторитета государства. Всякое государство означаетъ господство, и совершенно безразлично, имѣеть ли государство форму монархіи, аристократіи или демократіи. „Мы отъ всего сердца питаемъ отвращеніе къ монархіи, но въ то же время мы убѣждены, что и большая республика съ войскомъ, бюрократіей и политической *централизацией* будетъ заниматься завоеваніями внѣ и притѣсненіями внутри страны и не будетъ въ состояніи обезпечить счастье и свободу своимъ подданнымъ, хотя бы они и назывались гражданами“.

Онъ, слѣдовательно, не желалъ никакихъ новыхъ законовъ и конституцій: лучшая конституція не могла бы его удовлетворить: „Намъ нужно кое-что другое,—буря и жизнь и новый міръ безъ законовъ, и потому свободный!“

Мѣсто государства должно занять сожителство людей, связанныхъ только договорами. Въ программѣ основаннаго имъ союза статья 5 гласитъ: „Союзъ стремится къ тому, чтобы всѣ политическія государства ограничивали свою дѣятельность услугами общественнаго характера и превратились бы во всеобщій союзъ свободныхъ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ товариществъ“. Статья 7 гласитъ: „союзъ стремится къ основанной на свободѣ всеобщей ассоціаціи всѣхъ мѣстныхъ товариществъ“. Въ своей рѣчи, произнесенной на конгрессѣ мира въ Женевѣ въ 1867 г., Бакунинъ требуетъ признанія абсолютнаго права на полную автономію за всякой націей, всякимъ народомъ, всякой общиной съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы ихъ внутреннее устройство не представляло собой угрозы или опасности для свободы другихъ странъ“. Что касается социальныхъ реформъ, то Бакунинъ, въ отличіе отъ Прудона, не довольствуется товариществами, главнымъ образомъ, для обмѣна и кредита, съ сохраненіемъ института частной собственности на средства производства. По его мнѣнію, недостатки свободной конкуренціи останутся тогда, въ главныхъ чертахъ, безъ измѣненія. Онъ требуетъ, чтобы средства производства были переданы въ собственность ассоціаціямъ.

Для достиженія этой цѣли Бакунинъ рекомендуетъ не политическую дѣятельность и использованіе избирательнаго права,

а *насильственное* низверженіе всего существующаго. Такимъ образомъ, единственно оправдываемой политической дѣятельностью является революція въ смыслѣ насильственной революціи, подъ которой Бакунинъ подразумѣваетъ „свободное проявленіе всего того, что нынѣ называется дурными страстями, и разрушеніе всего того, что называется общественнымъ строемъ“. Тайные статуты основаннаго имъ союза гласятъ: „Ничто не можетъ такъ хорошо объединить, воодушевить и поднять единственную дѣйствительную силу нашего столѣтія—рабочихъ, какъ полное освобожденіе труда и разрушенія всѣхъ учрежденій, существующихъ для защиты собственности и капитала“.

Попытка осуществить на практикѣ анархистскую теорію была сдѣлана Бакунинымъ въ Ліонѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ со своими приверженцами поднялъ въ 1870 г. знамя возстанія, долженствовавшего послужить кровавымъ предтечей Парижской Коммуны. Послѣ того, какъ 4 сентября 1870 г. Ліонская ратуша была занята сторонниками Бакунина, послѣдній самъ посѣщилъ въ Ліонѣ, чтобы все подготовить къ возстанію. 19-го сентября онъ пишетъ: „пока еще нѣтъ настоящей революціи, но она будетъ, все къ ней готовится и будетъ пущено въ ходъ; я бросаюсь въ борьбу на жизнь и смерть и надѣюсь на скорую побѣду“. Въ прокламаціи, приготовленной Бакунинымъ на случай побѣды возстанія, характерна статья 5, которая прямо устанавливаетъ анархистскую организацію: „такъ какъ чистая справедливость является основой всякаго закона, а интересъ народа—цѣлью его, то всѣ имѣющіеся при существующемъ строѣ своды законовъ, декреты и распоряженія отмѣняются“.

Кромѣ Бакунина, нужно еще упомянуть его русскаго эмиссара *Нечаева*, имѣвшаго спеціальную задачу — вести анархистскую пропаганду въ Россіи. Онъ—авторъ революціоннаго катехизиса, въ которомъ проповѣдуется пропаганда дѣйствіемъ. Тамъ сказано: „Революціонеръ знаетъ одну только науку — разрушеніе; ради него и только ради него онъ изучаетъ механику, физику, химию, и даже медицину; для него существуетъ одно только наслажденіе, одно утѣшеніе, одна награда и одно удовлетвореніе—это награда революціи; денно и ночью долженъ онъ лелѣять одну только

мысль, имѣть одну только цѣль — беспощадное разрушеніе. Всѣ средства, съ помощью которыхъ оно можетъ быть достигнуто, хороши; допуская одну только дѣятельность — разрушеніе, мы признаемъ, что формы, которыя можетъ принять эта дѣятельность, могутъ быть очень разнообразны: ядъ, кинжалъ, веревка и т. п. Революція оправдываетъ все, безъ различія. Будущая организація общества несомнѣнно возродится изъ движенія и жизни народа, но это ужъ дѣло будущихъ организацій, наша же работа — полное, беспощадное разрушеніе“. *Нечаевъ* былъ [въ 1872^{г.} г. выданъ Россіи, гдѣ онъ былъ осужденъ на вѣчную каторгу. Характернымъ для пропаганды дѣйствіемъ является то, что покушенія нужно производить хотя бы для одной ^{рекламы} партіи. Это наиболѣе легкій способъ возбуждать въ обществѣ интересъ къ партіи и привлекать для дѣла новыхъ сторонниковъ. Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и французъ, швейцарецъ *Поль Брусъ*. Онъ говоритъ: „Анархистскій актъ всесторонне обсуждается, о причинѣ его спрашиваютъ индифферентныя до сихъ поръ массы, онѣ начинаютъ интересоваться новымъ ученіемъ и разбираютъ его; если люди дошли ужъ до этого, тогда ужъ нетрудно приобрести среди нихъ сторонниковъ“. Покушенія нужно дѣлать не только на коронованныхъ лицъ, но и на капиталистовъ и вообще на всѣхъ, стоящихъ во главѣ общества; даже совсѣмъ безвредные люди могутъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ быть принесены въ жертву, если нужно совершить дѣлающее эпоху покушеніе. Когда *Вальянъ* бросилъ бомбу въ французской палатѣ депутатовъ, анархистъ *Тэльадъ* на одномъ банкетѣ воскликнулъ: „Какое намъ дѣло до жертвъ, если только прекрасенъ жестъ? Что для насъ смерть какихъ-то неизвѣстныхъ людей, если она способствуетъ процвѣтанію индивида!“ Но случай сыгралъ очень скверную шутку: этотъ самый *Тэльадъ* былъ тяжело раненъ бомбой, брошенной анархистомъ *Анри* въ кофейную *Терминусъ*. Онъ тогда очень рѣзко ругалъ анархистовъ, пока ему не напомнили его собственныхъ словъ по поводу покушенія *Вальяна*.

Очень большое вліяніе на анархистское движеніе оказалъ далѣе русскій анархистъ, князь *Крапоткинъ*. Онъ родился въ Москвѣ въ 1842 г. Происходитъ онъ изъ княжескаго рода Рюри-

ковичей, вначалѣ былъ пажемъ при дворѣ, потомъ кавалерійскимъ офицеромъ, и затѣмъ камергеромъ императрицы. Во время своихъ путешествій по Швейцаріи и Бельгіи онъ, познакомился съ „Интернаціоналомъ“ и, главнымъ образомъ, съ представителями Бакунинскаго направленія. Въ 1873 г. онъ, по обвиненію въ нигилизмѣ, былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ 1876 г. онъ бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ развилъ широкую агитацію въ пользу анархизма и основалъ газету „Le révolté“. Крапоткинъ старался пропагандировать идеи анархизма, особенно во Франціи, гдѣ онъ за участіе въ возстаніяхъ въ Монсо-ле-Минъ (Montceau-les-Mines) и Ліонѣ (1882) былъ осужденъ на пятилѣтнее тюремное заключеніе. Въ 1886 г. онъ былъ освобожденъ и переселился въ Лондонъ.

Крапоткину обязанъ своимъ развитіемъ особенно такъ называемый *коммунистическій анархизмъ*. Трудно найти болѣе необработанный и исполненный противорѣчій планъ общественной реформы, чѣмъ крапоткинскій. По этому плану, общины, прежде всего, должны захватить средства потребленія и производства, затѣмъ на всѣхъ взрослыхъ членовъ общины налагается обязанность работать 5 часовъ въ сутки, причемъ каждому предоставляется свобода выбрать занятіе въ одномъ изъ промысловъ, производящихъ необходимые для жизни предметы. Все остальное время каждый можетъ употребить, какъ ему угодно: оно можетъ быть употреблено на удовлетвореніе менѣе необходимыхъ потребностей, какъ, на примѣръ, на занятія искусствомъ и наукой. Распределение благъ должно быть такъ организовано, чтобъ всякій бралъ изъ созданнаго запаса столько, сколько ему нужно для удобной и пріятной жизни. Если же запасовъ не хватитъ, тогда слѣдуетъ ввести ограниченіе на продукты, которыхъ не имѣется въ избыткѣ. „Надѣленіе (rationnement) всѣми тѣми предметами, производство которыхъ ограничено; надѣленіе по потребностямъ, принимаемая во вниманіе дѣтей, престарѣлыхъ и слабыхъ вообще; потребленіе всего этого не въ общественномъ заведеніи для кормленія (dans la marmite sociale), а на дому, въ кругу семьи и друзей, по индивидуальному вкусу, — вотъ идеаль массъ, выразителями которыхъ являемся мы“.

Всѣмъ извѣстно, на какую плодотворную почву попали ученія *Крапоткина, Нечаева* и др., и я поэтому считаю излишнимъ подробнѣе остановиться на этомъ. Многочисленные покушенія послѣднихъ десятилѣтій свидѣтельствуютъ о силѣ анархистской агитаціи. Послѣ того, какъ Бакунинъ былъ исключенъ изъ соціалистическаго Интернаціонала, анархисты основали новый Интернаціональ, который, однако, никогда не приобрѣлъ большого практическаго значенія. Только секція послѣдняго, „Юрскій союзъ“, являлась въ теченіе десятилѣтія очагомъ анархизма для романской Швейцаріи и южной Франціи. „Юрская федерація“, писалъ Крапоткинъ въ 1882 г., сыграла громаднѣйшую роль въ развитіи революціонной идеи. Если теперь говорятъ объ анархизмѣ, если въ Ліонѣ имѣются 3000 анархистовъ, а въ бассейнѣ Роны 5000, то этому болѣе всего способствовала „Юрская федерація“.

О настоящемъ интернаціональномъ анархистскомъ движеніи не можетъ быть и рѣчи; анархизмъ развивался совершенно различно, въ зависимости отъ національныхъ особенностей и общественныхъ условій въ отдѣльныхъ странахъ.

Въ *Германіи* анархизмъ игралъ очень незначительную роль. Здѣсь *Мостъ* напрасно пытался найти сторонниковъ для своихъ анархистскихъ идей. Анархистскія покушенія были также чрезвычайно рѣдки; между ними, впрочемъ, было такое серьезное, какъ покушеніе на полицейскаго совѣтника Румпфа въ Франкфуртѣ на Майнѣ, и планъ Рейсдорфа убить нѣмецкихъ государей при освященіи памятника въ Нидервальдѣ. По приблизительному подсчету, въ Германіи имѣется не больше 12 анархистскихъ группъ, съ числомъ членовъ не больше 200. Рѣзкая противоположность между анархизмомъ и соціаль-демократіей проявляется въ неоднократныхъ раздорахъ между обѣими партіями. Главные вожаки анархистовъ въ Германіи, *Мостъ и Гассельманъ*, на конгрессѣ въ Виденѣ (1880) были исключены изъ соціаль-демократической партіи. На конгрессѣ въ Сент-Галленѣ была принята резолюція противъ анархизма: „Въ исторіи народовъ насиліе такъ же часто, даже чаще, является факторомъ реакціоннымъ, чѣмъ революціоннымъ, и примѣненіе его отдѣльными лицами не приводитъ къ цѣли, оно является скорѣе опаснымъ и негоднымъ сред-

ствомъ, такъ какъ оно наноситъ ущербъ чувству законности массъ". Когда въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія внутри социаль-демократіи образовалась небольшая группа такъ называемыхъ „молодыхъ“, *Вернера, Вильдбергера* и др., высказывавшихся противъ политической дѣятельности социаль-демократіи и за революціонную тактику въ духѣ анархистовъ, то они встрѣтили очень энергичный отпоръ на Эрфуртскомъ конгрессѣ въ 1891 г. Чтобы предупредить свое исключеніе изъ партіи, они сами объявили о своемъ выходѣ изъ нея.

Большій успѣхъ, чѣмъ въ Германіи, анархистская пропаганда имѣла въ *Австріи*, гдѣ, благодаря, главнымъ образомъ, агитаціи бывшаго плотника Іозефа Пейкерта, было вызвано къ жизни довольно сильное анархистское движеніе. На это указывали многочисленные покушенія 1881 — 1884 гг., которыя вызвали сильныя репрессіи. Теперь же анархизмъ играетъ въ Австріи только незначительную роль. *Швейцарія* являлась скорѣе *исходнымъ пунктомъ* анархистской пропаганды и представляла убѣжище для всѣхъ вожаковъ анархизма до 1884 г., когда и тамъ противъ анархистовъ были приняты строгія мѣры; собственно же швейцарскаго анархистскаго движенія въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ не существуетъ. И *Англія* упоминается въ связи съ анархизмомъ лишь потому, что туда, и спеціально въ Лондонъ, съѣзжаются вожаки всѣхъ анархистскихъ партій и находятъ тамъ, благодаря существующимъ въ странѣ свободнымъ законамъ, безопасное убѣжище. Въ самой же Англіи анархизмъ пріобрѣлъ очень незначительное число сторонниковъ: трезвымъ, реально-политическимъ духомъ англійскаго народа объясняется то, что всѣ радикальныя теченія, какъ социалистическія, такъ и анархистскія, имѣютъ среди англичанъ очень мало успѣха. Горячему же стремленію къ свободѣ и склонному къ насиліямъ народному характеру романскихъ народовъ нужно несомнѣнно приписать то, что среди нихъ анархизмъ такъ широко распространенъ, что анархистскія покушенія были особенно многочисленны какъ разъ въ Испаніи, Франціи, Италіи, или же совершались членами этихъ націй. И въ *Америкѣ* въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія велась энергичная анархистская агитація, главнымъ образомъ, Іоганномъ

Мостомъ. Въ маѣ 1886 г. въ Чикаго произошли крупныя столкновѣнія между анархистами и полиціей, причемъ со стороны полиціи оказалось нѣсколько убитыхъ и около 60 раненыхъ. Въ новѣйшее время анархизмъ въ Америкѣ значительно ослабѣлъ.

О количественной силѣ анархистовъ можно дѣлать лишь очень неточныя и неопредѣленные предположенія. Изъ-за разъединеннаго и чисто мѣстнаго характера анархистскихъ организацій очень трудно сказать что-нибудь опредѣленное о степени распространенности анархизма. Вышеприведенныя цифры Крапоткина такъ же мало надежны, какъ данныя, опубликованныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ „Figaro“, согласно которымъ во Франціи полиціи извѣстны 2000 анархистовъ, изъ которыхъ, приблизительно, 500 человекъ французовъ и 1500 иностранцевъ. Но, что анархизмъ и теперь еще сильно распространенъ, доказывается тѣмъ, что существуетъ больше 100 анархистскихъ газетъ, изъ нихъ нѣкоторыя расходятся въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Издаваемая Крапоткинымъ газета „Le revolté“ въ 1884 году выходила въ количествѣ 8500 экземпляровъ.

Если мы, наконецъ, поставимъ вопросъ, какъ должны относиться къ анархизму государство и общество, то мы должны провести различіе между анархизмомъ, какъ соціально-философскимъ ученіемъ, и анархизмомъ, какъ политической партіей. Что касается теоретической системы анархизма, то мы, какъ я вамъ уже указалъ, видимъ въ ней попытку построить идеаль общества на основѣ чистаго индивидуализма, и всѣ представители этой системы, за исключеніемъ Штирнера, были въ высшей степени миролюбивые, враждебные всякому насилію люди. Борьба государства противъ такихъ идей, какъ бы онѣ намъ ни казались абсурдными и утопичными, была бы неумѣстна: гдѣ же границы государственнаго вмѣшательства? когда должно оно начать принимать мѣры противъ идей? Идея анархизма несомнѣнно противорѣчитъ раціональному пониманію сущности государства и права. Здѣсь не мѣсто входить въ подробную критику идей анархизма. Я хочу только замѣтить, что общество безъ правового принужденія представляетъ собою нѣчто абсолютно невозможное, и что такое именно общество показало бы всю абсурдность основныхъ принци-

повь самихъ анархистовъ. Чего собственно хотятъ анархисты? Они стремятся къ устраненію произвола. Но, вѣдь, самой ужасной формой произвола является зависимость отъ каприза cadaго отдѣльнаго человѣка, а такая именно зависимость существовала бы въ анархистскомъ государствѣ. Каждый индивидъ можетъ, по своему усмотренію, выйти изъ союза и, такимъ образомъ, сдѣлать иллюзорной самую цѣль послѣдняго. Зависимость личности отъ союзовъ, къ которымъ она принадлежитъ, и отъ ихъ правленій была бы гораздо большей, чѣмъ зависимость отъ „государства“, и одинъ социаль-демократъ очень мѣтко выразился, сказавъ: „Раньше мы были рабами властей и предпринимателей, теперь мы станемъ рабами комитетовъ и правленій“. Но развѣ можно преслѣдовать и наказывать людей за то, что, они рисуютъ себѣ картину придуманнаго ими общества, хотя эта картина и, Богъ вѣсть, какъ утопична? Тогда слѣдовало бы призвать судей и прокуроровъ и противъ „Государства“ Платона, и противъ „Утопіи“ Мора, и противъ „Общественнаго договора“ Руссо, и противъ „Идей опыта опредѣленія границъ государства“ Гумбольдта. Такъ нельзя: то, что есть въ этихъ идеяхъ здороваго, зрѣлаго и плодотворнаго, найдеть себѣ осуществленіе въ той или другой формѣ въ теченіе вѣковъ; то же, что въ нихъ утопично, неисполнимо и невозможно въ реальной политикѣ, то разобьется о суровое противодѣйствіе обстоятельствъ. Но задерживая полетъ мыслей препонами закона, мы препятствовали бы и замедляли дѣйствіе очень цѣнныхъ ферментовъ духовнаго развитія. Притомъ философія анархизма является прекраснымъ противоявіемъ философіи социализма. Я бы сказалъ, что эта философія, впадая въ противоположную крайность, показываетъ, насколько односторонни идеи социализма. Проповѣдуя неограниченную свободу, анархизмъ защищаетъ свободу личности, запертой въ слишкомъ тѣсныя рамки въ коммунистическомъ и социалистическомъ государствѣ. Вотъ почему мы нигдѣ не находимъ такой рѣзкой и радикальной критики социалистическихъ идей, какъ въ главныхъ работахъ по анархизму, причемъ цѣнность этой критики увеличивается тѣмъ, что она исходитъ отъ людей, принадлежащихъ къ пролетариату или всѣмъ сердцемъ расположенныхъ къ нему.

Весь нашъ правовой строй долженъ постоянно состоять изъ компромиссовъ между правомъ свободнаго самоопредѣленія, требуемымъ людьми для себя, и принудительностью, необходимой для интересовъ всего общежитія. Соціализмъ слишкомъ сильно подчеркиваетъ принципъ принудительности, связь личности съ коллективнымъ цѣлымъ; анархизмъ же, съ своей стороны, переступаетъ разумную границу въ своемъ требованіи свободы личности. Подобно тому, какъ уже основатель стоической школы Зенонъ противопоставлялъ свободную государственную ассоціацію въ качествѣ наивысшаго идеала, платоновской идеѣ государственнаго всемогущества и общности имущества, такъ и всегда требованіе возможно полнаго ограниченія личности встрѣчало постоянный противовѣсъ въ противоположномъ и не менѣе радикальномъ стремленіи къ абсолютной неограниченности индивида въ его соціальной жизни.

Совершенно иначе должно относиться государство къ *политическому анархизму*. Мы выдѣли, какую грубую форму придали анархисты - агитаторы идеямъ анархизма. Партія, которая возвела преступленіе въ свой политическій принципъ, не должна удивляться, если къ послѣдователямъ ея будутъ относиться, какъ къ преступникамъ, и, дѣйствительно, вполне желательно, чтобы къ подобной политической партіи государство относилось съ крайнею строгостью. Замѣчательно снисходительно относились долгое время къ анархистской прессѣ и къ анархистскимъ союзамъ. А, вѣдь, эта пресса не пропускала случая давать даже указанія, какъ готовить пикриновую кислоту, динамитъ, нитроглицеринъ, гремучую вату и т. п. Такъ, напримѣръ, французскій анархистскій органъ „La lutte“ давалъ подробныя указанія, какъ производить покушенія:

„Проходишь мимо дома, гдѣ въ погребѣ находятся горючія вещества (хлопчатая бумага, алкоголь и др.). Черезъ отдушину спускаешь бутылочку съ растворомъ... и спокойно продолжаешь свой путь. Бутылочка разбивается, жидкость разливается и, спустя четверть часа, вспыхиваетъ огонь“.

Поскольку рѣчь идетъ о законодательныхъ мѣрахъ противъ анархизма, специальныхъ мѣръ противъ него не требуется, такъ

какъ, имѣя дѣло съ обыкновенными преступленіями, достаточно примѣнять къ нимъ общій законъ. Самая главная задача состоитъ въ томъ, чтобы внимательная и бдительная полиція выслѣживала приготовленія къ анархистскимъ покушеніямъ и раскрывать всѣ убѣжища анархистской агитаціи. Далѣе, въ странахъ, гдѣ анархистскія покушенія особенно часты, общій законъ можетъ быть пополненъ особенно строгими наказаніями за такого рода преступленія. Сюда относятся, во-первыхъ, законы, преслѣдующіе особую форму анархистскихъ покушеній—покушеній съ помощью взрывчатыхъ веществъ, и въ большинствѣ странъ, съ томъ числѣ и въ Германіи, законы противъ преступнаго, грозящаго общественной безопасности употребленія взрывчатыхъ веществъ, дѣйствительно, существуютъ; во-вторыхъ, сюда относятся законы, подвергающіе особенно строгимъ карамъ за политическую пропаганду, подстрекающую къ совершенію преступленій. Подъ впечатлѣніемъ многочисленныхъ анархистскихъ покушеній, во многихъ странахъ, какъ въ Италіи, Бельгіи, Швейцаріи и Испаніи, въ послѣдніе годы были изданы законы, прямо или косвенно направленные противъ анархизма. Во Франціи противъ анархистовъ было издано 4 закона, между ними законъ 24 іюля 1894 года, наказывающій тюремнымъ заключеніемъ и ссылкой за анархистскую пропаганду и запрещающій публиковать отчеты о рѣчахъ въ анархистскихъ процессахъ и оглашать судебные акты этихъ послѣднихъ. И въ Америкѣ въ послѣднее время изданъ законъ противъ анархизма; 10 іюля 1892 года палата депутатовъ приняла законъ, по которому покушенія на посланниковъ и министровъ иностранныхъ государствъ наказываются смертью. Если, несмотря на всѣ эти законы, покушенія и другія преступныя проявленія анархизма все-таки повторяются, то это происходитъ отъ того, что вообще невозможно совершенно искоренить этого рода преступленія. Притомъ разбитая на отдѣльныя группы, децентрализованная организація анархистовъ въ высшей степени затрудняетъ ея преслѣдованіе. Согласно основному анархистскому принципу, каждый анархистскій преступникъ дѣйствуетъ на свой страхъ. Отдѣльныя группы партіи не подчиняются руководству центра, какъ соціалъ-демократическія организаціи,—каждая ма-

ленькая группа и каждый член партіи поступает совершенно самостоятельно. По этой причинѣ интернаціональное законодательство объ анархизмѣ мнѣ кажется нецѣлесообразнымъ. Анархизмъ принимаетъ въ разныхъ странахъ разныя формы, и потому каждое государство, считаясь съ специфическими условіями страны, должно поступать со всею строгостью, какъ того требуетъ степень распространенности и форма анархистской пропаганды. Такъ какъ анархисты главнымъ средствомъ своей пропаганды считаютъ рекламу, то самое лучшее было бы, разумѣется, если бъ пресса и общество возможно меньше занимались описаніемъ анархистскихъ преступленій и самихъ преступниковъ. Но какъ можно въ наше время помѣшать этому? Лучшимъ средствомъ постепеннаго искорененія анархистскихъ идей, въ концѣ концовъ, является просвѣщеніе, которое во все болѣе широкихъ кругахъ распространяетъ убѣжденіе въ неразумности, можно даже сказать, въ безуміи анархистскихъ идей.

IV ЛЕКЦІЯ.

Отношеніе соціализма къ религи и браку.

При изученіи англійской торговой политики во время движенія противъ „хлѣбныхъ законовъ“ (Anti-Corn-Law-League) я нашель много англійскихъ брошюръ, въ которыхъ *свобода торговли* требовалась съ *христіанской* точки зрѣнія. Аргументація сводилась къ тому, что свобода торговли придерживается принципа: покупать на наиболѣе дешевомъ рынкѣ, а продавать на наиболѣе дорогомъ. Этимъ доставляется человѣчеству наибольшій избытокъ земныхъ благъ, и въ высшей мѣрѣ выполняется христіанское ученіе: „Поступай по отношенію къ людямъ такъ, какъ ты желаешь, чтобы они поступали по отношенію къ тебѣ“. Но не меньше брошюръ я нашель и такого рода, въ которыхъ, наоборотъ, покровительственная система разсматривалась, какъ единственная форма христіанской торговой политики. И со слѣдующей, приблизительно, аргументаціей: обширныя поля и пашни Богъ создалъ для того, чтобы люди находили себѣ пропитаніе на своей родной землѣ, а потому необходимо посредствомъ пошлинь сохранить за англійскимъ крестьяниномъ этотъ источникъ пропитанія.

То же самое можно замѣтить при изученіи соціалистической литературы: въ многочисленныхъ сочиненіяхъ повторяется мысль, что соціализмъ представляетъ собою угодную Богу или христіанскую форму человѣческаго общежитія; но во многихъ сочиненіяхъ соціализмъ опровергается съ христіанской же точки зрѣнія.

Отсюда вы можете видѣть, какъ ложно было бы утверждать, что соціализмъ проповѣдуетъ атеизмъ, или что соціализмъ стремится упразднить религію; вѣдь значительная часть соціалисти-

ческой литературы стоит, какъ я уже указалъ въ первой лекціи, на той точкѣ зрѣнія, что истинное христіанство требуетъ общности имущества. Отношеніе социализма къ религіозной проблемѣ крайне сложно. При этомъ мы должны постоянно отличать современный социализмъ, представителями котораго являются Марксъ и Энгельсъ, отъ другихъ социалистическихъ направленій. При изслѣдованіи всѣхъ социалистическихъ ученій, кромѣ марксистскаго направленія, въ ихъ отношеніи къ этому вопросу, мы рядомъ съ группой социалистовъ, разсматривающихъ религію, какъ нейтральную область, должны, съ одной стороны, различать такихъ, которые пришли къ социализму, исходя изъ глубоко религіозныхъ убѣжденій, и, съ другой стороны, такихъ, которые связываютъ съ социалистическимъ ученіемъ атеистическое или антирелигіозное исповѣданіе.

Какъ на типичный образецъ христіанскаго социализма, я укажу изъ нѣмецкой литературы на книгу лютеранскаго пастора Тодта. Она появилась въ 1877 г. и озаглавлена: „Радикальный нѣмецкій социализмъ и христіанское общество. Опытъ изложенія социальнаго содержанія христіанства и социальныхъ задачъ христіанскаго общества на основаніи изслѣдованія Новаго Завѣта“.

Авторъ сотнями приводитъ библейскія изреченія, доказывающія согласіе основныхъ мыслей христіанства съ идеями социализма. Тодтъ начинаетъ свою книгу слѣдующими словами: „Кто хочетъ понять социальный вопросъ и содѣйствовать его разрѣшенію, тотъ долженъ имѣть въ правой рукѣ политическую экономію, въ лѣвой — научную литературу социалистовъ, а передъ собою Новый Завѣтъ“. По мнѣнію Тодта, вся сущность коммунизма заключается въ томъ, что лучшее цѣлебное средство отъ всѣхъ золъ, вытекающихъ изъ человѣческаго эгоизма, слѣдуетъ видѣть въ солидарности интересовъ. Эта солидарность интересовъ представляетъ собою понятіе истинно евангельское, соотвѣтствующее духу Новаго завѣта, и въ доказательство приводится изреченіе апостола Павла:

„Да будемъ праведны въ любви и прилѣпимся во всемъ къ Тому, Который есть глава, Христосъ. Изъ котораго все тѣло со-

ставленное и сочлененное связями помощи, по мѣрѣ возможности, каждаго члена, растеть къ созиданію самого себя въ любви“¹⁾.

Тодтъ, подобно большинству христіанскихъ соціалистовъ, часто приводилъ слѣдующее знаменитое мѣсто изъ Дѣяній Апостоловъ, въ которомъ говорится о жизни первой христіанской общины: „Всѣ же вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее: и продавали имѣнія и всякую собственность, и раздѣляли всѣмъ, смотря по нуждѣ каждаго“.

Правда, Тодтъ не дѣлаетъ отсюда такихъ радикальныхъ выводовъ, какъ Либкнехтъ, который говоритъ: „Кто оспариваетъ коммунистическій, въ полномъ смыслѣ слова, враждебный всякой собственности, характеръ христіанства, насколько онъ выраженъ въ Новомъ Завѣтѣ, тотъ, или вовсе не читалъ библіи, или читалъ ее съ закрытыми глазами“. Это, конечно, слишкомъ сильно сказано. Но несомнѣнно вѣрно, что здѣсь, рядомъ съ признаніемъ частной собственности, высказывается въ зачаточной формѣ идея превращенія частной собственности на землю, если и не въ общественную собственность, то въ общую собственность отдѣльныхъ общинъ. И если считаютъ соціалистическую идею замѣны частной собственности на землю общественной собственностью преступной и фанатичной, то это несправедливо и свидѣтельствуется о непониманіи духа Новаго Завѣта. „И эта идея общественной собственности, продолжаетъ Тодтъ, имѣеть въ своемъ основаніи глубокое нравственное содержаніе. Это вытекаетъ изъ слѣдующихъ словъ Господа: „Наполняйте землю, подчиняйте себѣ и владѣйте надъ рыбами морскими, надъ птицами небесными и надъ всей тварью, ползающей по землѣ“.

Особенно извѣстныхъ представителей христіанскаго соціализма дала Франція и Англія. Во Франціи графъ Анри Сень-Симонъ въ своихъ основательныхъ соціалистическихъ трудахъ постоянно

¹⁾ По синодальному изданію русскаго перевода Новаго Завѣта это мѣсто изложено слѣдующимъ образомъ: (дабы мы) „истиною любовью все возвращали въ Того, Который есть глава Христось, изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви“.

ссылался на христіанское ученіе и разсматривалъ социализмъ, какъ осуществленіе „ новаго христіанства“. Въ своемъ послѣднемъ и знаменитѣйшемъ трудѣ „Le nouveau christianisme“ (1825), гдѣ онъ, собственно говоря, подводитъ итоги своей жизни, онъ уже съ самого начала выставляетъ слѣдующее положеніе: „Люди должны считать другъ друга братьями (les hommes doivent se conduire en frères à l'égard les uns des autres); этотъ благородный принципъ заключаетъ въ себѣ все, что есть божественнаго въ христіанской религіи“.

Отсюда онъ заключаетъ: „Согласно этому основному правилу, преподанному людямъ Богомъ для руководства въ жизни, они должны устроить общество такимъ образомъ, какъ это наиболѣе выгодно большинству его членовъ; цѣлью всѣхъ ихъ трудовъ и всѣхъ ихъ дѣйствій должно быть возможно скорое и полное улучшеніе моральнаго и физическаго существованія наиболѣе многочисленнаго класса“.— „Истинное христіанство должно доставить людямъ счастье не только на небесахъ, но и на землѣ“. Съ этой точки зрѣнія онъ критикуетъ католическую и лютеранскую церковь и ихъ представителей и находитъ, что какъ та, такъ и другая не исполнили своего долга. Будущее принадлежит истинному христіанству, которое пойдетъ по пути социальныхъ реформъ въ пользу неимущихъ. Идеаломъ Сень-Симону представлялось общество, организованное на социалистическихъ и теократическихъ началахъ; въ немъ урегулированіе производства должно было бы быть предоставлено государственной власти, которая предоставляла бы средства производства наиболѣе способнымъ. Каждый долженъ работать сообразно своимъ способностямъ и получать вознагражденіе соотвѣтственно своимъ заслугамъ. Сень-Симонъ имѣлъ, кромѣ своихъ учениковъ, много другихъ послѣдователей. А именно въ періодѣ февральской революціи появились многочисленныя системы христіанскаго социализма, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить особенно системы Бюшэ, Пьера Лерру и Ламенэ.

Въ Англіи христіанскій социализмъ также нашелъ извѣстное число выдающихся, энергичныхъ и воодушевленныхъ приверженцевъ. Когда въ первыя десятилѣтія девятнадцатаго столѣтія

обнаружились отрицательные результаты неограниченной конкуренции, вмѣстѣ съ другими защитниками полного переустройства социальныхъ отношеній, выступили и христіанскіе социалисты. Между ними выдавался, въ особенности, Фридрихъ Денисонъ Морисъ, священнослужитель англійской государственной церкви, умершій въ 1872 году, будучи профессоромъ философіи морали въ Кембриджѣ.—„Безъ страха должно христіанство возвѣстить“, поучалъ Морисъ, „что основныя экономическія положенія социализма и библіи тождественны; что человѣческое общество представляетъ собою тѣло, состоящее изъ многихъ органовъ, а не совокупность враждующихъ другъ съ другомъ атомовъ; что рабочіе должны быть товарищами, а не соперниками; что въ мѣновыхъ отношеніяхъ долженъ господствовать принципъ справедливости, а не эгоизмъ“.—Экономическая жизнь должна быть, по его мнѣнію, построена на началахъ ассоціаціи; наибольшая производительность достигается не конкуренціей, а сотрудничествомъ. Христіанство считаетъ ассоціацію единственно справедливымъ принципомъ, и потому оно социалистично. Разъ мы христіане, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть и социалистами. И потому приверженцы Мориса—Кингсли и другіе, называли себя христіанскими социалистами, чтобы подчеркнуть свое намѣреніе одинаково направить на должный путь какъ несоціальное христіанство, такъ и нехристіанскій социализмъ.

Совмѣстно съ Людлоу, Кинслэй и другими приверженцами, Морисъ старался дать своей идеѣ и практическое примѣненіе, вызывая къ жизни рабочія производительныя товарищества. На одномъ собраніи подмастерьевъ портныхъ, созванномъ христіанскими социалистами, съ цѣлью основать производительныя товарищества, была принята резолюція, въ которой, между прочимъ, сказано: „Лучшимъ средствомъ къ устраненію всѣхъ золъ, вытекающихъ изъ конкуренціи, служатъ товарищества, основанныя на началахъ братства и христіанства, то есть на началахъ совмѣстной работы и распредѣленія общихъ доходовъ“. Въ новѣйшее время въ Англій сталъ на точку зрѣнія христіанскаго социализма лордъ-епископъ Весткоттъ. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ октябрѣ 1890 года на Church Congress (годовой конференціи

англійской государственной церкви), онъ выдвинулъ вопросъ: соотвѣтствуетъ ли существующее въ городахъ и деревняхъ положеніе вещей божественной идеѣ? И онъ отвѣтилъ на него, что современное распредѣленіе благъ столь же опасно для имущихъ, какъ и для неимущихъ. Намъ можетъ помочь только преобразование общества на социалистическихъ началахъ въ соотвѣтствіи съ духомъ Евангелія.

Въ противоположность этому религіозному социализму, *атеистическій* социализмъ полагаетъ, что религія служитъ препятствіемъ къ социальному прогрессу. Типичнымъ представителемъ этого направленія можетъ служить англійскій социалистъ *Робертъ Оуэнъ*, который, въ противоположность своей супругѣ, строгой кальвинисткѣ, былъ вольнодумцемъ и на религіи смотрѣлъ, какъ на силы, разъединяющія общество. Соціальную реформу безъ религіозной онъ считалъ невозможной; послѣдняя, однако, должна имѣть цѣлью неограниченную свободу совѣсти. Такъ какъ онъ того мнѣнія, что всякая религія покоится на недостаткѣ знаній, противорѣчитъ законамъ природы и является источникомъ всѣхъ пороковъ и бѣдствій, то онъ хотѣлъ основать новую религію любви, независимо отъ какой бы то ни было вѣры.

Марксистскій социализмъ и социаль-демократическія партіи, которыя примкнули къ этой теоріи, не стоятъ на изложенной атеистической точкѣ зрѣнія.

Они въ религіи не видятъ ни идеала, осуществленіе котораго возможно лишь, благодаря социализму, ни враждебной силы, съ которой, согласно Оуэну, необходимо бороться. Социаль-демократія держится по отношенію къ религіи, въ извѣстномъ смыслѣ, нейтрально, И это вытекаетъ изъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Согласно этому міровоззрѣнію, религія и отдѣльныя вѣроисповѣданія суть не что иное, какъ явленія, вытекающія изъ экономическихъ условій, и такъ какъ эти послѣднія непрерывно измѣнялись, то должны были непрерывно измѣняться и религіозныя идеи. Религія не „упраздняется“, но, съ грядущимъ измѣненіемъ формъ производства, сама собой отпадетъ. Религія, по выраженію *Энгельса*, есть не что иное, какъ „фантастическое отраженіе въ головахъ людей тѣхъ внѣшнихъ силъ, которыя

опредѣляютъ ихъ повседневное существованіе, отраженіе, въ которомъ земныя силы принимаютъ форму силъ сверхестественныхъ“.

Соотвѣтственно этому, постепенно образовались слѣдующія главныя религіозныя системы.

Раньше всего религія природы. Люди были въ явной зависимости отъ *естественныхъ силъ* и поклонялись вслѣдствіе этого природѣ. *Сила* солнца это причина, заставляющая человѣка поклоняться ему и приносить жертвы.

По мѣрѣ того, какъ, рядомъ съ силами природы, стали проявляться силы *общественныя*, божества, которымъ люди поклонялись, приняли новый видъ.

Религія первоначально носила *національный* характеръ, такъ какъ каждое изолированно жившее племя имѣло своихъ боговъ, соотвѣтствовавшихъ условіямъ его жизни.

Возникновеніе міровой религіи, *христіанства*, приходится объяснить опять таки экономическими условіями, когда, подъ вліяніемъ всемірнаго господства римской имперіи, погибли древнія націи, должны были погибнуть также и національные боги. Міровому государству должна была соотвѣтствовать міровая религія. Благодаря *товарному производству*, люди все болѣе вступали между собою въ сношенія, и христіанство возникло, какъ культъ абстрактнаго человѣка.

Распаденіе христіанства на нѣсколько вѣроисповѣданій также объясняется экономическими причинами. Католицизмъ представляетъ собою средневѣковое приспособленіе христіанства къ феодализму; съ крушеніемъ послѣдняго начинаетъ колебаться и первый. Реформація представляетъ собою результатъ ожесточенной вражды развивающейся буржуазіи противъ экономической силы церкви. Церковь, какъ наиболѣе крупная землевладѣлица, со всѣми своими многочисленными феодальными поборами и притѣсненіями, являлась тормазомъ для болѣе прогрессивной формы производства. Народы, которые призвали реформацію, были побуждены къ этому, главнымъ образомъ, социальными мотивами, такъ какъ католическая церковь мѣшала ихъ экономическимъ интересамъ.

Господствующая церковь пользуется, сверхъ того, религіей, какъ средствомъ для укрѣпленія экономическаго неравенства. А именно, ученіе о безсмертіи души и о воздаяніи въ томъ мірѣ служить, въ большинствѣ случаевъ, для того, чтобы оправдать существующій строй и заставить неимущихъ довольствоваться своей судьбой.

Религія является, такимъ образомъ, слѣдствіемъ порабощенія пролетаріата капитализмомъ.

Какъ же обстоитъ дѣло съ религіей будущаго? Согласно этому воззрѣнію, религія должна исчезнуть, какъ только, благодаря социалистическому обществу, исчезаетъ почва для ея существованія, именно, господство капитала. „Когда общество“, говоритъ Энгельсъ, „завладѣвъ всѣми средствами производства и планомерно распоряжаясь ими, освободитъ себя и всѣхъ своихъ членовъ отъ порабощенія, въ которомъ оно теперь находится, благодаря членами же общества созданнымъ средствамъ производства, являющимся, однако, для нихъ внѣшней, подавляющей ихъ силой; когда люди, такимъ образомъ, будутъ не только мыслить, но и управлять,—тогда лишь исчезнетъ послѣдній остатокъ чуждой силы, въ настоящее время отражающейся въ религіи; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ самое религіозное отраженіе по той простой причинѣ, что нечего будетъ больше отражать“.

На неоднократно возникавшій вопросъ, можетъ ли христіанинъ быть социаль-демократомъ, приходится отвѣтить слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего, что касается нормальной возможности приѣма въ партію человѣка, христіански мыслящаго, то этому ничто не препятствуетъ. Въ новѣйшей эрфуртской программѣ нѣмецкой социаль-демократіи § 6 основныхъ требованій, которыя теперь же предъявляются партіей, гласитъ: „признаніе религіи личнымъ дѣломъ cadaquo“. Этимъ партія имѣетъ въ виду устранить всякій контроль надъ религіозными убѣжденіями и соблюдать по отношенію къ своимъ членамъ полную толерантность. Да и трудно было бы „обязать“ членовъ политической партіи придерживаться опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій или вообще какого-либо одного міровоззрѣнія. При формулировкѣ этого требованія сыгра-

ли роль и тактическія соображенія. Вождямъ партіи достаточно хорошо извѣстно, какъ широко распространено въ народѣ религіозное чувство. Соціалъ-демократія потеряла бы большое число своихъ членовъ, если бы она настаивала на атеизмѣ.

Но каждый членъ партіи, стоящій на точкѣ зрѣнія христіанства, тѣмъ самымъ отрицаетъ основныя идеи партіи, и приходится согласиться съ тѣмъ, что, если ничто не мѣшаетъ приему въ члены партіи христіански мыслящихъ людей, то тѣмъ не менѣе воззрѣнія послѣднихъ стоятъ въ противорѣчій съ міровоззрѣніемъ соціалъ-демократіи. Ибо матеріалистическое пониманіе исторіи стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ основными идеями христіанства.

Отвѣтъ, слѣдовательно, можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ. Кто дѣйствительно симпатизируетъ основнымъ положеніямъ соціалъ-демократическаго міровоззрѣнія, не можетъ быть христіаниномъ. Бывшій священникъ Гёре, который теперь состоитъ членомъ соціалъ-демократической партіи и, тѣмъ не менѣе, держится христіанскихъ воззрѣній и убѣжденій, находится въ явномъ противорѣчій съ основными соціально-философскими идеями партіи.

Если, такимъ образомъ, на вопросъ о томъ, можетъ ли христіанинъ быть соціалъ-демократомъ, приходится дать, принимая во вниманіе свойственное партіи міровоззрѣніе, отрицательный отвѣтъ, то наоборотъ, на вопросъ, можетъ ли христіанинъ быть соціалистомъ, нужно отвѣтить безусловно утвердительно. Ибо, что можетъ мѣшать кому бы то ни было, считающему принципъ общественной собственности экономически болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ институтъ частной собственности, оставаться въ то же время на почвѣ христіанской религіи? Лишь [игнорируя тѣ предѣлы, которые поставлены религіи по отношенію къ экономической жизни, можно прийти къ заключенію, что христіанство антисоціалистично.

Я перехожу къ болѣе подробной критикѣ тѣхъ религіозныхъ воззрѣній социализма, которыя я вамъ сейчасъ разъяснилъ. Совершенно нельзя согласиться съ отношеніями къ религіи историческаго матеріализма. Чтобы показать, къ какимъ заблужденіямъ

приводить этот методъ, стоитъ указать на то толкованіе, которое дается кальвинизму; оно очень характерно. Энгельсъ такъ объясняетъ значеніе кальвинизма: „Догма Кальвина о предопредѣленіи была религіознымъ выраженіемъ того факта, что въ мірѣ промышленной конкуренціи успѣхъ или банкротство не зависятъ отъ дѣятельности и искусства отдѣльныхъ лицъ, а отъ обстоятельствъ, совершенно отъ нихъ независящихъ“. И такъ какъ эта необезпеченность экономическаго успѣха вообще характерна для системы индивидуалистическаго хозяйства, то слѣдовало бы думать, что дальнѣйшимъ развитіемъ экономическаго строя кальвинизмъ охватитъ все больше народовъ и странъ, что онъ сдѣлается религіей высокоразвитыхъ промышленныхъ народовъ. А между тѣмъ кальвинизмъ укоренился лишь у нѣкоторыхъ народовъ, притомъ какъ разъ не у „капиталистическихъ“, и фактически постепенно уступалъ въ своемъ вліяніи другимъ исповѣданіямъ.

Кто разсматриваетъ исторію не слишкомъ односторонне, тотъ долженъ признать то самостоятельное значеніе, которое религіозная идея имѣла при великихъ социальныхъ преобразованіяхъ.

Съ религіозной именно точки зрѣнія, слѣдуетъ предостеречь отъ смѣшенія религіозныхъ и политико-экономическихъ идей. Какъ невѣрно, что христіанство признаетъ частную собственность, такъ невѣрно и то, что оно ее отрицаетъ. И какъ можно пользоваться христіанскимъ ученіемъ для оправданія опредѣленныхъ формъ общественной жизни? Христіанство требуетъ, чтобы опредѣленныя идеи, какъ идея о любви къ ближнему, направляли дѣятельность законодателя, чтобы вся экономическая жизнь была проникнута этимъ духомъ дѣйствительной любви къ человѣчеству; но оно ничего не говоритъ о тѣхъ спеціальныхъ установленіяхъ, на которыхъ должна покоиться экономическая жизнь. Это должно быть предоставлено законодательной Technikѣ. Подумайте лишь о томъ, что христіанство стремится быть міровой, всеобщей религіей; какъ же оно можетъ предлагать разъ навсегда установленныя общественныя нормы для всѣхъ временъ и народовъ?

Какъ много заблужденій и ошибочныхъ законодательствъ возникло изъ за того, что изъ нѣкоторыхъ ложно понятыхъ мѣстъ

библии были выведены опредѣленные нормы для законодательства! Я напоминаю вамъ о существовавшемъ въ теченіи столѣтій каноническомъ запретѣ взимать проценты, основанномъ на изреченіи Луки: „взаимы давайте, не ожидая ничего“.—Я напоминаю вамъ о томъ, какъ на политику народонаселенія долгое время оказывали вліяніе взгляды духовенства, которое, опять-таки, ссылаясь на нѣкоторые изреченія изъ библии, считало обиліе потомства благословеніемъ божіимъ, и это говорилось въ то время, когда, въ виду усиленнаго увеличенія населенія въ Германіи, было бы болѣе „по-христіански“ предостеречь отъ слишкомъ раннихъ браковъ и связанныхъ съ ними экономическихъ бѣдствій.

И въ новомъ христіанско-соціальному движеніи въ Германіи, которое не требуетъ, правда, соціалистическаго экономическаго строя, а лишь радикальныхъ соціальныхъ реформъ въ пользу рабочаго класса, всегда упускалось изъ виду необходимое разграниченіе между христіанствомъ и экономической политикой. Такъ, напр., въ „Основахъ программы евангелическихъ рабочихъ союзовъ“ говорится: Цѣль нашей работы мы усматриваемъ въ развитіи въ современной экономической жизни обновляющихъ міръ силъ христіанства. Мы убѣждены, что цѣль эта не можетъ быть достигнута однимъ только случайнымъ соединеніемъ всякаго рода христіанскихъ и соціальныхъ идей, а лишь путемъ органическаго преобразованія нашихъ общественныхъ отношеній, согласно нравственнымъ идеямъ, высказаннымъ въ Евангеліи и подлежащимъ дальнѣйшему развитію“.

Затѣмъ слѣдуютъ практическія соціально-политическія предложенія, и между прочимъ, для крупнаго производства: максимальный рабочій день, введеніе воскреснаго отдыха, по крайней мѣрѣ, въ 36 часовъ, введеніе принудительныхъ цеховыхъ организацій или закономъ признаемыхъ профессиональныхъ союзовъ и т. п.; для ремесла: введеніе корпоративной организаціи, основаніе производительныхъ союзовъ и ихъ поощреніе.

Такъ много отдѣльныхъ требованій, такъ много слишкомъ спорныхъ политико-экономическихъ проблемъ! Вопросъ о нормальномъ рабочемъ днѣ и о профессиональныхъ союзахъ составляетъ для спеціалистовъ не меньшій предметъ оживленныхъ споровъ,

чѣмъ вопросъ объ организаціи ремесла. Развѣ тѣ, которые считаютъ введеніе максимальнаго рабочаго дня нецѣлесообразнымъ, или полагаютъ, что профессиональные союзы по англійскому образцу не содѣйствуютъ соціальному миру, не понимаютъ нравственныхъ идей, заключающихся въ Евангеліи и подлежащихъ дальнѣйшему развитію? или развѣ тѣ, которые отстаиваютъ, въ качествѣ программы ремесленной политики, вмѣсто неопредѣленныхъ требованій евангелическихъ рабочихъ союзовъ, старое принудительное цеховое устройство съ его удостовѣреніемъ въ знаніи ремесла, въ силу этого являются плохими христіанами?

Стремленіе наложить на конкретные соціально-политическіе законодательные проекты печать христіанскаго или евангельскаго духа всегда должно привести къ заблужденіямъ.

Теоретическая ошибка христіанскихъ соціаль-реформаторовъ, въ особенности, замѣтна въ сочиненіяхъ пастора Наумана. Послѣдній совершаетъ прежде всего ту ошибку, что обосновываетъ защиту интересовъ рабочихъ, или такъ называемыхъ „маленькихъ людей“ опредѣленными воззрѣніями Іисуса Христа. Іисусъ проповѣдывалъ—эта мысль проходитъ красной нитью черезъ всѣ сочиненія Наумана—Евангеліе прежде всего неимущимъ и имъ хотѣлъ онъ оказать помощь; потому то христіанско-соціальная партія должна быть прежде всего партіей рабочихъ.

Какъ раньше Штеккеръ говорилъ о Іисусѣ, какъ о „царѣ пролетаріевъ“ и о библіи, какъ о „книгѣ рабочихъ“, такъ Науманъ говоритъ слѣдующее: „Священникъ долженъ въ своемъ приходѣ быть божіемъ пророкомъ, человѣкомъ, дѣйствительно вѣрующимъ въ Іисуса, проповѣдовавшаго Евангеліе бѣднымъ. Онъ такъ же долженъ жить для поденщиковъ, каменоломовъ и крестьянъ, для сапожниковъ, ткачей, рабочихъ по металлу и половыхъ, для горничныхъ, швей и продавщицъ, словомъ для всей той арміи, которая находится въ полной зависимости и терпитъ крайнюю нужду, для всѣхъ, не владѣющихъ ни „пашней и скотомъ, ни домомъ и дворомъ, ни деньгами и имуществомъ“, онъ долженъ жить для нихъ всѣхъ, какъ Іисусъ жилъ для лодочниковъ, мытарей и крестьянъ Галилеи“. И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Церковь, въ лицѣ своихъ официальныхъ представи-

телей, должна знать, что она призвана защищать неимущихъ друзей неимущаго Господа Іисуса. Церковь богатыхъ—явленіе неугодное“.

Развивая эту мысль до крайности, англійскіе священники, участвовавшіе въ чартистскомъ движеніи, избирали предметомъ своихъ проповѣдей слѣдующую тему: „Невѣрно, что Богъ создалъ бѣдныхъ и богатыхъ; онъ создалъ мужчинъ и женщинъ и далъ имъ землю во владѣніе“.

Все это толкованіе христіанскаго ученія не согласуется съ отношеніемъ Іисуса къ земельнымъ благамъ. Представлять Іисуса адвокатомъ бѣдныхъ или рабочихъ, значитъ низвести христіанство до классовой религіи, а это противорѣчитъ всеобъемлющей любви, которую именно Іисусъ и проповѣдовалъ. Если Іисусъ особенно часто творилъ дѣла милосердія по отношенію къ неимущимъ и находилъ слова утѣшенія, по преимуществу, для бѣдныхъ слоевъ народной массы, то это совершенно просто объясняется тѣмъ, что послѣдніе больше всего нуждались въ утѣшеніи и помощи; но это не значитъ, что онъ относился къ богатымъ безучастно или даже враждебно. Онъ порицалъ лишь богачей-эгоистовъ, ничего не признававшихъ, кромѣ своей алчности къ земнымъ сокровищамъ.

Въ такой же мѣрѣ, однако, ложна и противоположная точка зрѣнія, согласно которой христіанское ученіе толкуется въ томъ смыслѣ, будто бѣдность представляетъ собою нѣчто predeterminedное Богомъ, и „бѣдные“ должны довольствоваться своей судьбой, потому что такъ установило „Провидѣніе“. Ссылаясь на изреченіе Кальвина, что масса рабочихъ и ремесленниковъ лишь постольку остается послушной Богу, постольку она пребываетъ въ нищетѣ, признавали неравномѣрное распредѣленіе богатствъ особымъ промысломъ Бога, преслѣдующаго такимъ путемъ, такъ же, какъ и своей частичной благодатью, сокровенныя, намъ неизвѣстныя цѣли.

Въ заключеніе изложенныхъ соображеній объ отношеніи социалистическихъ ученій къ религіи прибавлю нѣсколько краткихъ замѣчаній о первобытныхъ христіанскихъ общинахъ.

Если и теперь противники частной собственности такъ часто

ссылаются на жизнь первых христіанъ въ христіанскихъ общинахъ, считая эту предполагаемую „коллективную собственность“ идеальной общественной формой, съ точки зрѣнія христіанства, то такое толкованіе Св. Писанія покоится на очевидномъ недоразумѣніи.

Повѣствованіе о христіанскихъ общинахъ вовсе не свидѣтельствуєтъ о присущей христіанству непріязни къ частной собственности. Общность имущества у первыхъ христіанъ была не обязательной, а добровольной. Она не была предназначена служить образцомъ формъ собственности для всѣхъ народовъ и временъ; ея смыслъ заключался лишь въ томъ, что члены этихъ первыхъ христіанскихъ общинъ хотѣли освободить себя отъ заботъ будничной жизни и всѣми своими помыслами сосредоточиться на Царствѣ Божіемъ.

Такъ именно и понимаютъ данный вопросъ большинство комментаторовъ дѣяній апостоловъ, какъ напр., Мейеръ, Вайсцеръ, Вендтъ. Несгенъ даже отрицаетъ какой бы то ни было социальный элементъ въ понятіи „общность“ и толкуєтъ его исключительно какъ „общность“ духа, какъ внутреннее реальное единство. Апостолы имѣли въ виду спасеніе души, и не выставляли никакой экономической программы. Общность понимается здѣсь, какъ въ царствѣ Божіемъ; добровольно же установленная общность имущества должна была лишь дать возможность въ большей мѣрѣ посвятить себя религіознымъ идеаламъ. Да и эта факультативно допускаемая общность имущества вовсе не была чѣмъ-то новымъ. Еще задолго до появленія Христа существовала іудейская секта эссеевъ, видѣвшихъ идеаль совершенства въ коммунистическомъ образѣ души и уничтоженіи частной собственности,—ихъ образъ жизни имѣлъ много общаго съ позднѣйшими монашескими орденами.

Итакъ, христіанство такъ же мало проповѣдуетъ коллективную собственность, какъ и не признаєтъ частную собственность единственно справедливой формой экономической политики.

И если дѣло дѣйствительно дойдетъ до того, что коллективная собственность вытѣснитъ современемъ частную, то христіанство и христіанскія идеи тутъ будутъ не при чемъ. По этому поводу

теологъ Германъ вполне справедливо замѣчаетъ слѣдующее: „Бороться во имя христіанства съ экономическими идеалами, къ которымъ стремятся рабочіе подъ руководствомъ социаль-демократіи, было бы не по-христіански“; и столь же вѣрно говоритъ онъ въ поясненіи этого положенія: „Если бы кому-нибудь вздумалось теперь клеймить переходъ средствъ производства изъ частной собственности въ общественную, какъ явленіе не христіанское, то это доказывало бы, что въ хозяйственныхъ вопросахъ онъ, допустимъ, смыслить много, но въ христіанствѣ—ничего“.

Какъ въ вопросѣ о религіи, такъ и въ вопросѣ о бракѣ социалисты расходятся между собою. Нѣтъ большей ошибки, какъ утверждать,—что часто дѣлаютъ,—будто социализмъ стремится „уничтожить“ бракъ и ввести „свободную любовь“. Между социалистами были горячіе и рѣшительные сторонники моногаміи—я уже вамъ указывалъ, что Томасъ Моръ ничего знать не хотѣлъ объ общности женъ Платона и въ своей „Утопіи“ сохраняетъ моногамію. Видные представители социализма выступали во всѣхъ странахъ и во всѣ времена за сохраненіе брака въ его современной формѣ.

Я напоминаю вамъ о Кабэ, который въ своей Икаріи, правда, стремился къ уничтоженію всякой личной собственности и требовалъ признанія равенства, братства и одинаковаго для всѣхъ воспитанія, въ вопросѣ же о бракѣ и семьѣ отвергалъ всякаго рода коммунизмъ.

Вопросъ о формѣ семьи онъ находилъ несущественнымъ потому, что общность имущества можетъ такъ же хорошо существовать при сохраненіи семьи, какъ и безъ нея, и нѣтъ никакой необходимости ее уничтожать. Всѣ упреки по отношенію къ браку и семьѣ вызываются не сущностью этого несомнѣнно социального института, вообще, а тѣми явленіями, которыя вызваны къ жизни въ этой области современнымъ неравенствомъ имущества.

И когда онъ основалъ въ Америкѣ свою коммунистическую общину, онъ фактически вполне сохранилъ единобрачіе, и это тѣмъ знаменательнѣе, что Кабэ основалъ свою колонію какъ разъ

въ такой области, гдѣ у Мормоновъ уже много лѣтъ было распространено многоженство.

Англійскій социалистъ Оуэнъ также отстаивалъ моногамію. Его то именно часто называютъ приверженцемъ „свободной любви“, потому что онъ выступалъ въ защиту общественнаго воспитанія дѣтей. И совершенно несправедливо. Оуэнъ ратовалъ лишь за облегченіе развода и требовалъ, чтобы совмѣстная жизнь не была обязательна тогда, когда она фактически уже расшатана. Но съ полной ясностью онъ однажды изложилъ свою точку зрѣнія на моногамію, брачные законы и необходимость ихъ соблюденія на публичномъ собраніи въ своей амеріканской коммунистической общинѣ. Мнѣніе о томъ, будто онъ защищаетъ свободныя половыя сношенія, стремится устранить всякую внѣшнюю форму заключенія брака или даже возбуждаетъ къ обходу послѣдней, онъ отвергаетъ съ полной рѣшительностью,—эту точку зрѣнія онъ отстаиваетъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ той же проблемы.

Другіе социалисты, какъ, напр., Фурье, защищали принципъ „свободной любви“. По его теоріи счастье человѣка заключается въ томъ, чтобы имѣть много потребностей и много средствъ для ихъ удовлетворенія. Конечная цѣль—это гармонія всѣхъ потребностей, причемъ ни одна изъ нихъ не должна быть подавлена. Это свободное развитіе всѣхъ потребностей должно господствовать въ свободной ассоціаціи всѣхъ людей, которую онъ хотѣлъ ввести въ своихъ фаланстеріяхъ. Но бракъ—это оковы, которыя стѣсняють свободу, это система принужденія, и такъ какъ потребности требуютъ удовлетворенія, то система цѣломудрія является источникомъ всѣхъ пороковъ. Въ то время, какъ Толстой, по соображеніямъ, имѣющимъ много общаго съ только что изложенными, приходитъ къ половому аскетизму, Фурье, наоборотъ, рекомендуетъ свободную любовь.

Сень-Симонистъ Анфантэнъ является въ этомъ вопросѣ ученикомъ Фурье. Онъ несомнѣнно заимствовалъ свое ученіе у Фурье, и вся его система представляетъ собою, въ дѣйствительности, не больше, какъ попытку практическаго примѣненія выдвинутой впервые Фурье основной идеи о противорѣчии между потребно-

стями и долгомъ, между плотью и духомъ. Какъ духъ, такъ и плоть созданы Богомъ, и гармонія между ними является, слѣдовательно, высшимъ идеаломъ земной жизни. Вмѣсто католическаго лозунга: „Убивайте свою плоть и будьте воздержаны“, слѣдуетъ придерживаться изреченія Сень-Симонистовъ:—„освящайте себя трудомъ и наслажденіемъ“.

Идея объ оправданіи плоти совершенно чужда Сень-Симону и Базару; она чужда и сень-симонизму, въ его первоначальной чистотѣ, и была введена въ него лишь впослѣдствіи, благодаря Анфантэну. На улицѣ Монсиньи въ Парижѣ образовалась сень-симонистская семья, въ которой было введено совмѣстное хозяйство на общія средства, какъ образецъ будущей великой, весь міръ обнимающей семьи.

Анфантэнъ рѣшительно требовалъ отмѣны законодательнаго регулированія половыхъ сношеній. И это обстоятельство послужило причиной разложенія сень-симонистской семьи. Съ отвращеніемъ многіе сень-симонисты отвернулись отъ царствовавшихъ на улицѣ Монсиньи порядковъ, и въ концѣ концовъ семья была закрыта. Сверхъ того, члены с.-с. общины были приговорены къ заключенію въ тюрьмѣ за нарушеніе нѣкоторыхъ уголовныхъ законовъ.

Положеніе, которое по этому вопросу занимаютъ современный научный социализмъ и социаль-демократія, совершенно отлично отъ положенія, занимаемаго представителями уже изложенныхъ различныхъ отбѣнокъ идеалистическаго социализма. Они рассматриваютъ моногамію не какъ нѣчто, что необходимо было бы сохранить или „отмѣнить“; но и бракъ считаютъ слѣдствіемъ экономическихъ факторовъ положенія вещей, и потому подлежащимъ историческому измѣненію въ зависимости отъ экономическихъ отношеній. Такимъ образомъ, согласно этому міровоззрѣнію, современный бракъ—историческое явленіе, институтъ, который долженъ будетъ уступить свое мѣсто другой формѣ полового сожителства, когда новый способъ производства потребуетъ и въ этой области установленія новыхъ нормъ.

Взгляды Маркса и Энгельса на развитіе формъ брака не оригинальны, а заимствованы въ существенномъ у Моргана, сочи-

неніе котораго Ancient Society они считаютъ безусловно достовѣрнымъ источникомъ. Морганъ жилъ долгое время въ Америкѣ среди ирокезовъ, и въ своеобразныхъ половыхъ отношеніяхъ этихъ индѣйцевъ онъ думалъ найти ключъ къ пониманію развитія семейной жизни всѣхъ другихъ культурныхъ народовъ. Марксъ намѣревался привести изслѣдованія Моргана въ связь съ своей теоріей матеріалистическаго пониманія исторіи; но онъ не успѣлъ сдѣлать этого,—выполненіе задачи взялъ на себя Энгельсъ въ своемъ сочиненіи: „Происхожденіе семьи, частной собственности и государства“.

На основаніи изслѣдованій Моргана Энгельсъ излагаетъ историческую послѣдовательность разныхъ формъ семьи. Въ первобытное время мужчины жили въ многоженствѣ, а жены въ многомужествѣ; дѣти же считались общими. Такая форма брака, до окончательнаго своего перехода въ моногамію, подверглась цѣлому ряду измѣненій. Эти измѣненія состояли въ томъ, что кругъ лицъ, входившихъ въ общій брачный союзъ, былъ вначалѣ обширенъ, затѣмъ все болѣе и болѣе суживался, пока онъ, наконецъ, не замкнулся въ предѣлахъ одной пары.

Изложеніе всѣхъ ступеней развитія этихъ формъ завело бы насъ слишкомъ далеко: вы можете по Моргану или Энгельсу познакомиться, какъ современная форма брака развилась изъ семьи, основанной на кровномъ родствѣ пуналуа-семьи, материнскаго права и т. д.

Но спеціально для марксистскаго міровоззрѣнія характерно объясненіе, какими факторами вызваны эти измѣненія, и въ этомъ отношеніи Энгельсъ существенно дополняетъ изслѣдованія Моргана; факторы эти, по его мнѣнію, исключительно экономическіе.

Материнское право, господствовавшее до появленія современной моногаміи у всѣхъ народовъ дикихъ и стоящихъ на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія, обуславливало наслѣдованіе по материнской линіи, такъ какъ происхожденіе могло быть доказываемо только со стороны матери. Какимъ же образомъ, согласно соціалистическому міровоззрѣнію, возникло изъ материнскаго права отцовское право и современное единобрачіе?

Материнское право соответствовало родовому строю. Коммунистическое хозяйство, которое велось тогда, обуславливало также некоторую общность мужчинъ. Вслѣдствіе рѣдкости населенія установилось такого рода раздѣленіе труда, что мужчина отправлялся на войну и на охоту, а женщина вела хозяйство.—Но по мѣрѣ того, какъ возникала частная собственность и стада стали переходить изъ общаго владѣнія племени въ собственность главъ отдѣльныхъ семей, измѣнялась также и семейная жизнь. „Дикій воинъ и охотникъ довольствовался вторымъ мѣстомъ въ семьѣ, послѣ жены; „кроткій“ же пастухъ, кичась своимъ богатствомъ, занялъ первое мѣсто и оттѣснялъ жену на второе“. И такъ какъ домашняя работа женщинъ въ сравненіи съ производительной дѣятельностью мужчины все болѣе отступаетъ на задній планъ, то въ силу этого падаетъ господствующее положеніе женщины, выражавшееся въ материнскомъ правѣ, и устанавливается отцовское право.—Возникновеніе моногаміи тѣсно связано, такимъ образомъ, съ возникновеніемъ частной собственности. Древняя коммунистическая родовая община пала, какъ только прекратилась совмѣстная обработка земли. „Земля“, говоритъ Энгельсъ, „передается отдѣльнымъ семьямъ сперва только на время, а потомъ навсегда, и этотъ переходъ къ полной частной собственности совершается постепенно и параллельно съ превращеніемъ полового сожителства въ моногамію. Отдѣльная семья становится экономической единицей въ обществѣ“.

Каковъ же будетъ бракъ въ будущемъ?

На этотъ вопросъ социаль-демократія, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что съ измѣненіемъ экономическихъ условій и семейная жизнь должна вылиться въ новую форму. Это не значитъ, что будутъ господствовать необузданныя, беспорядочныя половыя сношенія въ видѣ „свободной любви“. Наоборотъ, единобрачіе и въ социалистическомъ обществѣ будетъ нормальной формой семьи, но бракъ не будетъ тогда такимъ застывшимъ, прочнымъ и постояннымъ союзомъ, какъ въ настоящее время. Бракъ долженъ стать чѣмъ-то въ родѣ „перемѣннаго брака“, чтобы возможно было болѣе легкое и простое расторженіе его.

Эта „прочная“ связь станет тогда невозможной и ненужной по той причинѣ, что экономическое положеніе женщины будетъ тогда совершенно иное. Женщины будутъ, какъ и мужчины, привлечены къ участию во всѣхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности; домашняя же ихъ дѣятельность будетъ, наоборотъ, доведена до минимума, такъ какъ центральныя кухни, бани, прачешныя и дѣтскіе пріюты освободятъ женщинъ отъ значительной части ихъ домашнихъ работъ. И такъ какъ ни для мужчинъ, ни для женщинъ невозможенъ будетъ свободный выборъ занятій, и отдѣльныя лица будутъ назначаемы на опредѣленныя работы, то часто будетъ потребность какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ трудѣ; свободное же передвиженіе рабочихъ рукъ слишкомъ сильно тормозилось бы тогда современной формой принадлежности къ одной семьѣ. Въ виду всего этого бракъ не долженъ больше быть такимъ прочнымъ, какъ въ настоящее время, а долженъ принять болѣе подвижную, болѣе расторгимую форму.

Позвольте мнѣ въ заключеніе прибавить нѣсколько критическихъ замѣчаній по вопросу объ отношеніи социализма къ браку. Способъ трактовать теорію материнскаго права съ точки зрѣнія историческаго матеріализма хорошо характеризуетъ односторонность и догматичность этого ученія, вообще. Вопросъ о материнскомъ правѣ относится къ самымъ спорнымъ проблемамъ. Многочисленные изслѣдователи, какъ Гейслеръ, Лампрехтъ, Шмолеръ, присоединились къ гипотезѣ материнскаго права и считаютъ его промежуточной ступенью въ развитіи семейнаго права. Другіе ученые, какъ Brentano, Westermarck и лингвистъ Дельбрюкъ, выставили очень вѣскія возраженія противъ этой теоріи.

Соціалъ-демократія же принимаетъ безъ всякой критики изслѣдованія Morgana за неоспоримую истину, хотя даже приверженцы исторіи материнскаго права признаютъ, что не у всѣхъ народовъ развитіе шло въ такой общей схематической формѣ, какъ это предполагаетъ Морганъ. Нѣтъ общей, подходящей для всѣхъ, схемы развитія формъ семьи: ходъ развитія у разныхъ народовъ былъ, во всякомъ случаѣ, различенъ. Въ этомъ отношеніи Морганъ, по крайней мѣрѣ, столь же одностороненъ, какъ и представители

старой теоріи, по которой первоначальной формой семьи признается семья, основанная на отцовском правѣ.

Но если даже отказаться отъ этой точки зрѣнія и въ большой или меньшей мѣрѣ принять гипотезу о материнскомъ правѣ, какъ объ одной изъ ступеней развитія брака,—никто не станетъ оспаривать, что Морганъ, Бахофенъ и другіе изслѣдователи дали очень цѣнные доказательства отдѣльныхъ случаевъ существованія материнскаго права и подобныхъ правовыхъ формъ,—несомнѣннымъ остается, что рѣшающимъ моментомъ при переходѣ отъ материнскаго права къ моногаміи являются не одни экономическія условія. Уже то обстоятельство, что у дикихъ охотничьихъ племенъ, какъ въ Квинслендѣ существуетъ моногамія, а, съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ коммунистическихъ родовыхъ общинахъ на Балканскомъ полуостровѣ, у многихъ богатыхъ народовъ съ рѣзко выраженнымъ институтомъ частной собственности, существуетъ полигамія, уже это одно обстоятельство доказываетъ, что невозможно принять общую схему матеріалистической философіи о параллелизмѣ формъ собственности и семьи. Если несомнѣнно, что при возникновеніи моногамной семьи экономическія причины оказали свое вліяніе, то все-таки при этомъ играли роль и другіе факторы, и въ настоящее время мы считаемъ бракъ высшей формой соціально-семейной жизни чело-вѣка. А потому не можетъ быть рѣчи о томъ, что по экономическимъ причинамъ бракъ долженъ постепенно принять форму „перемѣннаго брака“. Если соціалистическое государство дѣйствительно несовмѣстимо съ современной формой семьи, то это, во всякомъ случаѣ, доказываетъ, что соціалистическое общество неосуществимо, а не наоборотъ, что разъ бракъ несоотвѣтствуетъ экономическому строю будущаго, то онъ долженъ уступить свое мѣсто другимъ формамъ семьи.

У ЛЕКЦІЯ.

Отношеніе соціализма къ государству, національности и революціи.

„Digitus Dei est hic“!... Волею промысла германское государство, разрѣшивъ національный вопросъ, призвано взяться и за разрѣшеніе соціального вопроса“. Такъ писалъ нѣмецкій соціалистъ Родбертусъ своему другу подъ впечатлѣніемъ событій 18 марта 1871 года, когда во время возстанія коммуны были убиты французскіе генералы Леконтъ и Томá. „Соціальный вопросъ“, пишетъ онъ другой разъ, „будетъ когда-нибудь разрѣшенъ подъ эгидой и по нормѣ лучезарнаго девиза Гогенцолерновъ: *Suum cuique*“. Ужъ этого одного примѣра было бы достаточно, чтобы опровергнуть утвержденіе, будто соціализмъ враждебенъ государству. Существуетъ цѣлый рядъ выдающихся и вліятельныхъ соціалистовъ, которые хотятъ ввести новый соціалистическій строй именно при помощи существующей государственной власти.

Я выше ужъ показалъ вамъ, какъ Родбертусъ, благодаря, главнымъ образомъ, вліянію античной философіи, возлагалъ на государство задачу подготовить конецъ хаосу свободной конкуренціи введеніемъ планомѣрнаго, государственно-соціалистическаго строя хозяйства. „Только могущественное государство, располагающее всѣми военными, церковными и экономическими средствами, а не кучка сумасбродныхъ индивидовъ, подобная республиканской Франціи, можетъ разрѣшить соціальный вопросъ“. По мнѣнію Родбертуса, найти позитивную формулу соціализма, соотвѣтствующую современной ступени развитія, является славной миссіей имперіи Гогенцоллерновъ.

Подобно Родбертусу, и Лассаль хотѣлъ осуществить соціализмъ съ помощью существующаго государства.

Будучи послѣдователемъ гегельянской философіи, Лассаль все историческое развитіе сводилъ къ развитію идей. *Идея государства*, вѣрно понятая, должна вести къ спасенію отъ всѣхъ соціальныхъ золъ. Но идея государства, большей частью, понимается невѣрно, слишкомъ узко. Государственной идеей буржуазіи является то ложное воззрѣніе вождей министерства, согласно которому единственной задачей государства должна быть защита *личной* свободы и собственности индивида. Идея государства будущаго должна себѣ ставить болѣе широкія и болѣе возвышенныя задачи. „Я вмѣстѣ съ вами защищаю противъ этихъ современныхъ варваровъ неугасающій съ незапамятныхъ временъ огонь Весты всякой цивилизаціи, *государство*“, воскликнулъ онъ однажды (подъ варварами онъ подразумѣвалъ берлинскихъ свободомыслящихъ). Государствомъ Лассаль называетъ установленіе, въ которомъ должны найти свое осуществленіе всѣ добродѣтели чело-вѣчества; цѣль государства—привести къ позитивному раскрытію и къ прогрессивному развитію сущности чело-вѣка, иными словами, превратить въ дѣйствительное бытіе назначеніе чело-вѣка, т. е. культуру, къ которой способно чело-вѣчество. Рабочему классу и низшимъ слоямъ населенія вообще, благодаря безпомощному положенію, въ которомъ они находятся въ большинствѣ своемъ, присущъ инстинктъ, заставляющій ихъ возлагать всѣ свои надежды на государство.

Фихте, нарисовавъ въ своемъ „замкнутомъ торговомъ государствѣ“ идеальную картину соціалистическаго общежитія, также возлагаетъ на *государство* задачу преобразовать общество по принципу справедливости.

Совершенно иначе смотрятъ на этотъ вопросъ *Марксъ и Энгельсъ*. По ихъ мнѣнію государство образовалось по *хозяйственнымъ мотивамъ* и оно должно исчезнуть, какъ только произойдетъ экономическій переворотъ.

Согласно этой точкѣ зрѣнія, государство образовалось тогда, когда разрушился родовой строй.

Въ древнемъ родовомъ строѣ господствовалъ аграрный коммунизмъ. *Родъ* владѣлъ обрабатываемымъ пространствомъ земли сообща. Когда распалась коммунистическая родовая община, по-

явилась частная собственность и прекратилась коллективная обработка земли, тогда возникло и *государство*.

Но что привело къ этому перевороту?

Опять-таки экономическія условія.

Осѣдлость въ предѣлахъ рода замѣнилась подвижностью и измѣнчивостью мѣстожительства, подъ вліяніемъ торговли, перемѣны занятій, перехода земельной собственности.

Благодаря раздѣленію труда, образовались группы ремесленниковъ, особыя городскія и сельскія промысловыя группы, появились новые пришлые элементы населенія. Подобное общество могло лишь существовать, или при непрерывной открытой борьбѣ между этими классами, или же при господствѣ третьей силы, которая, съ виду стоя надъ борющимися классами, подавляла бы открытые конфликты и, въ крайнемъ случаѣ, ограничивала бы классовую борьбу предѣлами экономической области.

Родовой строй отжилъ свой вѣкъ; онъ былъ разрушенъ раздѣленіемъ труда, расколовшимъ общество на классы. Его замѣнило *государство*.

Но государство, по Марксу, отнюдь не представляетъ собою силы, навязанной обществу; столь же мало оно является осуществленіемъ въ дѣйствительности нравственной идеи, какъ говоритъ Гегель. Государство это продуктъ общества на высшей ступени его экономического развитія.

Согласно Марксу, государство представляетъ собой доказательство того, что въ обществѣ развились неразрѣшимыя противорѣчія, непримиримыя противоположности, общество само бессильно ихъ уничтожить. Для того же, чтобы противоположные классы съ противорѣчивыми экономическими интересами въ бесплодной борьбѣ не уничтожали другъ друга и общество, понадобилась стоящая, съ виду, надъ обществомъ власть, которая должна смягчать эту борьбу и вводить ее въ предѣлы правопорядка. Эта-то исходящая изъ самаго общества, но становящаяся надъ нимъ и все болѣе ему чуждая власть и есть *государство*.

Въ противоположность къ *родовой организаціи*, государство характеризуется, во-первыхъ, тѣмъ, что оно дѣлитъ всѣхъ подданныхъ своихъ по *территоріи*. Прежніе родовые союзы, об-

разовавшіеся и державшіеся, благодаря кровному родству, стали недостаточными, главнымъ образомъ, потому, что они предполагали пребываніе членовъ на опредѣленномъ мѣстѣ. Территорія осталась, но люди стали подвижны. Поэтому исходнымъ пунктомъ стало раздѣленіе территорій, и гражданамъ предоставили осуществлять свои публичные права и обязанности тамъ, гдѣ они селились, независимо отъ рода или племени.

Второй чертой государства является учрежденіе *публичной власти*, которая не совпадаетъ, ужь непосредственно съ населеніемъ, самостоятельно организующимся въ видѣ вооруженной силы. Эта особая публичная власть нужна потому, что со времени *раздѣленія* общества на классы невозможна стала самодѣятельная вооруженная организація населенія.

Приведемъ здѣсь характерное объясненіе Энгельса:

„Такъ какъ государство образовалось, благодаря необходимости наложить узду на классовыя противорѣчія, и такъ какъ оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, образовалось среди конфликта этихъ классовъ, то обыкновенно *болѣе сильный, экономически господствующій классъ*, благодаря государству, становится и *политически господствующимъ* и, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ новое средство для подавленія угнетенныхъ классовъ. Такъ, на примѣръ, античное государство—это государство рабовладѣльцевъ для подавленія рабовъ; феодальное государство—органъ дворянства для порабощенія крѣпостныхъ и зависимыхъ крестьянъ; такъ, наконецъ, современное государство—органъ капитала для эксплуатаціи наемнаго труда“.

„Современное государство“, говоритъ Энгельсъ, „является, главнымъ образомъ, капиталистической машиной, государствомъ капиталистовъ, это идеальный сборный капиталистъ. Въ виду того, что государство всегда классовое государство, т. е. всегда защищаетъ интересы господствующаго класса, было бы совершенно ошибочно ждать отъ государства соціального переворота. Переворотъ этотъ можетъ быть совершенъ лишь *тѣмъ классомъ*, который въ данный моментъ является угнетеннымъ,—въ наше время *рабочимъ классомъ*“.

Что станетъ съ „государствомъ“ въ соціалистическомъ обществе.
к. диль.

ственномъ строѣ? По *Марксу* и *Энгельсу*, тогда „государства“ вообще не будетъ: такъ какъ единственнымъ основаніемъ существованія „государства“ является охрана классовыхъ интересовъ, то вмѣстѣ съ исчезновеніемъ классовъ станетъ излишнимъ и государство. А социализмъ, вѣдь, устранить всѣ классовыя различія и будетъ представлять собою однородное рабочее товарищество.

Энгельсъ говоритъ: „Мы приближаемся теперь гигантскими шагами къ той ступени развитія производства, на которой существованіе этихъ классовъ не только перестаетъ быть необходимою, но становится положительнымъ препятствіемъ для развитія производства. Классы исчезнутъ такъ же неизбежно, какъ они возникли. Вмѣстѣ съ ними неизбежно падетъ и государство. Общество, которое реорганизуеъ производство на основѣ равныхъ и свободныхъ ассоціацій производителей, отправитъ всю государственную машину въ подобающее ей тогда мѣсто: въ музей древностей, рядомъ съ самопрялкой и бронзовымъ топоромъ“.

Мнѣ всегда казался довольно мелочнымъ словопреніемъ споръ, будетъ ли будущая организація называться „государствомъ“ или нѣтъ: вполне ясно, что и ожидаемому социалистами будущему общественному строю нужна будетъ публично организованная власть. Будутъ ли называть эту организацію „государствомъ“ или какимъ-либо другимъ именемъ,—это лишь споръ о словахъ.

Въ той же степени, какъ въ вопросѣ объ отношеніи къ государству, *идеологическій* и *материалистическій* социализмъ отличаются другъ отъ друга и въ своемъ отношеніи къ *національному* принципу.

Послушаемъ, въ какихъ теплыхъ выраженіяхъ выдвигаетъ значеніе національнаго момента *Лассаль*. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ Берлинѣ на торжествѣ въ память *Фихте*, онъ сказалъ: „*Нѣмецкій* народъ не имѣетъ нѣмецкой территоріи! Подобно душѣ, отдѣленной отъ тѣла, блуждаетъ этотъ народъ, нѣмецкій народъ, состоя изъ одной лишь *духовной* сущности и тоскуя по внѣшней реальности, этотъ постулатъ будущаго! Этому *метафизическому* народу, *нѣмецкому* народу, благодаря всему его развитію и въ полномъ согласіи съ его внутренней и внѣшней исторіей, выпала высшая метафизическая задача, высшая всемірно-

историческая честь изъ чисто *духовнаго* понятія народа создать себѣ *національную* почву, *территорію*, изъ мышленія произвести себѣ бытіе. Метафизическому народу—метафизическая задача! Это такой же актъ, какъ актъ сотворенія міра Богомъ!“ И онъ заключилъ свою рѣчь словами: „Въ тотъ день, когда всѣ колокола будутъ возвѣщать о воплощеніи этого духа, о днѣ рожденія *нѣмецкаго государства*, въ этотъ самый день мы будемъ праздновать истинный праздникъ Фихте, обрученіе его духа съ внѣшней дѣйствительностью!“

Если *Карль Марксъ* и *Энгельсъ*, въ противоположность этой *національной* точкѣ зрѣнія, постоянно подчеркиваютъ *интернаціональный* характеръ современнаго рабочаго движенія, то прежде всего нужно установить, какой смыслъ они придавали слову „интернаціональный“.

Оно не употреблялось ими въ смыслѣ *космополитическаго идеализма*, проглядывающаго, на примѣръ, въ словахъ, сказанныхъ *Шиллеромъ* въ 1789 г. своему другу Кернеру: „Писать для одной только націи—жалкій, мелкій идеаль; для философскаго духа такое ограниченіе невыносимо; отечественные интересы важны лишь для незрѣлыхъ народовъ, для юности міра“. Марксъ отнюдь не думалъ, что пролетаріатъ въ борьбѣ за свое освобожденіе долженъ имѣть *общіе интернаціональные идеалы*. Интернаціонализмъ Маркса не имѣетъ ничего общаго, ни съ интернаціональнымъ братствомъ народовъ, ни съ космополитическими мечтаніями, знакомыми вамъ по буржуазнымъ союзамъ мира и свободы, ни съ воодушевлявшими нашихъ классиковъ идеалами о всемірномъ счастьѣ человѣчества.

Если рабочему движенію приписывается интернаціональный характеръ, то это находится, опять таки, въ связи съ материалистическимъ пониманіемъ исторіи. Разъ производство, обмѣнъ и потребленіе благъ становятся все болѣе и болѣе интернаціонально однообразными, то и *классовая борьба*, являющаяся лишь слѣдствіемъ этого развитія, естественнымъ образомъ должна въ той же мѣрѣ становиться интернаціонально *однородной*.

Еще въ „Коммунистическомъ манифестѣ“ (1848) Марксъ даетъ картину того, какъ мѣсто прежнихъ, мѣстныхъ, національныхъ

производство и рынковъ заступаетъ въ новое время интернаціональное производство и міровой рынокъ. Благодаря эксплуатаціи мірового рынка, буржуазія сдѣлала производство и потребление всѣхъ странъ космополитическими. Къ великому сожалѣнію реакціонеровъ, она лишила промышленность національной почвы. Съ незапамятныхъ временъ существующія національныя отрасли промышленности разрушались и съ каждымъ днемъ разрушаются. Прежнему мѣстному и національному характеру промышленности и торговли соотвѣтствовала разрозненная, мѣстная борьба рабочихъ съ работодателями; современное же промышленное развитіе лишило борьбу національнаго характера.

Такъ какъ, по словамъ Маркса, національная обособленность и противорѣчія между народами все болѣе исчезаютъ, по мѣрѣ развитія буржуазіи, по мѣрѣ расширенія мірового рынка и увеличенія успѣховъ крупной промышленности, то Марксъ приходитъ къ заключенію: „Рабочіе не имѣютъ отечества“.

Итакъ, подчеркиваніе *интернаціональнаго* момента вполне соотвѣтствуетъ *причинному* методу изслѣдованія, котораго Марксъ придерживается постоянно. Одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Пролетарскія движенія являются, по Марксу, лишь слѣдствіемъ развитія крупной промышленности. Такъ какъ тенденція къ развитію крупнаго производства проявляется во всѣхъ культурныхъ странахъ, то, соотвѣтственно этому, въ результатѣ такого развитія должно происходить одинаковое развитіе социалистическихъ партій. Въ то время, какъ идеологическій социалистъ, основывающій свои требованія на извѣстныхъ *идеалахъ*, можетъ допустить, что рабочее движеніе въ разныхъ странахъ можетъ быть совершенно различно, смотря по особенностямъ характера отдѣльныхъ народовъ,—послѣдователь матеріалистическаго объясненія исторіи можетъ предсказывать лишь однородное и одинаковое развитіе этого движенія.

Такое же значеніе имѣла и основанная Марксомъ „Интернаціональная ассоціація рабочихъ“. Этимъ учрежденіемъ Марксъ не думалъ создать для разныхъ рабочихъ движеній отдѣльныхъ странъ только центральный пунктъ, гдѣ можно было бы получить свѣдѣнія объ опытахъ и успѣхахъ отдѣльныхъ партій, гдѣ бы

происходилъ обмѣнъ мыслей о цѣлесообразныхъ приѣмахъ агитаціи. Интернаціональ долженъ былъ создать гораздо болѣе тѣсную связь между пролетарскими стремленіями различныхъ культурныхъ народовъ—для интернаціональной солидарности рабочихъ должно было создать соотвѣтственный органъ. Эта великая работа была предпринята для того, чтобы ускорить неминуемый, по Марксу, процессъ постепеннаго сліянія различныхъ національных партій въ одну великую интернаціональную партію, чтобы усилить классовую борьбу интернаціональной пропагандой марксистскихъ идей. Эта цѣль была въ ясныхъ выраженіяхъ провозглашена генеральнымъ совѣтомъ Интернаціонала въ изданномъ имъ циркулярѣ, гласившемъ: „Въ противоположность фантастическимъ сектанскимъ организаціямъ, Интернаціональ есть истинная и боевая организація класса пролетаріевъ всѣхъ странъ, связаннаго борьбой противъ капиталистовъ, землевладѣльцевъ и организованной ими, въ формѣ государства, классовой власти“. Какъ сказалъ однажды Энгельсъ, давно лелѣемымъ желаніемъ Маркса было „основать охватывающую всѣ культурныя страны Европы и Америки рабочую ассоціацію, которая, такъ сказать, наглядно показала бы интернаціональный характеръ социалистическаго движенія какъ самимъ рабочимъ, такъ и буржуазіи и правительствамъ—пролетаріату на ободреніе и укрѣпленіе, врагамъ его на страхъ“.

Я вамъ ниже укажу, осуществились ли возлагавшіяся на Интернаціональ надежды. Теперь же я хочу выяснить отношеніе социализма къ *революціи*. На этомъ пунктѣ я останавливаюсь подробнѣе, такъ какъ относительно него существуетъ масса недоразумѣній.

Объ отношеніи *идеологическаго* социализма къ революціи мнѣ достаточно сказать лишь нѣсколько словъ. Уже изъ самой сущности идеологическаго, или утопическаго социализма, апеллирующаго къ „идеѣ“ справедливости или гуманности, желающаго воодушевить челоуѣчество къ „улучшенію“ социальнаго строя, вытекаетъ то, что онъ стремится къ мирной реформѣ. И таковъ, дѣйствительно, взглядъ *большинства* идеологическихъ социалистовъ, стсятъ ли они, подобно Прудону, за добровольное объединеніе

въ товарищества, желаютъ ли они, подобно *Лассалю* и *Луи Блану*, достигнуть этой цѣли съ помощью государства.

Свой антиреволюціонный образъ мыслей *Лассаль* выразилъ однажды въ своей рѣчи на судѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какъ? Человѣкъ съ рвеніемъ Фауста, начавъ съ греческой философіи и римскаго права, черезъ различныя отрасли исторической науки упорнѣйшимъ, серьезнѣйшимъ трудомъ дошелъ до современной политической экономіи и статистики,—и про него вы можете серьезно повѣрить, что это свое долгое образованіе онъ хочетъ завершить—врученіемъ пролетарію факела для поджога? Что намъ, наконецъ, отъ науки, если она съ необходимостью не создаетъ этического направленія духа? Что отъ нравственности, если она съ необходимостью не вытекаетъ изъ истинной науки? Вся культура была бы ничѣмъ инымъ, какъ одной великой ложью, и всякія узы, служащія внутренней связью всего цивилизованнаго міра, пали бы, если бы предположеніе, которое вамъ совѣтуютъ принять, было бы только *мыслимо!*“.

Но васъ, конечно, больше интересуесть вопросъ, какъ новѣйшая, стоящая на марксистской точкѣ зрѣнія социаль-демократія относится къ вопросу о революціи.

Что германская социаль-демократія—революціонная партія, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: это съ ясностью вытекаетъ уже изъ официальныхъ заявленій, при всякомъ удобномъ случаѣ неоднократно повторяемыхъ вожаками партіи. Сомнѣваться можно только въ томъ, революціонна ли партія въ томъ смыслѣ, что она желаетъ совершить *насильственный* переворотъ существующаго общественнаго строя. Но если вспомнить, что какъ разъ въ Германіи, гдѣ социаль демократія достигла такой силы, какъ ни въ какой другой странѣ, никогда еще не произошло никакого социально-революціоннаго возстанія, между тѣмъ какъ Франція и Англія неоднократно переживали подобныя революціи, то возникаетъ вопросъ, не является ли социаль-демократія революціонной въ какомъ либо иномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ насильственнаго образа дѣйствія противъ господствующей власти. Или, можетъ быть, въ партіи существуютъ два теченія, изъ которыхъ одно революціонное, а другое—реформаторское? Или, можетъ быть, раньше

партія была революціонною, а теперь она *перемѣнила свою тактику*? Или, можетъ быть, революціонный духъ возможно больше замаскированъ снаружи, но зато тѣмъ сильнѣе поддерживается втайнѣ внутри партіи?

На всѣ эти вопросы историческое развитіе социаль-демократіи даетъ самый точный и ясный отвѣтъ. Всѣ кажущіяся противорѣчія легко разрѣшаются, если просмотрѣть оффиціальныя документы партіи, протоколы партейтаговъ и наиболѣе важныя агитаціонныя брошюры главныхъ вождей, вплоть до новѣйшей брошюры „Соціальная революція“ *Каутскаго* (1902 г.).

Я уже нѣсколько разъ указывалъ вамъ, что основная мысль „Коммунистическаго Манифеста“, остающагося до сихъ поръ наиболѣе важной програмной брошюрой социаль-демократіи, состоитъ въ томъ, что новый общественный строй будетъ созданъ не благодаря идеальнымъ стремленіямъ, исходящимъ изъ какой-нибудь идеи справедливости или равенства,—онъ придетъ *самъ собою*, какъ только старый общественный строй переживетъ себя, или, когда измѣнившаяся экономическая техника съ необходимостью потребуетъ измѣненія правового строя.

Подобный переворотъ въ экономическихъ условіяхъ марксисты называютъ „*революціей*“, и Марксъ въ предисловіи къ своему сочиненію „Критика политической экомоміи“ (1859) говоритъ объ этомъ такъ: „На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производительными отношеніями или, какъ юристы говорятъ, съ отношеніями собственности, среди которыхъ онѣ до сихъ поръ развивались. Изъ формъ, способствовавшихъ развитію производительныхъ силъ, эти отношенія становятся препятствіемъ для него. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи: съ измѣненіемъ экономического фундамента болѣе или менѣе быстро измѣняется и вся громадная надстройка“.

Внутри общественнаго строя, однако, развивается и тотъ классъ, который является носителемъ этого развитія и который потомъ, въ новомъ общественномъ строѣ, играетъ руководящую роль. Какъ классъ буржуазіи смѣнилъ феодальное государство, такъ и рабочій классъ станетъ господствующимъ, когда пройдетъ эра

капиталистическаго способа производства. Отсюда для насъ вытекаетъ слѣдующее:

1. Соціалъ-демократія *революціонна* въ противоположность всѣмъ тѣмъ соціалистическимъ направлєніямъ, которыя желаютъ вести новый строй путемъ *соціальной реформы* или съ помощью господствующей государственной власти. Будучи, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, лишь представительствомъ Господствующихъ классовъ, государства никогда не могутъ подать руки помощи для подобныхъ измѣненій. Этотъ переворотъ можетъ быть дѣломъ лишь рабочаго класса, который самъ, безъ помощи другихъ классовъ, въ борьбѣ долженъ добиться своего освобожденія.

2. Соціалъ-демократія революціонна, однако, не въ томъ смыслѣ, что борьба, которую ей приходится вести для достиженія своихъ цѣлей, должна быть *непремѣнно* противозаконна или насильственна. Ибо, разъ, по вышеизложенному объясненію, экономическое развитіе *съ необходимостью* приводитъ къ коллективистическому способу производства, то послѣдній наступитъ независимо не только отъ какихъ-нибудь плановъ соціальной реформы, но и независимо даже отъ удачи и неудачи революціи. Поэтому, въ противоположность революціонной тактикѣ анархистовъ и многихъ тайныхъ соціалистическихъ союзовъ, существовавшихъ въ началѣ и въ серединѣ XIX вѣка, германскую соціалъ-демократію можно назвать *эволюціонной*. Слово „революціонный“ часто употребляется у марксистовъ въ переносномъ смыслѣ. Марксисты хотятъ революціонизировать головы, т. е. распространить свои идеи среди возможно большаго числа людей, чтобы этимъ путемъ сдѣлать возможной объединенную классовую борьбу пролетаріата, которая, однако, не должна быть непремѣнно связана съ кровопролитіями. Исходя изъ этой точки зрѣнія, марксистовъ слѣдуетъ противопоставить такъ называемымъ *бланкистамъ*, т. е. тѣмъ соціалъ-демократамъ, у которыхъ революціонная тактика является самымъ важнымъ, собственно, единственнымъ принципомъ. Типичнымъ представителемъ этого революціоннаго соціализма является *Августъ Бланки*. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ возрожденіемъ старой революціонной идеи, защищавшейся еще Бабефомъ во время Великой Фран-

цузской Революціи. У бланкистовъ нѣтъ социальна-экономической теоріи, согласно которой они хотѣли бы, по достиженіи власти, организовать экономически-правовой строй. Лишь послѣ низверженія имущихъ классовъ и распредѣленія благъ между согражданами можно было бы узнать, какая собственно общественная организанія рисовалась этимъ революціонерамъ. Все это социалистическое теченіе было, въ главныхъ своихъ чертахъ, отрицательное: „Онъ всегда, собственно говоря, былъ больше карбонарій и якобинецъ, чѣмъ социалистъ“, справедливо говоритъ про *Бланки Мерингъ*. Вся дѣятельность Бланки и его товарищей состояла въ томъ, чтобъ возбуждать страсти у массъ, возстановлять неимущихъ противъ имущихъ. При полномъ отсутствіи какой либо идеи, за которую они боролись бы, все зависитъ отъ успѣха или неуспѣха возбуждаемой ими революціи. Въ официальномъ органѣ этихъ тайныхъ сообществъ, въ „*Moniteur républicain*“, за май 1838 г., сказано однажды: „Прекрасно, конечно, быть атеистомъ, но этого еще недостаточно; тотъ не человекъ крови, кто бережно проливаетъ кровь виновныхъ; есть только одно средство къ которому можно прибѣгать — царубійство, убійство тирановъ, убійство вообще, или какъ бы тамъ ни назвать этотъ героическій актъ“.

3. Совершится ли переходъ къ новому общественному строю легальнымъ или нелегальнымъ, т. е. мирнымъ или насильственнымъ путемъ,—это для Маркса и марксистовъ вопросъ не принципа, а *цѣлесообразности*, на который приходится давать различные отвѣты, смотря по времени, мѣсту и обстоятельствамъ. Рѣшеніе этого вопроса будетъ различно, въ зависимости отъ того, введено ли въ данной странѣ всеобщее избирательное право, дающее рабочимъ возможность законнымъ путемъ развивать политическую мощь своего класса, или же этого политическаго права у нихъ еще нѣтъ, и имъ приходится еще завоевывать его. Тамъ, гдѣ благодаря глубокому экономическому кризису, сопровождаемому большой безработицей, или благодаря военнымъ осложненіямъ, шансы на насильственный переворотъ поднимаются, тамъ развитіе пойдетъ насильственнымъ путемъ скорѣе, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ этихъ условій нѣтъ. Въ то время, какъ для бланкизма, стремящагося прежде всего лишь къ насильственному за-

хвату имущества и къ перераспределенію уже имѣющагося запаса благъ, жизненнымъ элементомъ является революціонный духъ, Марксъ относится ко всякому революціонному движенію критически и скептически и спрашиваетъ каждый разъ, ускорить ли оно естественный путь къ коллективизму или нѣтъ.

Если практическая позиція социаль-демократіи по отношенію къ революціонной тактикѣ была такъ различна въ теченіе XIX столѣтія, то это не противорѣчитъ ея основнымъ теоретическимъ взглядамъ, а является лишь необходимымъ слѣдствіемъ изложенныхъ въ этихъ трехъ пунктахъ ея идей о значеніи социальной революціи. Въ вышеназванномъ „Манифестѣ“ 1848 года Марксъ выражался очень революціонно. Тамъ сказано: „Съ необходимостью объединяясь въ своей борьбѣ противъ буржуазіи въ классъ, становясь, благодаря революціи, классомъ господствующимъ и, въ качествѣ такового, насильственно разрушая старыя производственныя отношенія, пролетаріатъ вмѣстѣ съ послѣдними уничтожаетъ и условія существованія классовыхъ противорѣчій, классовъ вообще и силой устанавливаетъ господство своего класса“. Въ концѣ же „Манифеста“ говорится: „Коммунисты считаютъ позорнымъ скрывать свои взгляды и намѣренія, они объявляютъ открыто, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь насильственнымъ переворотомъ всего существующаго общественнаго строя. Пусть господствующіе классы дрожатъ передъ коммунистической революціей. Пролетаріямъ нечего терять въ ней, кромѣ своихъ цѣпей. Пріобрѣсти же они могутъ цѣлый міръ!“.

Но каковы же были тогдашнія обстоятельства! Это было въ началѣ 1848 г., когда съ полной увѣренностью можно было предсказать взрывъ революціи: „На Германію коммунисты обращаютъ свое главное вниманіе, потому что она находится наканунѣ буржуазной революціи“, читаемъ мы за нѣсколько строкъ до цитированнаго мѣста, а затѣмъ сказано далѣе: „Однимъ словомъ, коммунисты повсюду *поддерживаютъ* всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго общественнаго или политическаго строя“. Тогда, слѣдовательно, Марксъ усматривалъ благоприятные виды на революцію, онъ вѣрилъ въ скорое наступленіе буржуазной революціи и думалъ, что она мо-

жетъ превратиться въ пролетарскую революцію. Такъ какъ революціонный взрывъ долженъ произойти непременно, то рабочіе должны стараться использовать движеніе въ свою пользу: это должно поднять сознаніе силы у рабочаго класса и, съ другой стороны, навести великій страхъ на буржуазію.

Если Марксъ въ своемъ „Манифестѣ“ выступилъ за *революціонную* тактику, то нужно замѣтить, что тогда нигдѣ еще не было завоевано всеобщее избирательное право. Пока рабочіе были лишены возможности предъявлять свои требованія законнымъ путемъ, приходилось, по мнѣнію Маркса, рекомендовать путь насилія. Но Марксъ всегда относился отрицательно къ социальнымъ революціямъ, не носившимъ характера *чистой классовой борьбы*. На этомъ основаніи онъ не могъ одобрить и февральской революціи во Франціи. Въ появившихся въ 1850 г. въ „Новой Рейнской Газетѣ“ очеркахъ о „Классовой борьбѣ во Франціи за 1848—1850 гг.“, онъ отзывается неодобрительно о тактикѣ французскихъ революціонеровъ потому, что это движеніе не имѣло характера классовой борьбы.

По Марксу только одна форма революціи можетъ привести къ цѣли: возстаніе всего рабочаго класса противъ всѣхъ другихъ классовъ общества. Но такъ какъ февральская революція этого чисто пролетарскаго характера не носила, такъ какъ рядомъ съ рабочими боролись представители мелкой и средней буржуазіи, особенно вначалѣ, такъ какъ, наконецъ, вліятельные вожаки путемъ революціи стремились къ примиренію мелкобуржуазныхъ и пролетарскихъ интересовъ, то эта революція, въ глазахъ Маркса, заслуживала рѣшительнаго осужденія.

Въ томъ же духѣ высказался Марксъ въ 1847 г. въ произнесенной имъ въ „Демократическомъ обществѣ“ въ Брюсселѣ „Рѣчи о свободѣ торговли“. По его мнѣнію, свобода торговли лучше всего способствуетъ свободному развитію капитализма, такъ какъ, благодаря ей, *классовое противорѣчіе* между капиталистами и неимущими проявляется въ самой чистой формѣ, что, въ свою очередь, ускоряетъ наступленіе социальной революціи: „Система свободной торговли разлагаетъ старыя національности и обостряетъ противорѣчіе между пролетаріатомъ и буржуазіей.

Однимъ словомъ: система фритредерства ускоряетъ наступленіе соціальной революціи, и только въ этомъ революціонномъ смыслѣ я, милостивые государи, стою за свободу торговли“.

И неудачу нѣмецкихъ революцій 1848 и 1849 г.г. Марксъ отчасти объясняетъ тѣмъ, что тогда еще не было условій, необходимыхъ для наступленія соціальной революціи. Въ статьяхъ, опубликованныхъ имъ въ „Новой Рейнской Газетѣ“ и въ американской газетѣ „Daily Tribune“ онъ высказываетъ то мнѣніе, что виды на соціальную революцію пока на время исчезли, и что революцію можно ожидать только съ наступленіемъ новаго экономического кризиса. Тогда, т. е. въ началѣ 50-хъ годовъ, онъ думалъ, что этотъ кризисъ и новая революція наступятъ черезъ нѣсколько лѣтъ.

Но, мало-по-малу, Марксъ отказывался отъ мысли о близости соціальной революціи. Къ возстанію Французской Коммуны Марксъ также относился отрицательно, и только, когда движенія нельзя было ужъ остановить, когда оно ужъ приняло значительные размѣры, Интернаціональ, подъ руководствомъ Маркса, принялъ въ немъ оффиціальное участіе. Вначалѣ Интернаціональ даже предостерегалъ отъ революціоннаго возстанія. Во второмъ адресѣ генеральнаго Совѣта, отъ 9 сентября, по поводу франко прусской войны 1870-71 гг. Марксъ говоритъ: „Всякая попытка свергнуть новое правительство, когда врагъ стоитъ ужъ почти у воротъ Парижа, была бы отчаянной глупостью. Французскіе рабочіе должны исполнять свои обязанности въ качествѣ гражданъ, но они не должны дать власти надъ собой національнымъ воспоминаніямъ о 1792 г., какъ французскіе крестьяне дали обмануть себя національными воспоминаніями о Первой Французской Имперіи. Имъ нечего повторять прошлаго, имъ нужно строить будущее. Пусть они рѣшительно и спокойно используютъ средства, предоставляемыя имъ при республиканской свободѣ, чтобы создать солидную *организацию своего собственнаго класса*“.

На основаніи, съ одной стороны, всѣхъ опытовъ, почерпнутыхъ изъ революціонныхъ пролетарскихъ движеній, изъ окончательнаго усмиренія чартистскаго движенія въ Англіи, изъ фіаско Февральской революціи, іюньскаго возстанія и Коммуны во Франціи; на

основаніи, съ другой стороны, достигнутой во всѣхъ культурныхъ странахъ политической силы пролетаріата, это измѣненіе во взглядахъ признано оффиціально, и *революціонная тактика была неоднократно объявлена оффиціально—пережиткомъ прошлаго.*

Въ подписанномъ Марксомъ и Энгельсомъ предисловіи къ новому изданію „Коммунистическаго Манифеста“ въ 1872 г. революціонная тактика ясно опредѣляется, какъ *устарѣлая*: „Какъ ни измѣнились обстоятельства за послѣднее 25-лѣтіе, развитыя въ этомъ „Манифестѣ“ общія положенія остаются вѣрными и по сію пору. Кое-какія частности нужно было бы исправить. Практическое примѣненіе этихъ положеній, какъ гласитъ самъ „Манифестъ“, всегда и вездѣ должно находиться въ зависимости отъ исторически сложившихся обстоятельствъ, и потому предлагаемымъ въ концѣ II главы *революціоннымъ* мѣрамъ не придается особеннаго значенія. Это мѣсто должно было бы теперь во многихъ отношеніяхъ гласить иначе. Въ виду сильнаго развитія крупной промышленности за послѣдніе 25 лѣтъ и связанныхъ съ нимъ успѣховъ партійной организаціи рабочаго класса, въ виду практическихъ опытовъ, доставленныхъ прежде всего Французской Революціей и еще больше Парижской Коммуной, когда пролетаріатъ въ первый разъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, держалъ въ своихъ рукахъ политическую власть,—эта программа въ настоящее время мѣстами устарѣла“.

И новѣйшая марксистская литература постоянно предостерегаетъ отъ возстаній и заговоровъ, такъ какъ неизбежная послѣ этого репрессія принесла бы большой вредъ; гораздо большаго можно добиться съ помощью постепеннаго завоеванія политической власти. Въ появившемся въ 1890 г. предисловіи къ новому изданію произведенія Маркса: „Классовая борьба во Франціи“ Энгельсъ самымъ настойчивымъ образомъ отвергаетъ революціонную тактику:

„Прошло время внезапныхъ возстаній, революцій, совершаемыхъ ничтожнымъ меньшинствомъ, ведущимъ за собою безсознательныя массы... Даже въ романскихъ странахъ все больше убѣждаются въ томъ, что прежняя тактика должна быть пересмотрѣна... И здѣсь ближайшей задачей партіи признана медленная работа пропа-

ганды и парламентская дѣятельность... Наша главная задача— постоянно заботиться объ этомъ непрерывномъ ростѣ (т. е. парти), пока она не перерастетъ господствующей правительственной системы. И тогда останется лишь одно средство, съ помощью котораго можно было бы мгновенно задержать непрерывный ростъ социальнихъ боевыхъ силъ въ Германіи и даже на нѣкоторое время уменьшить ихъ: средство это— крупное столкновение съ войсками, кровопусканіе въ родѣ парижакаго въ 1871 г. Нормальное развитіе остановилось бы, исходъ затянулся бы, запоздалъ и сопровождался бы тяжелыми жертвами... Мы „революціонеры“, „Umstürzler“, „ниспровергатели“— успѣваемъ гораздо больше законными средствами, чѣмъ незаконными и революціей...“

Программы социаль-демократическихъ партій поэтому также воздерживаются отъ всякаго поощренія революціонныхъ актовъ въ духѣ бланкизма. Въ готской объединительной программѣ (1875) было ясно сказано: „Социалистическая рабочая партія Германіи всѣми законными средствами стремится къ введенію свободнаго государства и социалистическаго общества! Лишь вслѣдствіе введенія закона о социалистахъ, подвергшаго социаль-демократію исключительнымъ законамъ, партійный конгрессъ въ Виденѣ (1880) рѣшилъ измѣнить Готскую программу въ томъ смыслѣ, что партія будетъ стремиться къ достиженію своихъ цѣлей *всѣми*, а не только всѣми законными средствами. Но какъ только этотъ исключительный законъ былъ отмѣненъ, партія опять стала на законную почву: въ новой Эрфуртской программѣ (1891), и теперь сохраняющей силу для социаль-демократіи, мы ужъ не находимъ словъ: „всѣми средствами“.

Самый послѣдній трудъ по вопросу о социальной революціи, какъ я ужъ вамъ сказалъ, принадлежитъ Каутскому: прочитанные имъ два доклада: 1. „Социальная реформа и социальная революція“, 2. „На другой день послѣ социальной революціи“ онъ три года тому назадъ напечаталъ подъ однимъ названіемъ: „Социальная революція“. Въ этой книгѣ Каутскій въ существенныхъ чертахъ твердо держится основныхъ взглядовъ Маркса. Въ противоположность бланкистамъ, думающимъ, что пролетаріатъ однимъ

мановеніємъ руки можетъ захватить въ свои руки соціальную диктатуру, Каутскій заявляетъ, что соціальная революція болѣе или менѣе длительный историческій процессъ, который въ видѣ тяжелой борьбы можетъ тянуться цѣлыя десятилѣтія. Онъ согласенъ съ Марксомъ, что соціальная революція происходитъ лишь тамъ, „гдѣ, благодаря завоеванію политической власти угнетеннымъ до тѣхъ поръ классомъ, происходитъ переворотъ во всей соціально-политической надстройкѣ общества, а именно въ отношеніяхъ собственности“. Онъ также оставляетъ открытымъ вопросъ, происходитъ ли этотъ переворотъ мирнымъ или насильственнымъ путемъ. „Поживемъ—увидимъ!“ Можно до извѣстной степени предвидѣть заранѣе направленіе этого развитія, но не формы и темпъ его. Какъ на возможные средства, съ помощью которыхъ, партія, быть можетъ, въ будущей революціи, въ противоположность прежнимъ революціямъ, могла бы добиться своихъ цѣлей, онъ указываетъ на политическую забастовку и войну.

Въ первомъ случаѣ, господствующіе классы, благодаря широкому прекращенію работъ, были бы поставлены въ крайнее затрудненіе; въ этомъ смыслѣ стачка является, можетъ быть, самымъ революціоннымъ оружіемъ пролетаріата. Во второмъ случаѣ, военныя осложненія, въ которыя попадаетъ страна, могутъ открыть пролетаріату возможность возстанія. Но все это только гадательно,—что-нибудь положительное о подобныхъ вопросахъ будущаго сказать невозможно.

Каутскій — главный представитель такъ называемаго ортодоксальнаго марксизма; но, какъ извѣстно, вокругъ *Бернштейна* и его товарищей внутри соціально-демократической партіи въ последнее время образовалась новая группа, которая критикуетъ существенные пункты старой партійной догмы. Первыхъ называютъ также *революціонными* соціально-демократами, вторыхъ—*ревизионистами*. Было бы, однако, большою ошибкой предполагать, будто разница между ними состоитъ въ томъ, что первая, болѣе многочисленная группа имѣетъ въ виду насильственный переворотъ, а вторая—законныя дѣйствія. Я уже указалъ, что и первая группа не безусловно стоитъ за революцію въ смыслѣ насильственнаго переворота. Различіе состоитъ скорѣе въ томъ, что

Бернштейнъ и его приверженцы сильнѣе подчеркиваютъ социальнореформаторскую дѣятельность внутри существующаго общества, въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, можно больше способствовать возвышенію рабочаго класса кооперативной, профессиональной, коммунально-политической дѣятельностью, чѣмъ придерживаясь политико-классовой борьбы официальной социаль-демократіи.

Смыслъ, придаваемыйъ социаль-демократіей выраженію „социальная революція“, долженъ быть теперь ясенъ для васъ. Обыкновенно выраженіе это употребляется въ переносномъ смыслѣ. Тогда революція означаетъ „переходъ“ къ совершенно новому общественному строю. Только между прочимъ оно означаетъ тактику насильственныхъ дѣйствій противъ господствующихъ классовъ. Но эта тактика въ новѣйшее время все болѣе и болѣе отвергается, и больше вниманія обращается на усиленіе *политической власти* пролетаріата законными средствами.

Если же постоянно повторяются попытки доказать, что социаль-демократія стремится къ насильственному перевороту, то этимъ значеніе партіи ошибочно умаляется: мнѣ нечего вамъ долго доказывать, что партія, которая старается выяснитъ все болѣе широкимъ кругамъ народа свои экономическіе принципы и стремится къ завоеванію политической власти, съ цѣлью легальнымъ путемъ способствовать дальнѣйшему развитію общества въ желаемомъ ею духѣ, что такая партія является факторомъ политической жизни болѣе вліятельнымъ и могущественнымъ, чѣмъ банда фанатиковъ-заговорщиковъ à la Бланки, которая при первой же попыткѣ выступитъ всегда подавлялась и всегда будетъ подавляться, пока не будетъ представлять собой рѣшающей политической силы.

Въ то время, какъ Англія и Франція въ теченіе XIX столѣтія пережили много социальнореволюціонныхъ движеній, начиная съ движенія чартистовъ и кончая возстаніемъ Коммуны, Германію подобныя революціи пощадили, но зато въ ней существуетъ сильная социаль-демократическая партія. Оказалось, что избирательный бюлетень даетъ пролетарію болѣе дѣйствительную силу, чѣмъ та, которую могли бы ему доставитъ высочайшія баррикады. Какъ французскій социалистъ *Жоресъ* однажды писалъ:

„Le suffrage universel joue, dans la société capitaliste, un rôle révolutionnaire, il est, si je peux dire, une égalité révolutionnaire“. Вполнѣ ясно, что ничто такъ не могло бы ослабить партію, какъ подавленіе революціоннаго возстанія, и не требуется доказательствъ, что своими военными и политическими средствами мы бы легко могли подавить всякую пролетарскую революцію. Это прекрасно знаетъ и сама социаль-демократія, и Бебель на Эрфуртскомъ партейтагѣ сказалъ: „Что произошло бы въ вѣкъ скорострѣльнаго ружья и пушекъ Максима во время революціи, совершаемой, въ лучшемъ случаѣ, нѣсколькими сотнями тысячъ человѣкъ, я сказалъ недавно въ Дрезденѣ: насъ всѣхъ перестрѣляли бы, какъ воробьевъ. Тотъ, кто при колоссальномъ прогрессѣ не только въ военной, но и въ политической и особенно экономической области думаетъ, что мы, социаль-демократы, можемъ достигнуть цѣли съ помощью средствъ, которыми въ свое время пользовалась буржуазія, на примѣръ, постройкой баррикадъ, тотъ сильно ошибается, тотъ совершенно не понимаетъ природы тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ мы теперь живемъ“.

Кто хочетъ побороть социаль-демократію, тотъ долженъ поэтому вести борьбу противъ наиболѣе сильной позиціи противника. Не важно отыскивать у Маркса и Энгельса все новыя выраженія, которыя указывали-бы на насильственный переворотъ; пора, наконецъ, обратить вниманіе на то, что наибольшаго своего успѣха партія достигла въ революціонизированіи умовъ.

Нужно поэтому способствовать побѣдѣ идеалистическаго міровоззрѣнія надъ матеріалистическимъ, которое партія все болѣе распространяетъ среди массъ.

VI ЛЕКЦІЯ.

Соціалізмъ въ Англіи. I.

Чтобы охарактеризовать вамъ англійскій соціалізмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основное различіе между англійскимъ рабочимъ движеніемъ и германскимъ, я хочу вамъ прежде всего указать на слѣдующій фактъ: въ англійскомъ парламентѣ засѣдаетъ только одинъ соціалистъ, и число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ при послѣднихъ выборахъ въ парламентѣ, едва достигло 40—50.000; въ германскомъ же рейхстагѣ имѣется больше 80 соціалистическихъ депутатовъ, и соціалъ-демократическая партія получила больше 3 милліоновъ голосовъ, т. е. больше, чѣмъ какая либо другая партія въ Германіи. Но и единственный соціалистъ въ англійскомъ парламентѣ—Кейръ-Гарди отнюдь не является соціалъ-демократомъ въ континентальномъ значеніи этого слова, а принадлежитъ къ умѣренному направленію, сочувственно относящемуся къ профессиональному и кооперативному движенію. Этого одного достаточно, чтобы показать, какъ велико различіе между англійскимъ и германскимъ рабочимъ движеніемъ. Въ противоположность часто повторяемому марксистами утверженію, что рабочему движенію присуща тенденція принимать все болѣе интернаціонально однородныя формы, необходимо прежде всего указать на этотъ фактъ.

Каждая нація имѣетъ своеобразное рабочее движеніе. Вопреки утверженію *Маркса*, объ однородной формѣ движенія не можетъ быть и рѣчи. Марксъ, правда, не думалъ утверждать, что интернаціональнаго классоваго движенія пролетаріата нужно ожидать сейчасъ же, онъ, наоборотъ, часто утверждалъ, что классовая борьба по формѣ своей прежде всего должна быть *національной*, и что соціалъ-демократическое движеніе должно прежде всего

развиться въ національныхъ рамкахъ; но эти отдѣльныя стремленія имѣютъ, по его мнѣнію, *тенденцію* мало-по-малу принимать все болѣе *интернаціонально-однородную* форму и такимъ образомъ сами должны вести къ возрастающей интернаціональной солидарности.

Было бы, конечно, очень странно, если бы въ такомъ связанномъ съ тысячами случайностей дѣлѣ, какъ большая организація для защиты какихъ-нибудь интересовъ, все до мельчайшихъ даже подробностей происходило по одному и тому же шаблону. Но для того, чтобы марксистское предсказаніе не было дискредитировано совершенно, пролетарское движеніе не должно было бы принимать направленіе, рѣзко противорѣчащее марксистской доктринѣ, а это имѣло бы мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если бы совпали слѣдующія три условія:

1. Если бы движеніе не было, главнымъ образомъ, политическимъ, а *экономическимъ, профессиональнымъ* или *кооперативнымъ*. Марксъ, правда, отнюдь не относится враждебно къ профессиональнымъ союзамъ, но они, по его мнѣнію, не должны играть первенствующей роли, а должны явиться лишь орудіемъ для политической дѣятельности, которая должна играть главную роль въ дѣлѣ освобожденія рабочаго класса.

Опасность, которую Марксъ усматриваетъ въ одностороннемъ профессиональномъ движеніи, состоитъ въ томъ, что рабочіе, постоянно занятые такими вопросами, какъ повышение заработной платы и т. п., теряютъ изъ виду свою конечную цѣль—уничтоженіе наемнаго труда; далѣе, дѣятельность по профессиональнымъ союзамъ отвлекаетъ ихъ отъ главной цѣли.

2. Если бы политическая организація являлась не чистымъ *классовымъ* представительствомъ пролетаріата, а съ рабочими объединялись бы и буржуазные классы.

3. Если бы при преслѣдованіи своихъ цѣлей рабочіе обращались за помощью къ *государству*.

Впрочемъ, Марксъ согласенъ съ тѣмъ, что именно политическая конституція отдѣльныхъ странъ, форма избирательнаго права, свободы печати, союзовъ, собраній и т. д. должны имѣть рѣшающее вліяніе на отдѣльныя движенія. Но въ цивилизован-

ныхъ странахъ нельзя долгое время отказывать рабочимъ въ этихъ важныхъ политическихъ средствахъ борьбы, а при одинаковыхъ политическихъ условіяхъ борьба пролетаріата ведется *интернаціонально*.

И, дѣйствительно, въ Англіи рабочее движеніе носитъ совершенно другой характеръ, нежели въ Германіи. Англійскіе рабочіе не основали собственной *политической партіи* для защиты своихъ интересовъ, а отдають свои голоса тѣмъ депутатамъ, отъ которыхъ они ожидаютъ наилучшей защиты своихъ *экономическихъ* интересовъ. Вообще, англійское рабочее движеніе, по существу своему, *экономическое*, т. е., рабочіе объединяются въ организаціи, профессиональные союзы и товарищества, чтобы добиваться своихъ *экономическихъ* цѣлей, т. е. чтобы улучшить свое теперешнее положеніе повышеніемъ заработной платы, сокращеніемъ рабочаго дня, болѣе дешевой покупкой жизненныхъ припасовъ и т. п.

Это развитіе имѣетъ, однако, тѣмъ большее значеніе, что условія, благодаря которымъ въ Германіи развилась социаль-демократическая партія, еще въ большей степени были налицо въ Англіи. Вслѣдствіе быстрого развитія крупнаго капитализма, ни въ какой другой странѣ противорѣчія между работодателями и рабочими не обострились такъ, какъ въ Англіи. И сопровождающія это развитіе явленія, какъ печальное положеніе рабочаго класса, выступили тамъ въ особенно сильной степени. Особаго вниманія заслуживаетъ еще и то, что въ Англіи отнюдь не было недостатка въ социаль-демократическихъ движеніяхъ.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія выступили многочисленныя социалистическіе теоретики, а также большое число имѣвшихъ успѣхъ социалистическихъ агитаторовъ и реформаторовъ.

Первое социально-революціонное движеніе XIX в. произошло въ Англіи, и, несмотря на это, въ настоящее время социаль-демократія играетъ въ Англіи совершенно незначительную роль.

Позвольте мнѣ прежде всего иллюстрировать только-что указанныя моменты англійскаго движенія нѣкоторыми фактическими данными.

Вы знаете, какъ изобрѣтеніе современныхъ машинъ (1764—75 прядильной машины, 1780 пуддлингованія, 1785—90 механическаго ткацкаго станка, 1790 паровой машины, 1799 машины для производства бумаги), произвело полный переворотъ въ производствѣ. вмѣсто самостоятельныхъ мастеровъ-ремесленниковъ и домашнихъ производителей явились теперь, съ одной стороны, большія массы неимущихъ рабочихъ; съ другой,—крупные работодатели.

Параллельно шло быстрое развитіе промышленной и торговой жизни. Въ теченіе 1780—1800 ввозъ хлопчатой бумаги въ Англію увеличился въ 10 разъ, а вывозъ хлопчатобумажныхъ продуктовъ въ 15 разъ. Одинъ ребенокъ могъ теперь обслуживать два ткацкихъ станка и произвести продукта въ 2—3 раза больше, чѣмъ прежде могъ это сдѣлать въ теченіи того же времени наилучшій ручной ткачъ. Прядильная машина „дженни“ при одномъ рабочемъ доставляла, по крайней мѣрѣ, въ 6 разъ болѣе того, что за то же время могла произвести самопрялка.

Но законодательство совершенно не защищало рабочихъ отъ эксплуатаціи. Законъ объ ученикахъ 1562 г. былъ въ 1814 г. отмѣненъ. По закону 1562 г. рабочее время ограничивалось опредѣленнымъ числомъ часовъ, ночной трудъ запрещался, плата устанавливалась мировыми судьями и городской администраціей, число учениковъ было ограничено и т. д. Всѣ эти законодательныя ограниченія были уничтожены, такъ какъ, согласно существовавшей тогда догмѣ, трудъ есть единственная собственность бѣднаго человѣка, и законодательное ограниченіе продажи труда было бы посягательствомъ закона на права бѣднаго человѣка. Дурныя послѣдствія, которыя эта свобода договора найма имѣла для рабочихъ, становятся вполне ясны изъ многочисленныхъ и основательныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ въ Англіи очень рано по порученію правительства и парламента.

Приведемъ нѣкоторыя данныя: парламентская комиссія въ 1831 г. объявила, что, согласно свидѣтельскимъ показаніямъ, въ главнѣйшихъ отрасляхъ промышленности дѣти работали столько же часовъ, сколько взрослые; многія изъ нихъ были моложе 7 лѣтъ, еще больше моложе 8, большая же часть моложе 9 лѣтъ.

Изъ двухъ большихъ трудовъ, спеціально посвященныхъ подробно описанію соціального развитія Англіи, а, именно, изъ труда фонъ *Шульце-Гевернитца*. „Къ соціальному миру“ и фонъ Ностица „Развитіе рабочаго класса въ Англіи“, вы можете увидѣть, какія условія существовали относительно женскаго труда, ночного труда, чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня для взрослыхъ и т. д. Неоднократно раздавались тогда голоса, громко требовавшіе измѣненія экономической системы въ соціалистическомъ духѣ, и въ Англіи еще въ началѣ XIX в. выступили имѣвшіе большой успѣхъ теоретики социализма. Послѣдніе выступали противъ существовавшей тогда теории экономического либерализма и индивидуализма. Эта господствовавшая тогда теорія представляла собой защищаемое, главнымъ образомъ, Рикардо ученіе, будто, благодаря возможно большей свободѣ въ экономической жизни, достигается возможно большее счастье общества. Эта теорія беретъ свое начало отъ французскихъ *физиократовъ*, учившихъ, что и хозяйственная жизнь покоится на извѣстныхъ естественныхъ законахъ, и что стоитъ только точно изучить эти законы, чтобы познать вѣчныя истины науки о народномъ хозяйствѣ. Самый же важный естественный законъ состоитъ въ томъ, что свободный трудъ свободнаго человѣка даетъ наибольшій результатъ и потому было бы лучше всего, если бы государство возможно больше воздерживалось отъ всякаго вмѣшательства въ свободную дѣятельность индивида.

Благодаря очень вліятельному соціаль-философу, *Бентаму*, эта теорія получила въ Англіи своеобразное развитіе. Бентамъ, соціально-философскіе взгляды котораго заимствовали Рикардо и его послѣдователи, попросту училъ, что задача государственной политики должна состоять въ томъ, чтобы возможно большему числу людей доставить возможно большее счастье. Но такъ какъ всякій понимаетъ свою выгоду лучше всего самъ, то счастье народа было бы наилучшимъ образомъ достигнуто тогда, когда всякому будетъ предоставлено самому заботиться о своихъ интересахъ. Рикардо почти въ тѣхъ же словахъ училъ, что личные интересы находятся въ удивительной гармоніи съ интересами всего общества.

Хотя Рикардо был главным представителем учения, согласно которому цѣнность благъ опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство, однако, капиталистическую собственность и свободную конкуренцію онъ считалъ самыми прочными устоями всякаго хозяйственнаго строя. Аргументація его при этомъ была слѣдующая: хотя цѣнность всѣхъ товаровъ въ послѣднемъ счетѣ основывается на трудѣ тѣхъ, кто производитъ эти товары, однако, процентъ на капиталъ и прибыль предпринимателя являются необходимыми видами дохода, такъ какъ безъ того интереса, который для капиталиста представляютъ процентъ и прибыль, онъ никогда не принималъ бы необходимаго участія въ производствѣ. Только земельную ренту онъ считаетъ *нетрудовымъ* доходомъ. Но земельную ренту онъ рассматривалъ не какъ обычный доходъ всѣхъ вообще землевладѣльцевъ, а только какъ специальный доходъ, получаемый съ нѣкоторыхъ земель, отличающихся своимъ плодородіемъ и выгоднымъ мѣстоположеніемъ.

Если бы, путемъ возможно послѣдовательной политики свободной торговли, была возможно больше ограничена монополія привилегированныхъ землевладѣльцевъ на ренту, посредствомъ свободнаго ввоза дешеваго хлѣба, то этимъ были бы устранены всѣ невыгоды, могущія проистекать изъ частной собственности на землю и капиталъ. Могло бы улучшиться и положеніе рабочихъ, такъ какъ установленный Рикардо желѣзный законъ заработной платы,—согласно которому рабочіе вынуждены получать въ среднемъ заработную плату, достаточную для удовлетворенія лишь насущнѣйшихъ потребностей,—никоимъ образомъ не рассматривался, какъ нѣчто непреодолимое. Напротивъ, рабочіе сами имѣли бы возможность улучшить свое положеніе, если бы они были болѣе предусмотрительны въ заключеніи браковъ и рожденіи дѣтей. Либеральная экономія давала, слѣдовательно, слѣдующее рѣшеніе вопроса: черезъ возможную свободу—къ счастью и благосостоянію населенія и къ справедливому вознагражденію за трудъ.

Въ противоположность этой либеральной экономіи, нѣкоторые англійскіе писатели еще въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX столѣтія

выставили то положеніе, что институтъ частной собственности на землю и капиталъ ведетъ, какъ разъ, наоборотъ, къ несправедливому распредѣленію собственности. Уже тогда съ разными варіаціями было создано ученіе, что процентъ, рента и прибыль суть доходы, *нетрудовые* и представляютъ собой несправедливыя вычеты изъ трудового дохода рабочаго.

Какъ типичное для этого направленія, я бы рекомендовалъ вамъ произведеніе *Вильяма Томпсона* „An inquiry into the principles of the distribution of wealth“. *Антонъ Менгеръ*, правда, преувеличиваетъ, утверждая, будто въ этомъ появившемся въ 1824 г. произведеніи мы уже находимъ тотъ самый ходъ мыслей и даже тотъ же способъ выраженія, что позже у многихъ социалистовъ, особенно у Маркса и Родбертуса. Уже Томпсонъ, правда, говоритъ, что процентъ и рента представляютъ собой прибавочную цѣнность, выжимаемую изъ рабочихъ, однако, всѣ національно-экономическіе и социальнo-философскіе доводы въ пользу этой мысли, которые мы находимъ, какъ у Родбертуса, такъ и у Маркса, совершенно отличаются отъ способа изложенія этого ученія Томпсономъ. Ниже, когда я буду говорить о Марксѣ, я изложу вамъ совершенно отличную точку зрѣнія этого социалиста.

Центръ ученія Томпсона образуетъ то положеніе, что при господствѣ частной собственности на капиталъ и землю капиталистъ присваиваетъ себѣ, въ видѣ прибавочной цѣнности, разницу между минимумомъ средствъ существованія рабочихъ и дѣйствительнымъ доходомъ, получаемымъ отъ ихъ работы, ставшей болѣе производительной, благодаря употребленію машинъ и другого рода затратамъ капитала. Подобно Рикардо, и онъ исходитъ изъ того положенія, что цѣнность благъ образуется трудомъ, но онъ приходитъ къ выводамъ, что, въ виду именно этого обстоятельства, процентъ и прибыль являются несправедливыми вычетами изъ трудового дохода рабочихъ.

Томпсонъ говоритъ: „Пока будетъ существовать современное положеніе вещей, покоящееся на насиліи, положеніе, благодаря которому одинъ классъ людей обладаетъ всѣми средствами производства, а другой—физическими средствами, чтобы пустить въ ходъ эти производительныя силы; пока капиталисты будутъ упо-

треблять находящіяся въ ихъ рукахъ средства лишь на то, чтобы использовать для своей собственной наибольшей выгоды работу и счастье всѣхъ рабочихъ,—до тѣхъ поръ счастье всего человѣческаго рода будетъ принесено капиталистами въ жертву всякой, хотя бы наименьшей, добавочной прибыли. Пока въ обществѣ существуютъ два враждебныхъ лагеря: съ одной стороны, обладатели труда, съ другой, обладатели *средствъ* къ труду; пока это неестественное раздѣленіе будетъ сохраняться насильно, до тѣхъ поръ, быть можетъ, $\frac{9}{10}$ всѣхъ достижимыхъ для человѣчества продуктовъ никогда не увидитъ свѣта Божьяго, и 99% достижимаго для челоуѣка счастья будутъ принесены въ жертву“.

Поэтому нужно было бы слѣдовать правилу: „Всѣ продукты труда должны быть обезпечены за производителями ихъ“.

Чтобы гарантировать рабочимъ полный продуктъ ихъ труда, нужно ввести социалистическій общественный строй. Томпсонъ представляетъ себѣ осуществленіе этого плана въ такомъ видѣ: должны быть основаны социалистическія общины, гдѣ члены получаютъ пищу, одежду и жилище, а дѣти воспитываются вмѣстѣ; всякій работоспособный членъ обязанъ исполнять одинаковую мѣру работы.

Я перечислю вамъ хотя бы имена нѣкоторыхъ авторовъ, съ указаніемъ заглавія ихъ произведеній, которые высказываются въ пользу социальныхъ теорій и практическихъ реформъ, подобно Томпсону. Назову вамъ, напримѣръ:

John Gray: A lecture on human happiness, 1825.

T. R. Edmonds: Practical Moral and Political Economy, 1828.

I. F. Bray: Labour's Wrongs and labour's remedy, or the age of might and the age of right, 1839.

Но, прежде всего, я хотѣлъ бы упомянуть о челоуѣкѣ, который велъ особенно вліятельную и успѣшную пропаганду въ пользу социалистическихъ идей, а именно *Робертъ Оуэнъ*. Онъ не только *теоретически* защищалъ социалистическія идеи, но пожертвовалъ крупное состояніе для *практическаго* осуществленія ихъ. Въ лицѣ Роберта Оуэна мы имѣемъ передъ собой рѣдкую и очень привлекательную смѣсь трезваго, пракческаго, дѣловаго духа и мечтательно утопической фантазіи. Робертъ Оуэнъ былъ self-made man

въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Родившись въ семьѣ мелкаго лавочника и содержателя почты въ одномъ англійскомъ городкѣ (1771), онъ долженъ былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ зарабатывать себѣ на жизнь, работая въ одномъ торговомъ дѣлѣ; но, подымаясь все выше въ своей практической карьерѣ, онъ, наконецъ, достигъ того, что сталъ однимъ изъ первыхъ и наиболѣе уважаемыхъ крупныхъ промышленниковъ Англiи и обладателемъ милліоннаго состоянія. Замѣчательно то, что однимъ изъ первыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ поборниковъ социализма былъ пользовавшійся громаднѣйшимъ успѣхомъ работодатель. Большой заслугой Оуэна, въ качествѣ владѣльца бумагопрядильни въ *Нью-Ланаркѣ*, было то, что, благодаря цѣлесообразному устройству работъ и всякаго рода общепольнымъ учрежденіямъ, онъ поднялъ рабочее населеніе въ 2500 человекъ изъ состоянія глубочайшей распущенности на высокую степень нравственности и духовнаго совершенства. Коронованныя особы и государственные мужи разныхъ частей Европы съ удовольствіемъ осматривали образцовое заведеніе въ Нью-Ланаркѣ, и уже въ 1815 г. онъ считался однимъ изъ наиболѣе заслуженныхъ и знаменитыхъ фабрикантовъ въ Англiи.

Но все, что онъ провель тамъ практически и что онъ предлагалъ въ области социально-политическаго законодательства по вопросу объ охранѣ труда, рабочихъ жилищахъ, страхованіи рабочихъ, посредничествѣ по найму ихъ и статистикѣ труда,—предложенія, которыя лишь въ наше время были частью осуществлены,—все это Оуэнъ считалъ лишь слабыми средствами въ борьбѣ съ социальнымъ зломъ. Онъ былъ внутренне убѣжденъ, что лишь коммунистическій общественный строй можетъ принести съ собою конечное улучшеніе. Онъ думалъ, что прежде всего дѣло воспитанія измѣнить человѣческой матеріалъ и образовать человѣческой характеръ такъ, чтобы сталъ возможенъ высшій и лучшій общественный строй. Свою теорію возможности образованія человеческого характера онъ изложилъ, главнымъ образомъ, въ своемъ произведеніи „*A new view of society*“ и, уже 87-лѣтнимъ старикомъ, за 14 дней до своей смерти, онъ сказалъ въ своемъ докладѣ: „Я изложу то, что являлось задачей моей жизни, а именно, что для устраненія

въ мірѣ нищеты нужно основательно измѣнить внѣшнее положеніе человѣка, а съ помощью цѣлесообразно измѣненныхъ обстоятельствъ и разумнаго воспитанія до основанія измѣнить характеръ человѣка“. „Совѣсть“, выразился однажды Оуэнъ, „фабрикуется такъ же, какъ хлопчатобумажныя матеріи или какіе-нибудь другіе товары“.

Въ 1817 г. Оуэнъ началъ свою пропаганду въ пользу коммунистическихъ идей. Онъ думалъ достигнуть своей цѣли не путемъ классовой борьбы, а посредствомъ соціальнаго примиренія; коммунистическія общины должны основываться мирнымъ путемъ, путемъ законодательства, и онъ надѣялся, что найдется достаточно людей, которые пристанутъ къ подобнымъ ассоціаціямъ.

Въ 1824 г. была основана его первая коммунистическая колонія „Новая Германія“ въ штатѣ Индіана. Но эта колонія, подобно всѣмъ другимъ затѣянными имъ позже коммунистическимъ предпріятіямъ, потерпѣла полное крушеніе. Въ ней строго былъ проведенъ принципъ коммунизма, по которому вся собственность принадлежала всей общинѣ. Столъ устраивался также общій и комитетъ изъ 12 человѣкъ опредѣлялъ, какую работу долженъ исполнять каждый, причемъ, по возможности, принимались во вниманіе и желанія отдѣльныхъ личностей. Спустя короткое время послѣ основанія колоніи начались такіе раздоры и разногласія, что Оуэнъ вынужденъ былъ, послѣ того, какъ конституція колоніи семь разъ подвергалась измѣненіямъ, продать, наконецъ, отдѣльнымъ лицамъ парцеллы земли и дома, такъ что опять была введена частная собственность.

Въ своемъ непоколебимомъ оптимизмѣ онъ нѣсколько разъ, не жалѣя большихъ денежныхъ жертвъ, брался за подобныя предпріятія, но ни одна попытка его не увѣнчалась какимъ бы то ни было успѣхомъ.

Кромѣ коммунистическихъ общинъ, Оуэнъ дѣлалъ и другіе соціалистическіе эксперименты.

Прежде всего я хотѣлъ бы вамъ сообщить о его интересномъ опытѣ учрежденія трудового мѣноваго банка. Съ помощью этого банка Оуэнъ думалъ осуществить теоретическую идею социализма, согласно которой цѣнность товаровъ покоится на трудѣ, и уст-

роить, такимъ образомъ, чтобы товары фактически обмѣнивались по содержащемуся въ нихъ труду. Уже въ появившемся въ 1810 г. его сочиненіи онъ высказалъ то положеніе, что трудъ является истиннымъ источникомъ всякаго благосостоянія и всего національнаго богатства, и потому онъ и представляетъ собою естественный масштабъ всякой цѣнности. Поэтому, наиболѣе важнымъ и единственно справедливымъ положеніемъ должно быть слѣдующее: „That which can create new wealth is of course worth the wealth which it creates“. „Человѣческій трудъ способенъ произвести количество благъ во много разъ больше (many times) того, которое необходимо для обезпеченія благосостоянія всякому индивиду. Но рабочій вправѣ получить изъ созданнаго имъ богатства приличествующую ему часть, и этого какъ разъ требуютъ высшіе интересы всякаго общества. Но эту часть можно будетъ опредѣлить лишь тогда, когда приняты будутъ мѣры, благодаря которымъ natural standard of value (т. е. работа) станетъ также и practical standard of value.

Въ сентябрѣ 1832 г. въ Лондонѣ открылся мѣновой банкъ Оуэна. Я хочу нѣсколько подробнѣе рассмотреть механизмъ банка на слѣдующемъ примѣрѣ:

Пусть сапожникъ приготовилъ пару сапогъ; матеріаль стоилъ ему 2 шиллинга, и на работу ушло 10 часовъ. Съ этой парой сапогъ онъ идетъ въ банкъ и заявляетъ, сколько у него было расходовъ и сколько онъ потратилъ труда. Тогда за эту пару сапогъ ему выдаются билеты, стоимостью каждый въ рабочій часъ, въ данномъ случаѣ за произведенную имъ работу онъ получаетъ 10 чековъ по 1 часу. Что касается вознагражденія за матеріаль, то если 6 пенсовъ равны 1 рабочему часу, 2 шиллинга составятъ 4 рабочихъ часа; такимъ образомъ, всего сапожникъ получаетъ 14 билетовъ по 1 рабочему часу. Но при этомъ существуетъ одно очень важное ограниченіе. Банкъ имѣетъ своихъ оцѣнщиковъ, которые должны контролировать товары и расходы, представленные производителями; если оцѣнщики находятъ, что данный продуктъ не стоитъ 10 рабочихъ часовъ, то они могутъ предложить болѣе низкую цѣну. Получивъ свои 14 билетовъ, сапожникъ можетъ выбрать изъ запасовъ банка то, въ чемъ онъ нуждается, напри-

мѣръ, шляпу, зонтикъ, жизненные припасы и т. п.; такимъ образомъ, по идеѣ Оуэна, всѣ производители могутъ продавать или покупать товары безъ помощи денегъ и посредниковъ.

Вначалѣ банкъ имѣлъ довольно замѣтный успѣхъ. Публика проявила большой интересъ къ этому институту: согласно отчету въ газетѣ этого банка „Crisis“, за первые четыре мѣсяца по открытіи банка, т. е. отъ 3-го сентября по 29 декабря 1832 г., было внесено товаровъ стоимостью въ 445,501 рабочій часъ и обмѣнено товаровъ стоимостью въ 376,166 рабочихъ часовъ. Не менѣе 300 предпріятій объявили, что они принимаютъ рабочіе билеты вмѣсто наличныхъ денегъ, и даже многіе лондонскіе театры принимали въ своихъ кассахъ „labor notes“ вмѣсто денегъ.

Однако, успѣхъ банка продолжался недолго: интересъ публики вступавшей съ банкомъ въ кое-какія сдѣлки большею частью изъ любопытства, остылъ сейчасъ же по открытіи банка. Число депонируемыхъ и, особенно, число обмѣниваемыхъ товаровъ все уменьшалось, и на банкъ посыпались многочисленныя жалобы со стороны его кліентовъ. Производители жаловались, что оцѣнщики несправедливо производятъ оцѣнку средняго количества времени, потраченнаго на производство товаровъ. Обладатели мѣновыхъ билетовъ часто не находили въ запасахъ банка того, что имъ было нужно. Въ этомъ заключается главное зло всякаго мѣнового банка: бесполезные предметы накапливаются въ банкѣ, а полезные быстро истощаются. Въ банкъ приносили экраны, каминные щипцы и тому подобные предметы, а брали платье, мясные продукты и тому подобное. Если же мѣновой банкъ относился къ пріему разборчиво и бралъ товары, имѣющіе большой сбытъ, то онъ не достигалъ своей главной соціально-экономическѣй цѣли — облегчать *затрудненія* въ сбытѣ. Банкъ былъ обремененъ предметами не только абсолютно ненужными, но и такими, которые перестали называться публикѣ, вслѣдствіе измѣнившагося вкуса или моды. Это лежащее въ природѣ мѣнового банка зло усугублялось, благодаря поведенію производителей, являвшихся кліентами банка: они не приспособлялись въ производствѣ къ вкусамъ публики, а стремились лишь извлекать изъ мѣнового банка возможно большую пользу для себя. Особенно стремились они производить та-

кія вещи, на производство которыхъ, при относительно небольшомъ расходѣ на сырье, они могли потратить много *работы*. Такъ портной, купившій, на примѣръ, кусокъ сукна, котораго хватило бы или на пару брюкъ или на четыре жилета, предпочиталъ сдѣлать четыре жилета, такъ какъ при одинаковыхъ расходахъ на сырой матеріалъ онъ получалъ большее количество мѣновыхъ марокъ, чѣмъ при изготовленіи пары брюкъ.

Однако, практическая неудача мѣнового банка Оуэна имѣетъ еще и большой теоретическій интересъ. Ошибочность социалистической *теоріи трудовой цѣнности*, особенно въ ея первоначальной наивной формѣ, и основанныхъ на этой теоріи *рабочихъ денегъ* выступала здѣсь ясно *ad oculos*.

Можетъ быть, возможно было бы найти способъ, какъ въ *социалистически* организованномъ обществѣ сдѣлать трудъ масштабомъ цѣнности. Въ общественномъ строѣ, гдѣ предметы потребленія производятся для общества и путемъ общественно-организованнаго процесса и потомъ раздаются отдѣльнымъ лицамъ, можно было бы, пожалуй, съ помощью, правда, довольно сложныхъ вычисленій установить, сколько рабочихъ часовъ заключается въ каждомъ продуктѣ, и это число рабочихъ часовъ разсматривать, какъ мѣрило цѣнности.

Но въ *индивидуалистическомъ* общественномъ строѣ подобное опредѣленіе цѣнности попросту невозможно. Въ этомъ общественномъ строѣ производство находится въ рукахъ отдѣльныхъ частныхъ предпринимателей, доставляющихъ товары кругу покупателей, которые руководствуются своимъ усмотрѣніемъ; цѣнность товаровъ здѣсь никогда не опредѣляется объективнымъ количествомъ потраченныхъ на нихъ издержекъ, а всегда лишь полезностью и пригодностью товаровъ или ихъ потребительной цѣнностью. Прежде всего принимается во вниманіе качество и пригодность товаровъ и то, насколько они приходятся по вкусу публикѣ.

Хотя въ своихъ коммунистическихъ экспериментахъ Оуэнъ всегда терпѣлъ неудачи, однако его дѣятельность въ области социальной политики Англіи имѣла громаднѣйшія послѣдствія. Его планы въ области политики благосостоянія были большей частью осуществлены и не мало способствовали тому что въ Англіи очень

рано началась законодательная дѣятельность въ пользу защиты труда.

Въ первой половинѣ XIX вѣка мы можемъ отмѣтить въ Англіи не только замѣчательныхъ теоретиковъ и агитаторовъ социализма, но, какъ я уже сказалъ, и очень сильное социально-революціонное движеніе—такъ называемый *чартизмъ*, о которомъ мнѣ въ заключеніе придется еще сказать нѣсколько словъ.

Хотя центръ *чартистскаго движенія* составляло требованіе избирательной реформы, т. е. распространенія избирательнаго права на весь народъ, однако, эта *политическая* реформа должна была образовать лишь основу *полнаго экономическаго* переворота. Политическая власть—средство, а социальное благосостояніе—цѣль,—такъ гласилъ пароль чартистовъ.

Нѣкоторые вожаки чартистскаго движенія, достигшаго своего апогея въ кровавомъ столкновеніи въ Бирмангамѣ въ 1839 г., имѣли въ виду конечную цѣль социализма, они хотѣли освободить рабочихъ отъ господства капитала. Такъ, одинъ изъ вожаконъ чартистскаго движенія, *Стефенсъ*, на одномъ большомъ народномъ собраніи охарактеризовалъ сущность чартизма слѣдующими словами: „Друзья мои, чартизмъ не есть политическій вопросъ: дѣло идетъ не объ избирательномъ правѣ: чартизмъ это вопросъ вилокъ и ножей, чартизмъ означаетъ: хорошую квартиру, хорошую пищу и питье, короткое рабочее время“. Или, какъ однажды сказалъ другой вожакъ: „Мы сознаемъ несправедливость, которую совершаютъ по отношенію къ намъ, мы чувствуемъ то рабство, отъ котораго у насъ еще нѣтъ силъ освободиться. Однако, освобожденіе наше зависитъ отъ распространенія сознанія среди рабочихъ классовъ всѣхъ странъ, ибо это сознаніе даетъ намъ понять наше дѣйствительное положеніе въ обществѣ и даетъ намъ чувствовать, что мы, производители богатства, имѣемъ преимущественное право пользоваться имъ“.

Однако, эти выраженія отнюдь не являлись характерными для чартистскаго движенія въ цѣломъ. Они отражали только одно сильное теченіе внутри чартизма.

Однородной программы, твердо установленной цѣли у чартизма не было: въ центрѣ его стояло требованіе всеобщаго избиратель-

наго права. Но это политическое завоеваніе должно было служить для достиженія всевозможныхъ экономическихъ цѣлей. Между чартистами было много оуэнистовъ, стремившихся къ радикальному общественному перевороту въ коммунистическомъ духѣ, но было много и такихъ, которые надѣялись лишь на уничтоженіе нѣкоторыхъ золъ; такъ, къ требованіямъ, выдвигавшимся въ кругахъ чартистовъ, относился, главнымъ образомъ, законъ о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ, упраздненіе новаго закона о бѣдныхъ отъ 1834 г. и отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ. Чартизмъ не представляетъ также и чисто *классоваго движенія*: такъ какъ требованіе всеобщаго избирательнаго права встрѣчало одобреніе и со стороны другихъ слоевъ населенія, то среди чартистовъ были и широкіе круги буржуазіи.

Не существовало единства и по отношенію къ выбору *средствъ*, долженствующихъ вести къ цѣли. Одна часть чартистовъ, руководимая *Вильямомъ Ловеттомъ*, хотѣла достигъ цѣли мирнымъ и легальнымъ путемъ; другое, радикальное направленіе, къ которому принадлежали *О'Бриенъ и О'Кэнноръ*, считало необходимыми насильственные дѣйствія.

Въ 1848 г. чартистское движеніе заглохло. Возстаніе было подавлено, и интересъ къ цѣлямъ чартистовъ почти исчезъ. Нѣкоторыя главныя требованія, выдвинутыя чартистскимъ движеніемъ были осуществлены: новый законъ о бѣдныхъ на практикѣ проводился гораздо легче, чѣмъ это соответствовало бы буквѣ закона; борьба за 10 ти часовой рабочей день кончилась въ пользу рабочихъ въ 1844 г., когда Робертъ Пиль провелъ свой Factory Act; отмѣна хлѣбныхъ пошлинъ была въ принципѣ рѣшена въ 1846 г. Такимъ образомъ, чартистское движеніе лишилось массы тѣхъ послѣдователей, которые имѣли въ виду эти именно цѣли и желанія.

Но заглохло не только чартистское движеніе: въ англійскомъ народѣ на продолжительное время почти совершенно исчезъ интересъ къ социализму вообще. Англійскіе рабочіе обратились къ новымъ цѣлямъ и идеямъ. Какъ што дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія въ Англии, я изложу вамъ въ слѣдующей лекціи.

VII ЛЕКЦІЯ.

Соціалізмъ въ Англіи. II.

Въ небольшомъ городкѣ Рогдалѣ (Rochdale), въ Ланкастерѣ, въ одинъ изъ декабрскихъ вечеровъ 1844 года уличные мальчишки имѣли развлеченіе: издѣваясь, дурачась и смѣясь наблюдали они, какъ въ одномъ изъ переулковъ въ крохотной лавчонкѣ раскладывались жалкія количества масла, сахару, муки и т. п. продуктовъ.

И, однако, это неказистое событіе было, въ сущности, началомъ столь могучихъ нынѣ англійскихъ рабочихъ кооперацій!

Бѣдные, старые ткачи основывали тогда первое потребительное общество съ цѣлью улучшенія своего положенія. Какъ, однако, примитивно было это начало! Общество состояло изъ 28 членовъ, лавка открывалась только по субботамъ и понедѣльникамъ вечеромъ. Одинъ изъ членовъ общества исполнялъ обязанности приказчика, другой—бухгалтера, а третій, носившій громкій титулъ казначея, заботился о сохранности собраннаго капитала, въ суммѣ 28 ф. ст.

Строго говоря, нельзя утверждать, что это потребительное общество въ Рогдалѣ было первымъ. И раньше въ Англіи были уже единичныя потребительныя общества; но они были основаны на томъ принципѣ, что прибыль дѣлилась между участниками, сообразно долѣ участія cadaго въ предпріятіи. Существенное нововведеніе *рогдалскихъ пионеровъ*—такъ ихъ называютъ—состояло въ томъ, что они дѣлили чистую прибыль не пропорціонально вкладамъ, какъ это было въ потребительныхъ обществахъ перваго періода, но пропорціонально размѣрамъ покупокъ, и этимъ указали новый путь всему послѣдующему развитію потребительныхъ товариществъ. Товары продавались по рыночнымъ цѣнамъ

и барыши распредѣлялись сообразно суммѣ покупокъ каждаго члена; это послѣднее обстоятельство устанавливало прочную связь каждаго участника съ товариществомъ. Изъ этого скромнаго зачатка развилось нынѣшнее цвѣтущее состояніе потребительныхъ коопераций, благодаря которымъ свыше двухъ милліоновъ англійскихъ рабочихъ стали владѣльцами капитала въ 828 милліоновъ марокъ, огромныхъ магазиновъ, большихъ фабрикъ, мельницъ и т. д.

По статистическимъ даннымъ 1902 года число потребительныхъ обществъ составляло 1476 при 1.813.176 членахъ; имущество ихъ равнялось 464 милліонамъ марокъ, оборотъ превышалъ 1. милліардъ, а чистая прибыль достигала 174 милліоновъ.

Если въ предшествующей главѣ мнѣ пришлось констатировать, что *политическое* рабочее движеніе въ Англійи до чрезвычайности незначительно, то тѣмъ сильнѣе развито здѣсь хозяйственно-экономическое рабочее движеніе, видящее конечную свою задачу въ достиженіи ближайшихъ, точно опредѣленныхъ хозяйственныхъ цѣлей.

Если социализмъ не имѣлъ до сихъ поръ въ Англійи почти никакого успѣха и располагаетъ ничтожнымъ числомъ приверженцевъ, то это зависитъ, какъ мнѣ кажется, отъ трезваго, реально-политически настроеннаго характера англійскаго народа. Рабочіе хотятъ достигнуть выгодъ въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ, но они мало склонны воодушевляться широкими идеалами отдаленнаго будущаго и приносить ради нихъ матеріальныя жертвы.

Рабочіе могутъ улучшить свое матеріальное положеніе двумя способами: или удешевляя хозяйственные расходы или повышая доходъ.

Первой цѣли служатъ кооперативныя товарищества, второй — профессиональные союзы. Потребительныя товарищества являются, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ англійскихъ рабочихъ коопераций; на ихъ основѣ покоится цѣлый рядъ дальнѣйшихъ успѣшно дѣйствующихъ и полезныхъ кооперативныхъ образований.

Изъ потребительныхъ товариществъ возникли оптовыя торго-

вые коопераціи. Подобно тому, какъ потребительныя товарищества должны замѣнить для рабочихъ мелкаго розничнаго торговца, такъ оптовыя торговыя коопераціи имѣють цѣлью освободить потребительныя товарищества отъ крупныхъ торговыхъ посредниковъ. Оптовыя торговыя коопераціи должны дать возможность потребителямъ товариществъ взять въ свои руки и оптовую торговлю. Каждое потребительное товарищество въ отдѣльности принуждено заирать товары у находящагося въ данномъ мѣстѣ торговца. Соединяясь же въ оптовую торговую кооперацію, потребительныя товарищества получаютъ возможность пріобрѣтать товары непосредственно отъ производителей или отъ самыхъ крупныхъ торговыхъ фирмъ. Благодаря этому, они могутъ предоставить выгоды оптовой закупки даже самымъ малымъ потребителямъ товариществъ и пріобрѣтать доброкачественные нефальсифицированные товары по возможно дешевымъ цѣнамъ.

Существуютъ двѣ такого рода оптовыя торговыя коопераціи, англійская и шотландская, онѣ объединяють 900 товариществъ съ 800,000 членовъ. Коопераціи владѣють пятью пароходами для заморскихъ сношеній и имѣють отдѣленія въ Гамбургѣ, Копенгагенѣ и Нью-Йоркѣ для закупки товаровъ. Въ Манчестерѣ устроены большіе магазины, въ которыхъ потребительныя товарищества могутъ имѣть образцы всевозможныхъ товаровъ и дѣлать заказы. Въ Лондонѣ имъ принадлежитъ складъ чая, съ оборотомъ въ 7 милліоновъ марокъ.

Слѣдующій видъ кооперацій представляютъ *потребительно-производительныя товарищества*. Подъ ними разумѣется слѣдующее: подъ производительными товариществами рабочихъ въ узкомъ смыслѣ слова понимаютъ коопераціи рабочихъ, имѣющія цѣлью вести предпріятія за собственный счетъ и рискъ. Производительныя товарищества рабочихъ этого рода имѣють въ виду освободиться отъ власти предпринимателя-капиталиста такимъ способомъ, что они сами снабжаютъ себя капиталомъ, необходимымъ для предпріятія, ведутъ производство за свой счетъ и прибыль дѣлятъ между собою.

Въ отличіе отъ этихъ производительныхъ товариществъ въ собственномъ смыслѣ, или чистыхъ, въ потребительно-производи-

тельныхъ товариществахъ рабочіе соединяются для цѣлей производства, въ качествѣ потребителей. Коль скоро потребительныя товарищества правильно сбываютъ опредѣленные количества муки, хлѣба, одежды и т. п., то, соединившись, они легко могутъ образовывать изъ среды своихъ же членовъ производительныя отдѣленія, которыя и станутъ производить соотвѣтствующіе товары для надобностей потребительныхъ товариществъ.

Существенное отличіе такихъ потребительно-производительныхъ товариществъ отъ чисто производительныхъ состоитъ въ томъ, что здѣсь продукты производятся для заранее опредѣленнаго сбыта.

На ежегодныхъ собраніяхъ директора большихъ потребительныхъ товариществъ, хорошо знакомые съ потребностями своихъ покупателей, входятъ въ непосредственныя сношенія съ директорами и управляющими фабричныхъ отдѣленій потребительныхъ товариществъ. Англійскія потребительныя товарищества имѣютъ многочисленныя производительныя отдѣленія подобнаго рода, какъ, на примѣръ, фабрику обуви въ Лейчестерѣ, фабрику бисквитовъ вблизи Манчестера, шерстепрядильню въ Йоркширѣ и фабрику шелка въ Дэрамѣ. 20% потребляемой товариществами муки доставляется такими производительными отдѣленіями. Всего производится потребительно-производительными товариществами товаровъ на сумму свыше 100 милліоновъ марокъ, въ частности муки — свыше 30 милліоновъ, мыла — 8 милліоновъ, консервовъ $7\frac{1}{2}$ милліоновъ.

Пасынкомъ среди кооперативныхъ товариществъ является въ Англии, какъ и всюду, чистое или въ собственномъ смыслѣ производительное товарищество. Насколько развитіе товариществъ вообще идетъ блестяще и успѣшно, настолько успѣхъ собственно производительныхъ товариществъ ничтоженъ.

Къ статистическимъ даннымъ англійскихъ производительныхъ товариществъ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью и критически. Здѣсь къ производительнымъ товариществамъ причисляются нерѣдко всевозможныя другія сообщества, такъ, между прочимъ, и упомянутыя уже потребительно-производительныя

товарищества; вслѣдствіе этого легко прійти къ ложнымъ выводамъ.

Въ книгѣ Беатрисы Поттерсъ (Beatrice Potters) „Англійскія товарищества“—книга эта представляетъ прекрасное изложеніе развитія товариществъ—производительныхъ товарищества въ собственномъ смыслѣ слова строго различаются отъ всевозможныхъ другихъ образованій подобнаго рода. Тамъ указано, что изъ 106 производительныхъ товариществъ, о которыхъ говорится въ статистическихъ данныхъ союза товариществъ, большая часть представляетъ собою товарищества мелкихъ ремесленниковъ съ наемнымъ трудомъ. Въ нихъ два или нѣсколько мелкихъ предпринимателей соединяются вмѣстѣ, чтобы извлекать возможную прибыль изъ труда наемныхъ рабочихъ; такихъ товариществъ добрая половина изъ числа всѣхъ, названныхъ производительными въ статистикѣ союза товариществъ. Сверхъ того, въ число производительныхъ товариществъ включены и многія такія сообщества, которыя въ сущности являются капиталистическими образованіями и причислены сюда лишь благодаря тому обстоятельству, что въ нихъ рабочіе допущены къ участию въ чистой прибыли предпріятія и т. д.

Короче, если выдѣлить всѣ, строго говоря не относящіяся сюда товарищества, то во всей Англій останетса едва ли больше дюжины настоящихъ производительныхъ товариществъ.

Много производительныхъ товариществъ прекращали существованіе вскорѣ послѣ своего возникновенія. Такъ, въ 40 и 50 годахъ прошлаго столѣтія было основано много производительныхъ товариществъ подъ вліяніемъ соціалъ-демократическихъ, Оуэновскихъ, чартистскихъ и христіанско-соціалистическихъ идей. Производительныя товарищества въ Лондонѣ и южныхъ округахъ Англій, основанныя и поддерживаемыя христіанскими соціалистами въ теченіе немногихъ лѣтъ, частью исчезли безслѣдно, частью превратились въ капиталистическія предпріятія мелкихъ ремесленниковъ-хозяевъ. Три сапожно-мастерскія товарищества, основанныя въ 1852 году, распались уже въ теченіе первыхъ же мѣсяцевъ своего существованія, равнымъ образомъ попытки пріобрѣтенія желѣзодѣлательныхъ, машиностроительныхъ и т. п.

предпріятій, сдѣланныя рабочими въ Нотумберлендѣ, Дэргэмѣ и др. мѣстахъ, кончились полнѣйшей неудачей и крупными матеріальными потерями, вызвавъ среди рабочихъ союзовъ большое недовѣріе къ подобнаго рода опытамъ.

Причины неудачъ производительныхъ товариществъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Если и единоличному предпріятію такъ трудно укрѣпиться и существовать болѣе продолжительное время въ условіяхъ индивидуалистическаго хозяйственнаго строя, то производительнымъ товариществамъ рабочихъ приходится бороться, сверхъ того, еще съ особенными трудностями. Не говоря уже о томъ, что рабочіе рѣдко обладаютъ развитіемъ и коммерческимъ образованіемъ въ такой мѣрѣ, какъ это нужно для веденія подобныхъ предпріятій, среди членовъ такихъ организацій почти всегда возникаютъ всякаго рода споры и пререканія, и это отсутствіе единодушія мѣшаетъ успѣху дѣла.

Если, однако, оставить въ сторонѣ производительныя товарищества, то всѣ другія рабочія кооперации въ Англіи могутъ похвастать своимъ успѣхомъ. Успѣхъ этотъ не исчерпывается исключительно хозяйственными выгодами, выражающимися въ цифрахъ сбереженій и барышей, выпадающихъ на долю участниковъ, и въ пріобрѣтеніи товаровъ лучшаго качества или по болѣе дешевой цѣнѣ. Сверхъ указаннаго уже круга дѣятельности, товарищества принимаютъ рядъ другихъ мѣръ, полезныхъ для рабочаго класса. Такъ, напримѣръ, $2\frac{1}{2}\%$ чистой прибыли потребительныхъ товариществъ расходуется на просвѣтительныя цѣли. Рогдальскіе піонеры учредили въ 1849 году бібліотеку, въ 1867 году товариществами было организовано страхованіе отъ огня и страхованіе жизни, 589 товариществъ включаютъ въ кругъ своей дѣятельности постройку жилищъ для своихъ членовъ. До сихъ поръ выстроено 13327 домовъ, стоимостью въ 56 милліоновъ марокъ; изъ нихъ 5080, стоимостью въ 23 милліона марокъ, перешли въ собственность членовъ товариществъ.

Несомнѣнно, что участіе рабочихъ въ управленіи такого рода союзами въ высокой степени способствуетъ подъему интеллектуальнаго и нравственнаго уровня рабочаго класса.

Въ то время, какъ главной задачей товариществъ является улучшение хозяйства путемъ уменьшенія расходовъ, профессиональные союзы стремятся достигнуть той же цѣли путемъ увеличенія доходовъ.

Профессиональные союзы—это хозяйственные сообщества рабочихъ, имѣющія цѣлью повышение рабочей платы, сокращеніе рабочаго времени и другія улучшения хозяйственнаго положенія рабочихъ. Ни въ одной странѣ міра профессиональные союзы не получили такого могучаго и успѣшнаго развитія, какъ въ Англии. Въ нихъ рабочее движеніе Англии достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта, въ нихъ объединяются всѣ наиболѣе прогрессивные и развитые элементы англійскаго рабочаго класса. Только послѣ продолжительной борьбы достигли профессиональные союзы своего теперешняго вліятельнаго и почетнаго положенія.

Въ первое время своего существованія профессиональные союзы были незаконными тайными обществами рабочихъ, направленными противъ предпринимателей, такъ какъ суровый законъ 1800 года запрещалъ всякаго рода соглашенія, собранія и союзы наемныхъ рабочихъ, имѣющіе цѣлью увеличеніе заработной платы, и нарушеніе этого запрета каралось заключеніемъ въ исправительномъ домѣ.

Такъ какъ къ такимъ рабочимъ союзамъ относились съ крайнимъ недоувѣріемъ, то и они, въ свою очередь, исполнены были чувства вражды и ожесточенія по отношенію къ работодателямъ. Въ 1824 году послѣдовала отмѣна запрещенія коалицій. Только примѣненіе насилія противъ лицъ или собственности, угрозъ и застрашиваній, съ цѣлью понужденія рабочихъ къ участию въ борьбѣ за рабочую плату, каралось тюремнымъ заключеніемъ. Въ 1825 году этотъ законъ былъ видоизмѣненъ. Хотя свобода коалицій была сохранена, но были снова восстановлены прежнія суровыя постановленія, направленные противъ дѣйствій заговоромъ; однако, собранія рабочихъ въ цѣляхъ обсужденія вопросовъ рабочей платы и рабочаго времени были вполне опредѣленно дозволены.

Въ наступившемъ вслѣдъ затѣмъ періодѣ, который можно считать съ 1829 по 1842 годъ, социалистическія идеи Оуэна ока-

зали сильное вліяніе, между прочимъ, и на профессиональные союзы. Тогда питали надежды путемъ рабочихъ союзовъ осуществить идеаль социализма, т. е. достигнуть обладанія орудіями производства. Движеніе чартистовъ также встрѣчало сильную поддержку среди профессиональныхъ союзовъ. Ожесточенныя стачки, частью вырождавшіяся въ возстанія, были обычнымъ явленіемъ.

Когда въ началѣ 40-хъ годовъ революціонное движеніе чартистовъ перешло кульминаціонный пунктъ своего развитія, и многочисленныя социалистическіе эксперименты Оуэна и его приверженцевъ окончились неудачей,—поведеніе трэдъ-юніоновъ стало болѣе трезвымъ, болѣе склоннымъ къ реальной политикѣ. Революціонная, ожесточающая борьба противъ класса предпринимателей уступила мѣсто попыткамъ воспользоваться профессиональными союзами для болѣе мирной, хотя въ то же время и болѣе дѣйствительной, защиты интересовъ рабочаго класса. вмѣсто агрессивной политики, направленной противъ предпринимателей, явилось стремленіе путемъ мирныхъ переговоровъ добиться болѣе выгодныхъ условій рабочаго времени и рабочей платы.

Въ это время возникли профессиональные союзы такъ называемаго „новаго образца“, и эта новая организація была проведена впервые въ амальгамированномъ союзѣ машиностроительныхъ рабочихъ.

Согласно этому новому устройству, профессиональные союзы должны по возможности объединять рабочихъ, занятыхъ въ одномъ и томъ же промыслѣ. Такимъ образомъ, хозяйственныя интересы членовъ союза должны быть, по возможности, одинаковы; зато союзъ долженъ, насколько можно, охватывать въ предѣлахъ даннаго промысла *всѣхъ* рабочихъ во *всѣхъ* мѣстахъ страны. Въ каждомъ мѣстѣ страны, гдѣ существуетъ данный промыселъ и имѣются члены союза, образуются отдѣленія союза. Въ томъ мѣстѣ страны, гдѣ находится главное средоточіе промысла, имѣетъ свое пребываніе такъ называемый исполнительный выборный комитетъ союза.

При забастовкахъ соблюдается обыкновенно слѣдующій порядокъ.

Если отдѣленіе союза приходитъ къ убѣжденію, что общее

состояніе даннаго производства оправдываетъ повышеніе заработной платы или какія-либо иныя улучшенія условій труда, отдѣленіе представляетъ объ этомъ исполнительному комитету. Если послѣдній не одобряетъ предположеній отдѣленія, оно не получаетъ никакой поддержки, въ случаѣ, если бы дѣло дошло до забастовки. Когда же комитетъ соглашается съ мнѣніемъ отдѣленія, мѣстные рабочіе посылаютъ депутацію къ работодателю съ изложеніемъ своихъ требованій. Начинаются переговоры, и стороны часто приходятъ къ какому-нибудь соглашенію. Въ случаѣ, если такой мирный исходъ оказывается невозможнымъ, рабочіе бросаютъ работу и въ теченіе всего времени забастовки получаютъ отъ исполнительнаго комитета такъ называемый „даръ“ (стачечное пособіе).

Большія денежныя средства, какими располагаютъ организаціи, обнимающія всѣхъ рабочихъ даннаго производства, дѣлаютъ ихъ весьма могущественными въ борьбѣ за рабочую плату. Дѣятельность рабочихъ союзовъ не ограничивается, однако, только одной организаціей этой борьбы. Союзы создали цѣлый рядъ кассъ, при помощи которыхъ своими собственными средствами они обезпечили себѣ всѣ тѣ выгоды, какія нѣмецкіе рабочіе получили путемъ принудительнаго страхованія рабочихъ. Даже больше—у нихъ существуетъ и тотъ видъ обезпеченія рабочихъ, который въ Германіи еще до сихъ поръ вовсе не затронутъ закономъ, а именно обезпеченіе на случай безработицы.

Какія значительныя суммы расходуются на разные виды обезпеченія рабочихъ, можно видѣть на примѣрѣ ранѣе упомянутаго союза объединенныхъ машиностроителей. Въ случаѣ безработицы каждый членъ союза получаетъ въ теченіе первыхъ 14 недѣль по 10 шиллинговъ въ недѣлю, въ теченіе послѣдующихъ 30 недѣль—по 7 шиллинговъ и за каждую дальнѣйшую недѣлю послѣ того по 6 шиллинговъ. Въ случаѣ болѣзни, членъ союза получаетъ по 10 шиллинговъ въ недѣлю въ теченіе 26 недѣль и 5 шиллинговъ въ недѣлю въ послѣдующее время. При потерѣ трудоспособности отъ несчастнаго случая, уплачиваютъ 100 фунт. стерл.; членъ союза, достигшій пятидесятилѣтняго возраста и не зарабатывающій уже болѣе своей прежней платы, получаетъ по 7 шил-

лингвѣ въ недѣлю. Въ случаѣ смерти члена союза, его семья получаетъ вспомошествованіе, въ размѣрѣ 15 фунт. стерл. Профессіональные союзы оказываютъ также содѣйствіе въ пріисканіи работы; они ведутъ точную статистику труда и, благодаря этому, во всякое время вполне освѣдомлены какъ о числѣ безработныхъ членовъ, такъ и о свободныхъ мѣстахъ для рабочихъ.

Въ отношеніи своего правового положенія профессіональные союзы также добились значительнаго успѣха; по закону 1871 года они получили полное признаніе и правоспособность. Профессіональные союзы, которые внесли свои уставы въ регистрацію, пользуются правами корпорацій. По статистическимъ даннымъ, относящимся къ началу 1904 года, числится 1166 профессіональных союзовъ съ 1.902.000 членовъ; имущество этихъ союзовъ равняется 90 милліонамъ марокъ.

Не имѣя въ виду обсуждать *in extenso* вопросъ о социальнополитическомъ значеніи профессіональных союзовъ, скажу только, что мнѣнія относительно вліянія этихъ союзовъ расходятся. Одни превозносятъ ихъ, какъ въ высокой степени благодѣтельные учрежденія, могущія служить наилучшимъ средствомъ для достиженія „соціального міра“, и настоятельно рекомендуютъ перенести ихъ въ Германію. Другіе утверждаютъ, что профессіональные союзы своимъ терроризмомъ по отношенію къ предпринимателямъ только ослабляютъ способность англійской промышленности конкурировать съ другими странами.

Я думаю, что слѣдуетъ остерегаться преувеличеній какъ въ одну, такъ и въ другую сторону. Прежде всего не слѣдуетъ забывать, что въ профессіональныхъ союзахъ объединена только незначительная часть всего англійскаго рабочаго класса, а именно только около $\frac{1}{5}$, большинство же рабочихъ пока не организованы. Но и эта $\frac{1}{5}$, организованная въ союзы, представляетъ, во всякомъ случаѣ, значительную силу. Что эта организація не обезпечиваетъ, однако, „соціального міра“, можно видѣть хотя бы по тому факту, что именно Англія, несмотря на свои профессіональные союзы, является въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій ареной самыхъ тяжелыхъ и продолжительныхъ стачекъ. Мы можемъ поэтому вполне вѣрить англійскимъ фабрикантамъ, когда

они заявляютъ, что имъ было бы гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ рабочимъ движеніемъ такого рода, какъ въ Германіи, чѣмъ съ тѣмъ положеніемъ вещей, какое существуетъ въ Англіи. Въ то время, какъ въ Германіи рабочіе затрачиваютъ время, силы и деньги на политическую дѣятельность и участіе въ избирательной борьбѣ, въ Англіи работодателямъ непрерывно досаждаютъ все новыя требованія профессиональныхъ союзовъ. Не одинъ работодатель, прежде чѣмъ ввести новыя машины, бываетъ принужденъ застаться предварительно согласіемъ профессиональнаго союза или въ замѣнъ за введеніе машинъ сдѣлать извѣстныя уступки.

Дѣло, однако, не въ томъ, пріятно или непріятно предпринимателямъ существованіе профессиональныхъ союзовъ; я имѣю въ виду лишь указать на существенную разницу между англійскимъ и нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ: въ Англіи центръ тяжести лежитъ въ *организации защиты хозяйственныхъ интересовъ*, въ Германіи — въ *политической партійной борьбѣ*. Сообразно съ этимъ и стачки рабочихъ разсматриваются въ Англіи съ точки зрѣнія ихъ *хозяйственной цѣлесообразности*, тогда какъ въ Германіи имѣютъ въ виду, по большей части, ихъ вліяніе на политическое положеніе рабочаго класса.

Насъ въ особенности интересуетъ, однако, здѣсь другой вопросъ, на которомъ я долженъ остановиться нѣсколько подробнѣе, а именно вопросъ — о немъ теперь такъ часто говорятъ — дѣйствительно ли въ послѣднее время въ политикѣ англійскихъ рабочихъ союзовъ произошелъ поворотъ въ томъ смыслѣ, что они, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи, стремятся къ осуществленію социалистическихъ тенденцій. Съ тѣхъ поръ, какъ на съѣздѣ союзовъ въ 1894 году была принята резолюція, въ которой *обобщественіе орудій производства* разсматривалось, какъ желательная цѣль, постоянно приходится слышать, что и англійское рабочее движеніе вступило теперь на путь социализма.

Я считаю такой взглядъ ошибочнымъ и думаю, что значеніе этой и ей подобныхъ резолюцій сильно преувеличиваютъ. Впрочемъ уже на Единбургскомъ съѣздѣ 1896 года была принята резолюція въ нѣсколько болѣе смягченной формѣ. Въ то время, какъ на предыдущемъ съѣздѣ высказывалось пожеланіе обобще-

ствленія всѣхъ орудій производства, здѣсь было принято предложеніе, чтобы „парламентскій комитетъ воздѣйствовалъ на законодательство въ цѣляхъ націонализаціи земли, рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ и коммунализаціи водоснабженія, освѣщенія и городскихъ путей сообщенія“. Насколько вожаки союзнаго движенія холодно относились къ „соціалистическимъ“ резолюціямъ, объ этомъ свидѣтельствуеетъ рѣчь предсѣдателя упомянутаго съѣзда, Джона Маллинсона, которою съѣздъ былъ открытъ; онъ подчеркнул, что хотя „наши друзья, соціалисты“ сдѣлали много для пробужденія народовъ, однако тредъ-юніонисты не могутъ вѣрить въ наступленіе соціалистической эры, развитіе должно совершаться шагъ за шагомъ, и предстоитъ еще много борьбы, прежде чѣмъ лучшій духъ проникнетъ во всѣ слои общества. А одинъ изъ вождей англійскихъ соціалистовъ—Кейръ Гарди—призналъ соціалистическую резолюцію выраженіемъ лишь „благого пожеланія“, но не политическаго убѣжденія, которое могло бы быть руководящимъ началомъ для союзниковъ въ ихъ поведеніи и мнѣніяхъ.

Когда англійскіе професіональные союзы постановили резолюцію объ уничтоженіи частной собственности на орудія производства, это была по-просту—употребляя мѣткое выраженіе Брентано—„праздничная идея“, и такія „праздничныя идеи“ присущи всякому представительству крупныхъ интересовъ.

Представители каждаго рода интересовъ почти всегда мечтаютъ, какъ о конечномъ идеалѣ, о томъ, что ихъ классъ или промыселъ достигнетъ наибольшаго вліянія и почета. Когда рабочіе воодушевляются мыслью, что современемъ орудія производства должны принадлежать имъ, то это въ сущности то же, что столь же часто встрѣчаемые утопическіе планы и требованія сельскихъ хозяевъ, ремесленниковъ и другихъ группъ населенія, объединенныхъ общимъ интересомъ. Для правильной оцѣнки всякихъ подобнаго рода союзовъ существенно не то, что составляетъ ихъ идеаль далекаго будущаго, а ихъ практическая мелкая будничная работа и теоретическія основы, изъ которыхъ они при этомъ исходятъ. Въ то время, какъ нѣмецкая соціалъ-демократія видитъ свою главную задачу въ политической агитаціи и всякую иную дѣятельность

отодвигаетъ, по сравненію съ этой, на задній планъ, англійскіе профессиональные союзы вовсе и не представляютъ организованной политической партіи, они входятъ въ каждомъ данномъ случаѣ въ соглашенія съ буржуазными политическими партіями; вся ихъ дѣятельность, по преимуществу, направлена на то, чтобы добиться лучшаго вознагражденія за трудъ, сокращенія рабочаго времени и т. п. Разница эта настолько существенна, что резолюціи за или противъ частной собственности ничего здѣсь измѣнить не могутъ. Достаточно сказать, что еще въ 1882 и 1883 году на съѣздахъ профессиональныхъ союзовъ значительнымъ большинствомъ были отклонены предложенія въ пользу всеобщаго избирательнаго права совершеннолѣтнихъ мужчинъ!

Если даже въ послѣднее время на съѣздахъ трэдъ-юніоновъ большинство заявляетъ себя сторонниками націонализаціи средствъ производства и провозглашаетъ объ этомъ путемъ резолюцій, то уже и этотъ способъ дѣйствій въ высокой степени противорѣчитъ духу марксизма. Какъ будто обобществленіе орудій производства въ смыслѣ ученія Маркса можетъ быть достигнуто рѣшеніемъ большинства! Надо сравнить Эрфуртскую программу нѣмецкой соціалъ-демократіи съ рѣшеніемъ англійскаго съѣзда профессиональныхъ союзовъ, чтобы измѣрить всю пропасть, ихъ раздѣляющую. Какъ твердо установленную догму, какъ научный выводъ изъ всего хода историческаго развитія, выставляетъ Эрфуртская программа положеніе, что экономическое развитіе съ *неизбѣжностью* ведетъ къ обобществленію орудій производства и что классъ рабочихъ завладѣетъ ими, а задача соціалъ-демократіи—подготовить пролетаріатъ къ этой важной роли. Весь смыслъ дѣятельности, направленной на охрану труда и т. д., состоитъ единственно въ томъ, чтобы довести пролетаріатъ возможно сильнымъ и здоровымъ, возможно менѣе подвергшимся вырожденію, подъ вліяніемъ капиталистическаго режима, до того момента, когда общество созрѣетъ для соціалистическаго строя. Но наступленіе этого соціалистическаго строя является для соціалъ-демократіи не подлежащимъ сомнѣнію; событіемъ, которое въ свое время совершится независимо отъ желаній, воли и мнѣній людей. Голосованіе вве-

денія соціалістическаго способа производства представляется для нея чѣмъ-то лишеннымъ всякаго смысла.

Точно такъ же и форма, въ которой мыслится практическое проведеніе въ жизнь соціализма, кореннымъ образомъ различна для обѣихъ направленій. Англійскіе профессиональные союзы новаго направленія имѣютъ въ виду государственный и общинный соціализмъ. „Изъ 60 резолюцій Ливерпульскаго съѣзда профессиональныхъ союзовъ“, говоритъ Джонъ Бэрнсъ „45 являются не болѣе и не менѣе, какъ прямыми требованіями, чтобы государство и общины осуществили для рабочихъ то, что оказался неспособнымъ осуществить старый и новый трэдъ-юніонизмъ; 45 изъ 60 резолюцій требуютъ вмѣшательства государства и общины въ пользу слабаго противъ сильнаго“. И это совершенно противорѣчитъ марксизму, такъ какъ Марксъ неоднократно высказывался противъ государственнаго и общиннаго соціализма.

Въ заключеніе я хотѣлъ бы указать еще на одно весьма важное различіе, въ силу котораго, несмотря на всѣ коллективистическія резолюціи, соціализмъ обѣихъ странъ кореннымъ образомъ расходится. Въ соціализмѣ новыхъ профессиональныхъ союзовъ мы имѣемъ дѣло съ чисто хозяйственнымъ вопросомъ: они требуютъ отъ законодательныхъ органовъ опредѣленнаго экономическаго законодательства въ желательномъ для нихъ направленіи. Въ соціализмѣ же марксизма вопросъ не ограничивается однимъ только хозяйственнымъ моментомъ, дѣло идетъ о новомъ *міросозерцаніи*.

По этому воззрѣнію, всѣ отношенія между людьми зависятъ отъ строя экономическихъ отношеній; съ измѣненіемъ послѣднихъ измѣняются и всѣ остальные отношенія; а, слѣдовательно, пріобрѣтаютъ совершенно иной характеръ вопросы о національности, религіи, бракѣ и весь вообще строй жизни. Германская соціалъ-демократія даетъ этимъ институтамъ рѣзко опредѣленное матеріалистическое объясненіе; такое усложненіе хозяйственной проблемы всѣми другими вопросами человѣческой жизни не встрѣтило никакого отголоска въ англійскомъ соціализмѣ.

Если въ новѣйшее время профессиональные союзы высказываются, по большей части, за установленіе законодательнымъ

путемъ восьмичасового рабочаго дня, то выводить отсюда заключеніе, что въ союзы проникло политическое теченіе, значить переоцѣнивать подобнаго рода резолюціи. Если союзъ, который ясно отвергаетъ политическую агитацію, въ *отдѣльныхъ случаяхъ* и высказывается за извѣстныя законодательныя реформы, то это никакъ не можетъ быть отождествляемо съ тѣмъ, чего требуетъ прежде всего отъ рабочей партіи Марксъ: *политической организаціи*, какъ средства для эмансипаціи класса рабочихъ. Въ различныхъ филантропическихъ обществахъ, въ которыхъ членамъ предоставляется полная свобода въ вопросахъ политики, мы встрѣчаемъ, однако, при случаѣ пропаганду въ пользу такихъ реформъ, какъ восьмичасовой рабочій день и т. п. изъ побужденій чисто гуманитарныхъ. Марксъ требуетъ гораздо большаго: политической дѣятельности, какъ основы и главнаго содержанія всѣхъ усилій.

Что и новѣйшіе профессиональные союзы нерасположены въ пользу политики классовой борьбы, явствуетъ, какъ мнѣ кажется, изъ тщетныхъ усилій Socialdemocratic Federation привлечь на свою сторону необученныхъ рабочихъ. „Дѣйствительная эмансипація труда“—заявлялъ въ 1884 году оффиціальный манифестъ социаль-демократической федераціи къ трэдъ-юніонамъ Великобританіи—„можетъ быть достигнута только объединеніемъ милліоновъ человѣческихъ существъ въ одинъ союзъ, охватывающій весь цивилизованный міръ“. „Прошли времена“—говорится въ воззваніи 1887 года—„разрозненныхъ усилій отдѣльныхъ промысловъ... Рабочій классъ, какъ таковой, не можетъ ничего достигнуть безъ полной организаціи квалифицированныхъ и неквалифицированныхъ рабочихъ всѣхъ промысловъ... Поэтому мы настойчиво призываемъ квалифицированныхъ рабочихъ всѣхъ видовъ промысловъ, принадлежать ли они къ рабочему союзу или нѣтъ, дѣйствовать совмѣстно съ неквалифицированными рабочими и нами, социаль демократами, чтобы такимъ путемъ рабочіе могли сами стать хозяевами орудій производства и создать кооперативную республику для себя и своихъ дѣтей“.

Этотъ призывъ, несмотря на дѣятельную агитацію Гайндмана, не имѣлъ успѣха. Бэрнсъ и Мэннъ, два самыхъ горячихъ сторонника дѣла молодыхъ профессиональныхъ союзовъ, бывшіе членами

соціалъ-демократической федераціи, вышли изъ ея состава. И въ новыхъ союзахъ въ самое послѣднее время революціонный социализмъ ослабѣлъ, уступая все болѣе и болѣе мѣсто закономѣрной оппортунистической политикѣ.

Въ теченіе періода 1850—1880 годовъ не можетъ быть вовсе и рѣчи о какомъ бы то ни было социализмѣ. Главная причина этого явленія кроется, какъ я уже раньше замѣтилъ, въ томъ, что трезвый, склонный къ реальной политикѣ духъ англійскаго рабочаго класса болѣе стремится къ осязательнымъ, непосредственно достижимымъ улучшеніемъ своего хозяйственнаго положенія, чѣмъ къ конечной цѣли, осуществимой, быть можетъ, и сразу, но въ далекомъ будущемъ; благодаря этому, все успѣшнѣе развивающіяся организаціи самопомощи, какъ товарищества и промысловые союзы, представляютъ болѣе подходящую почву для дѣятельности рабочихъ, чѣмъ политическая борьба за освобожденіе пролетаріата. Къ этому присоединяются и другіе моменты.

На смѣну господствовавшему до того времени одностороннему либерально-индивидуалистическому направленію въ политикѣ и экономической наукѣ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ появилось новое направленіе мысли; въ противоположность политикѣ *laissez faire, laissez passer*, оно требовало вмѣшательства государства и законодательства въ интересахъ хозяйственно слабыхъ.

Этой перемѣнѣ способствовало, съ одной стороны, вліяніе Джона Стюарта Милля, который первоначально былъ безусловнымъ приверженцемъ Рикардо, а впослѣдствіи отчасти сталъ на точку зрѣнія государственнаго социализма, и, съ другой, Томаса Карлейля друга и поклонника Гете и біографа Фридриха Великаго; онъ оказалъ большое вліяніе на широкіе слои образованной публики своими популярными сочиненіями, въ которыхъ критиковалъ атомистическіе взгляды политической экономіи.

Карлейль, послѣ Оуэна, имѣлъ наибольшее вліяніе на общественно-политическія идеи въ Англии. Онъ былъ противникомъ какъ социализма, такъ и индивидуализма. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ и наиболѣе энергичныхъ социаль-реформаторовъ. Напрасно, впрочемъ, было бы искать въ экономическихъ работахъ Карлейля—удачный выборъ ихъ изданъ на нѣмецкомъ языкѣ

Гензелемъ, подъ заглавіемъ *Socialpolitische Schriften von Carlyle*—положительной социаль-реформаторской программы. Онъ былъ далекъ отъ того, чтобы предлагать проекты социаль-политическихъ законовъ. Главная сила этого послѣдователя кантовскаго идеализма состояла въ отрицаніи манчестерскаго принципа *laissez faire, laissez aller* и въ беспощадной критикѣ поверхностной философіи утилитаризма.

„Въ это смутное время,—воскликаетъ онъ—когда единственнымъ звеномъ между однимъ и другимъ человѣкомъ является наличный платежъ, рабочіе классы человѣчества беспорядочно, но слишкомъ выразительно возвѣстили нерабочимъ, что они желаютъ быть управляемыми, что имъ нужно быть управляемыми,—они возвѣстили это подъ угрозой чартизма, фанатическихъ поджоговъ и еще худшихъ вещей“.

Карлейль требовалъ организаціи народнаго хозяйства, вмѣсто той его дезорганизаціи, какая свойственна системѣ свободной конкуренціи; но онъ не требовалъ социалистическаго строя à la С. Симонъ; онъ желалъ, чтобы государство и каждый отдѣльный человѣкъ оставили „философію эгоизма“, и чтобы прежде всего работодатели прониклись „социальнымъ духомъ“ по отношенію къ своимъ рабочимъ. Его идеаломъ было, чтобы крупные капиталисты стали „вождями промышленности“ и были въ такомъ же отношеніи къ своимъ рабочимъ, какъ „полководцы“ къ войску.

Онъ обращался съ воззваніемъ къ работодателямъ Англіи, убѣждая ихъ считать собственные интересы солидарными съ интересами ихъ рабочихъ: „вы подчинили себѣ хлопокъ, который произрасталъ до сихъ поръ безъ пользы, никѣмъ не замѣчаемый, подобно сорной травѣ у дороги. Вы раздробили на куски скалы и твердое желѣзо сдѣлали ковкимъ. Самъ Эгиръ, духъ моря, простеръ свой хребетъ и сталь для васъ гладкой дорогой. Грохоча, везутъ васъ желѣзные кони. Вы могучи! Вы и здѣсь внесете порядокъ въ хаосъ, вы, отважный народъ германцевъ, сумѣвшій уже однажды заново устроить распавшійся было міръ“.

Блестяще написанныя статьи Карлейля много содѣйствовали тому, что радикально-манчестерскія воззрѣнія уступали постепенно мѣсто настроенію, болѣе благопріятно относившемуся къ введенію

соціально-политическихъ законовъ: однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ этого вліянія былъ законъ о десятичасовомъ днѣ 1847 года; по этому закону рабочій день для женщинъ и дѣтей былъ ограниченъ десятью часами.

Надо принять далѣе во вниманіе и то обстоятельство, что полнѣйшее отсутствіе какого бы то ни было политическаго гнета затрудняло появленіе рѣзко оппозиціонныхъ теченій, и вы поймете, что всѣ эти обстоятельства въ совокупности объясняютъ причину, почему въ Англіи не было подходящей почвы для соціалистическихъ стремленій.

Только съ начала 80-хъ годовъ возникаютъ кое-какія соціалистическія организаціи, но онѣ и до настоящаго дня еле влачатъ свое существованіе.

Одна изъ такихъ трехъ организацій—это основанное въ 1883 году общество фэбианцевъ. Оно имѣетъ только 700 членовъ, не представляетъ собою ни политической, ни рабочей партіи, и лишь является научнымъ обществомъ, посвященнымъ изученію и распространенію доктринъ соціализма. Оно стремится лишь возбудить интересъ къ муниципальнымъ и государственнымъ соціалистическимъ мѣропріятіямъ, дать правильное о нихъ понятіе и внести въ политическія партіи, а именно въ партію либеральную, соціалистическія идеи: to permeate the liberal party with socialism является для Сиднея и Беатрисы Веббовъ, Бернарда Шо и другихъ фэбианцевъ главною цѣлью ихъ союза.

Въ противоположность имъ, Socialdemocratic Federation, основанная въ 1881 году, имѣетъ въ виду политику и политическую дѣятельность и притомъ, по возможности, въ полномъ согласіи съ идеями Карла Маркса. Ея вожди Гайндманъ и Бельфортъ Баксъ рѣшительные марксисты и книга перваго „Economies of Socialism“ не что иное, какъ выдержки изъ сочиненій Карла Маркса.

Эта партія располагаетъ, однако, не болѣе, какъ тысячами двумя членовъ и благодаря своей малочисленности едва ли можетъ быть принимаема во вниманіе. То обстоятельство, что она до сихъ поръ не нашла для себя благопріятной почвы въ Англіи, объясняется, быть можетъ, именно тѣмъ, что идеи марксизма, столь

пригодныя для тактики и организаціи въ Германіи, вовсе не подходят къ совершенно отличнымъ англійскимъ условіямъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о третьей организаціи—основанной въ 1892 году Independent labor party. И эта партія, во главѣ которой стоитъ Кейръ Гарди, имѣетъ въ виду политическую дѣятельность, въ частности стремится оказывать вліяніе на выборы. Въ противоположность, однако, предыдущей партіи, она не стоитъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы, но желаетъ осуществить идею примиренія всѣхъ классовъ. Она относится съ большимъ сочувствіемъ къ рабочимъ союзамъ и товариществамъ и старается все болѣе и болѣе привлечь ихъ на сторону социалистическихъ идей.

Всѣ три социалистическія организаціи не могли, однако, достигнуть того, чтобы въ англійскомъ парламентѣ появилась социалистическая партія. Въ англійскомъ парламентѣ нѣтъ ни одного представителя, которой былъ бы избранъ въ качествѣ представителя одной изъ социалистическихъ партій, за исключеніемъ развѣ вышеупомянутаго Кейръ Гарди, да и тотъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, совершенно отличной отъ нѣмецкой социаль-демократіи,—онъ представляетъ собою скорѣе типъ прогрессивнаго сторонника рабочихъ союзовъ и товариществъ.

Никоимъ образомъ нельзя объяснять этого обстоятельства ссылкой на отсутствіе въ Англии всеобщаго избирательнаго права въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи и Франціи; со времени избирательной реформы 1884 года избирательное право въ Англии во всякомъ случаѣ настолько широко, что рабочіе составляютъ $\frac{7}{10}$ всего числа избирателей; но они предпочитаютъ подавать свои голоса за представителей одной изъ большихъ англійскихъ партій.

Тринадцать такъ называемыхъ представителей-рабочихъ, заседающихъ въ Нижней Палатѣ въ числѣ ея 670 депутатовъ, ни въ какомъ случаѣ не представляютъ собою социаль-демократовъ въ германскомъ смыслѣ и даже не являются представителями какой-либо самостоятельной рабочей партіи. Собственно говоря, терминомъ labour members называются такіе члены либеральной партіи, расходы по избранію и діеты которыхъ уплачи-

ваетъ какая-либо рабочая организація. Этого рода labour members, встрѣчаются обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ концентрируется какое-либо хорошо организованное производство и рабочее население избираетъ представителемъ свое довѣренное лицо.

Соціалистическимъ организаціямъ удается собрать въ пользу самостоятельно выставляемыхъ ими кандидатовъ всегда очень небольшое число голосовъ. На послѣднихъ выборахъ (осенью 1900 года) обѣ соціалистическія партіи получили вмѣстѣ всего 50.000 голосовъ.

Такимъ образомъ, представленіе о пролетаріатѣ, проникнутомъ классовымъ сознаніемъ, въ смыслѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи, совершенно противорѣчитъ англійскимъ понятіямъ. Въ послѣднее время не было недостатка въ попыткахъ привести различныя соціалистическія теченія къ соглашенію и такимъ образомъ придать большее единство соціалистическому движенію.

Съ этою цѣлью былъ основанъ въ 1899 году Labour representation committee. Этотъ комитетъ возникъ въ силу резолюціи съѣзда трэдъ-юніоновъ и долженъ былъ объединить всѣ тѣ рабочія организаціи, включая сюда и соціалистическія, которыя заявляютъ себя сторонниками рабочаго представительства въ парламентѣ, независимаго отъ обѣихъ буржуазныхъ партій. Профессіональная дѣятельность Trade Union'овъ должна была превратиться въ политико-агитаторскую.

Но этотъ опытъ объединенія оказался неудачнымъ; не только Social democratic federation, присоединившаяся было къ комитету, вскорѣ затѣмъ объявила о своемъ выходѣ, но и во всемъ прочемъ члены комитета, не обращая вниманія на соглашеніе, дѣйствовали, какъ и раньше, въ смыслѣ либеральной партіи, такъ, на примѣръ, депутаты рабочихъ Бэлль, Шакльтонъ и Круксъ. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и извѣстныхъ вождей рабочаго движенія, Джонъ Бэрнсъ, заявилъ при самомъ основаніи L. R. C.: „Мы должны разсматривать партіи и политическія мѣропріятія исключительно съ точки зрѣнія общечеловѣческой и не руководиться классовыми организаціями“. Машиностроители, примкнувшіе къ L. R. C., послали снова своего делегата на послѣдній (Сент. 1905) съѣздъ профессиональныхъ союзовъ. Пред-

ложеіе слить съѣздъ профессиональныхъ союзовъ съ L. R. C. было отклонено. Такимъ образомъ дѣйствительное развитіе англійскаго рабочаго движенія обнаружило ошибочность предсказаній Энгельса, который, подъ впечатлѣніемъ выборовъ 1892 года, говорилъ: „Когда въ недалекомъ будущемъ станетъ ясно, что новому парламенту нечего ждать отъ господина Гладстона, а господину Гладстону нечего ждать отъ парламента, тогда рабочая партія окажется въ достаточной степени подготовленной, чтобы положить конецъ игрѣ въ качели обѣихъ старыхъ партій, смѣняющихъ другъ друга у власти и такимъ образомъ обезпечивающихъ безсмѣнное господство буржуазіи“.

VIII ЛЕКЦІЯ.

Соціалізмъ во Франціи. I.

Кто путешествовалъ по Франціи во время послѣднимъ парламентскихъ выборовъ, тотъ могъ наблюдать, какъ въ нѣкоторыхъ городахъ изъ-за одного депутатскаго мѣста въ избирательномъ округѣ вели другъ съ другомъ энергичную борьбу представители семи различныхъ соціалистическихъ партій.

Намъ, знающимъ въ Германіи только одну соціаль-демократическую партію, это обстоятельство кажется столь же страннымъ, какъ и тотъ недавній случай въ парламентской исторіи Франціи, когда депутатъ соціалистъ Мильеранъ въ теченіе двухъ лѣтъ былъ министромъ торговли.

Такимъ образомъ, и по отношенію къ Франціи мы должны прежде всего констатировать фактъ, что здѣсь рабочее движеніе кореннымъ образомъ отличается отъ нашего.

Характерной особенностью является прежде всего крайняя раздробленность. Постоянно возникаютъ новыя соціалистическія партіи, изъ которыхъ однѣ скоро исчезаютъ, чтобы дать мѣсто другимъ. Въ этихъ партіяхъ можно встрѣтить всевозможные оттѣнки. Рядомъ съ марксистскою, мы встрѣчаемъ партіи радикально-революціонныя, государственно-соціалистическихъ реформъ, полуанархическія; рядомъ съ партіями, стоящими на почвѣ чистой классовою борьбы,—партіи съ характеромъ мелко-буржуазнымъ, склонныя къ сдѣлкамъ съ партіями чисто буржуазными.

Моей задачей въ этой и слѣдующей главѣ будетъ показать, какъ развитіе соціализма во Франціи привело къ образованію такого пестраго собранія образчиковъ партій. Прежде всего я долженъ вкратцѣ отмѣтить, что и здѣсь причиною такого развитія являются извѣстныя національныя особенности характера фран-

цузскаго народа, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто и по отношенію къ характеру развитія социализма въ Англіи.

Французскихъ рабочихъ не такъ легко привести въ политикѣ къ одному знаменателю, какъ это можно сдѣлать въ Германіи. Большой интересъ къ политикѣ, какой мы замѣчаемъ во Франціи во всѣхъ классахъ народа, сверху и до самаго низу, служитъ причиною многосторонности и разнообразія партійной жизни. Крупныя революціонныя движенія, свидѣтельницами которыхъ была Франція, создали массу политическихъ сектъ и много радикальныхъ партій, выступавшихъ съ тѣми или иными планами всемірныхъ улучшеній, и каждая изъ такихъ сектъ и партій собираетъ вокругъ себя толпу приверженцевъ.

Къ этому присоединяется, далѣе, слѣдующее обстоятельство. Во Франціи большую роль играютъ мелкое производство, классъ мелкой буржуазіи и крестьянства. Рядомъ съ настоящимъ пролетаріатомъ имѣетъ большое значеніе, въ численномъ отношеніи, классъ мелкой буржуазіи, такъ что партіи, имѣющія въ виду отстаивать интересы менѣе состоятельныхъ слоевъ общества противъ буржуазіи и крупнаго капитала, въ силу необходимости должны принимать во вниманіе и эти мелко-буржуазные интересы. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить непоследовательность, съ какою марксисты во Франціи предъявляютъ къ законодательству рядъ требованій [въ интересахъ крестьянъ, не смотря на то, что въ своей программѣ они ясно указываютъ на неизбежность гибели этого класса.

Далѣе, третье обстоятельство: сильно развитое у французскаго народа чувство свободы, благодаря чему ему не приходится по вкусу такое полное подчиненіе личности центральному хозяйственному органу, какого требуетъ социализмъ Маркса.

Съ этой точки зрѣнія, французскій социалистъ Финансъ явился, безъ сомнѣнія, выразителемъ мнѣній многихъ своихъ соотечественниковъ, когда, рѣзко выступая на марсельскомъ конгрессѣ 1879 года противъ марксистовъ, заявилъ: „никогда не подчинятся свободолюбивые французы коллективистическимъ системамъ съ ихъ полнымъ упраздненіемъ личной свободы и тираническимъ господствомъ большинства“.

Ища первые зачатки социалистическаго движенія во Франціи, ошибочно было бы начинать съ Великой Французской Революціи; какъ я уже говорилъ въ вступительной главѣ, это великое политическое движеніе не носило социалистическаго характера. Оно представляло собою освободительное движеніе, имѣвшее цѣлью уничтоженіе феодальныхъ и цеховыхъ оковъ, задерживавшихъ въ дореволюціонный періодъ развитіе буржуазіи.

Тэнъ—историкъ великой французской революціи—различаетъ въ ней два движенія: одно, сражавшееся подъ трехцвѣтной кокардой, и другое—подъ красной шапкой; послѣднее, представлявшее собою какъ бы болѣе высокую, но менѣе объемистую волну, онъ сводитъ къ *haine de la propriété* пролетаріата столицы—и въ этомъ онъ правъ; только не слѣдуетъ забывать, что это социалистически-коммунистическое движеніе было лишь отпрыскомъ Великой Революціи; послѣдняя же, по самому характеру своему, должна была привести къ возвышенію тѣхъ классовъ общества, противъ которыхъ направленъ социализмъ, а именно буржуазіи.

Въ движеніи конца 18 столѣтія дѣло шло не о борьбѣ труда съ капиталомъ, классовъ неимущихъ съ имущими, а о противоположности политическихъ привилегій дворянства и духовенства политическому безсилію третьяго сословія. Это третье сословіе, объявившее себя 17 іюня 1789 года національнымъ собраніемъ, вслѣдствіе нежеланія признать привилегію дворянства и духовенства—голосовать по сословіямъ, состояло изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества: богатые фабриканты и купцы, ученые и чиновники принадлежали сюда наряду съ крестьянами и простыми рабочими. Они совмѣстно вели борьбу противъ привилегій въ замѣщеніи должностей, въ обложеніи податями и другихъ сословныхъ преимуществъ.

Ночь 4 августа 1789 года, уничтожившая всѣ эти привилегіи, была Вартоломеевою ночью не для собственности, а лишь для извѣстныхъ публично-правовыхъ привилегій. Какъ мало Великая Революція носила социально-экономическій характеръ, можно усмотрѣть изъ того, что самый важный хозяйственно-правовой институтъ, право собственности, не только не подвергся нападкамъ, но былъ провозглашенъ „неотъемлемымъ правомъ человѣка“.

Провозглашеніе правъ челоуѣка, уничтожившее, правда, преимущество рожденія, но въ то же время обезпечившее неприкосновенность собственности, составляетъ базисъ конституціи 1791 года; эта конституція, будучи далека отъ мысли провозгласить *соціальное* равенство, не обезпечила вполнѣ даже равенства политическаго. Избирательное право было связано съ платежемъ налога. Точно такъ же и въ чисто демократической конституціи 1793 года собственность была объявлена неотъемлемымъ правомъ.

Національныя мастерскія, основанныя во время Великой Французской Революціи, не имѣли цѣлью служить способомъ осуществленія гарантированнаго основнымъ закономъ права на трудъ: это были чисто благотворительныя учрежденія. Право на трудъ не было въ то время признаваемо. Хотя въ 1789 году Малюз и Тарже сдѣлали въ Національномъ Собраніи попытку включить это право въ основные законы, но оба раза предложеніе было отклонено.

Хотя Великая Революція имѣла въ основѣ своей политической характеръ, но я не хочу отрицать ея вліянія на экономическія и соціальныя отношенія. Устраненіе феодальныхъ привилегій имѣло глубокое значеніе для хозяйственнаго развитія Франціи. Важнѣйшимъ послѣдствіемъ въ экономическомъ отношеніи было то, что съ уничтоженіемъ цеховъ и всѣхъ промысловыхъ привилегій при свободѣ промышленности и подъ вліяніемъ все болѣе распространяющагося машиннаго производства, развилось то именно противорѣчіе между капиталомъ и трудомъ въ крупной промышленности, которое и составило содержаніе послѣдующихъ фазисовъ соціальной борьбы.

Во время Великой Революціи не было, правда, недостатка въ нападкахъ на собственность; но онѣ являлись, какъ я объяснилъ выше, лишь дикимъ отпрыскомъ на почвѣ исходной теоріи исключительно политическаго равенства.

Послѣ того, какъ Руссо развилъ политическую доктрину, что естественное равенство людей должно вести къ равенству политическихъ правъ гражданъ, были попытки перенести ученіе о политическомъ равенствѣ въ экономическую область.

Я назову соціалистовъ Морелли, Мабли, Бриссо и Бабѣфа,

какъ оказавшихъ наибольшее вліяніе въ періодъ до и во время Великой Революціи.

Морелли, авторъ утопіи „Naufrage des îles flottantes“, подвергшись за это сочиненіе рѣзкимъ нападкамъ критики, выпустилъ въ отвѣтъ на нихъ въ 1755 году книгу „Code de la nature“; въ ней онъ рѣзко нападалъ на собственность, видя въ этомъ учрежденіи источникъ всѣхъ пороковъ, въ особенности же высокомерія и своекорыстія. Онъ требовалъ коммунистической организаціи общества и выставилъ слѣдующее положеніе: „tout citoyen sera homme public, sustenté, entretenu et occupé aux dépens du public“.

Мабли, въ своемъ сочиненіи „De la législation, ou principes des lois“ (1776), восхваляетъ преимущества общности имущества. На замѣчаніе, что личный интересъ необходимъ, въ качествѣ стимула для болѣе ревностной хозяйственной дѣятельности, онъ возражаетъ ученіемъ о прирожденномъ человѣку инстинктѣ къ труду.

Бриссо уже въ 1780 году, т. е. за 60 лѣтъ до Прудона, въ сочиненіи „Sur la propriété et le vol“ называетъ собственность кражей. „Размѣръ нашихъ потребностей, говоритъ Бриссо, долженъ быть мѣрой нашего имущества, и если 40 талеровъ достаточно для того, чтобы поддержать наше существованіе, то обладаніе 200 талеровъ является воровствомъ, несправедливостью“.

Бабѣфъ въ эпоху революціи не только провозгласилъ въ теоріи полнѣйшее уравниеніе имущества, какъ единственно правильный конечный выводъ изъ принципа равенства, но предпринялъ и практическую попытку осуществить свои идеи; въ 1795 году онъ, вмѣстѣ съ друзьями, „равными“, основалъ тайное общество для ниспроверженія правительства Директоріи и осуществленія новыхъ соціальныхъ началъ. Все уже было готово къ дѣйствию, когда заговоръ былъ открытъ, заговорщики арестованы и самъ Бабѣфъ 26 мая 1798 года казненъ.

Въ то время, какъ въ Великой Французской Революціи появленіе на сцену соціального вопроса было лишь однимъ изъ эпизодовъ движенія, соціальная проблема составляла основу и центръ тяжести Февральской Революціи: только послѣ ниспроверженія

феодалнаго строя, послѣ освобожденія народнаго хозяйства отъ цеховыхъ оковъ и другихъ привилегій могла развиваться эра капитализма. Этому помогъ и ростъ промышленности въ эпоху продолжительнаго мира, наступившаго въ періодъ реставраціи и развитія современной техники машиннаго производства. Къ этому времени во Франціи совершился переворотъ въ промышленности, подобно тому, какъ это раньше случилось въ Англіи, благодаря изобрѣтенію прядильной машины, механическаго ткацкаго станка, примѣненію силы пара и т. д. Во времена Имперіи числилось едва 15 заведеній съ паровыми машинами, въ 1830 году ихъ было уже 625. Подобно тому, какъ въ Англіи появленіе машиннаго производства вызвало рядъ золъ, особенно въ положеніи женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ, что привело уже съ 1802 года къ изданію законовъ по охранѣ труда, такъ точно и во Франціи стали наблюдаться подобныя же прискорбныя явленія, хотя и не въ такой рѣзкой формѣ.

Какъ рассказываетъ Левассеръ въ своей „Исторіи рабочихъ классовъ во Франціи“, на бумагопрядильныхъ фабрикахъ можно было встрѣтить 5-ти и 6-тилѣтнихъ дѣтей, работавшихъ по 14—15 часовъ въ сутки; заправляя волокна, они падали безъ силъ отъ усталости.—Графъ Таше сообщалъ въ палатѣ пэровъ о случаяхъ, когда фабриканты понуждали дѣтей къ работѣ побоями. Многіе промышленники сами жаловались на это зло, но каждый въ отдѣльности, въ силу конкуренціи, былъ безсиленъ бороться съ нимъ. Въ 1827 году владѣлецъ одной прядильни обратилъ на этотъ вопросъ вниманіе промышленнаго общества въ Мюльгаузенѣ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе десяти лѣтъ общество не переставало указывать на это прискорбное явленіе и путемъ петицій требовало у Палаты содѣйствія къ его устраненію. Академія политическихъ и нравственныхъ наукъ возложила на одного изъ своихъ сочленовъ, Вильермэ, порученіе посѣтить фабрики и составить отчетъ о положеніи рабочихъ классовъ. Этотъ отчетъ, какъ и многіе другіе, вовсе не проникнутые соціалистическими идеями, подтвердилъ печальное положеніе дѣлъ въ вопросѣ объ эксплуатаціи дѣтскаго и женскаго труда. Въ особенности отчетъ Виль-

ермэ обнаружилъ массу ужасающихъ фактовъ и указывалъ на настоящую необходимость принятія какихъ-либо мѣръ.

Экономистъ Адольфъ Бланки, братъ извѣстнаго революціонера, объѣздившій промышленные округа Франціи въ 1848 году по порученію Académie des Sciences morales et politiques, съ цѣлью изученія положенія рабочихъ, сообщаетъ, что въ большинствѣ прядильныхъ фабрикъ онъ нашелъ 14—15-тичасовой рабочей день, крайне вредно отражающійся на здоровьѣ и нравственности рабочихъ, особенно юнаго возраста.

Іюльское правительство относилось къ такому положенію дѣлъ совершенно пассивно. Оно и въ этомъ вопросѣ оставалось вѣрно своему общему принципу отстаивать только интересы буржуазіи. Поистинѣ никогда и ни въ одной странѣ не было правительства, которое такъ односторонне представляло бы собою интересы капитала, какъ правительство короля-буржуа. Вполнѣ справедливо получилъ Луи Филиппъ прозвище „roi des agioteurs“. Благодаря высокому избирательному цензу въ 200 франковъ налогового оклада, страна управлялась согласно съ интересами 200000 наиболее богатыхъ гражданъ, которые одни только и обладали избирательнымъ правомъ. Токвилль удачно сравниваетъ іюльское правительство съ торговой компаніей. Каждая правительственная мѣра оцѣнивалась съ точки зрѣнія прибыли, какую могъ извлечь изъ нея господствующій классъ. Трейчке, упоминая о „золотыхъ дняхъ буржуазіи“, дѣлаетъ справедливый упрекъ Луи Филиппу, что онъ, при всей своей добротѣ, не проявлялъ прекраснѣйшей добродѣтели монарха вступаться за угнетенныхъ. Подобное же сужденіе высказываетъ и Джонъ Стюартъ Милль: „De même que Napoléon avait cultivé l'amour de la gloire militaire comme son grand moyen d'action sur la multitude, de même Louis Philippe chercha à absorber la France dans le culte des Intérêts matériels, dans la Religion de la Banque et du Grand-Livre“. Это былъ типъ классоваго господства: буржуазія имѣла случай оказывать вліяніе на правительство въ такой мѣрѣ, какъ никогда ни до, ни послѣ этого. Народные представители обращали больше вниманія при каждомъ законопроектѣ на свои личные интересы, чѣмъ на общее благо или величіе народа.

Точно такъ же и въ рабочемъ вопросѣ іюльское правительство не отреклось отъ своего плутократическаго характера. Несмотря на скверное положеніе дѣтскаго и женскаго труда, несмотря на постоянныя жалобы самихъ фабрикантовъ, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ правленія Луи Филиппа не было издано ни одного закона по охранѣ труда. Наконецъ, въ январѣ 1840 года, правительство внесло въ палату пэровъ проектъ закона о рабочихъ, не заключавшій, однако, въ сущности ничего больше, кромѣ предоставленія правительству полномочій опредѣлять продолжительность рабочаго времени, смотря по обстоятельствамъ, для рабочихъ въ возрастѣ до 16 лѣтъ. Во время парламентскаго обсужденія этотъ проектъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ. Но и получившійся въ конечномъ результатѣ законъ объ охранѣ рабочихъ, отъ 22 марта 1841 года, заключалъ въ себѣ лишь постановленія, запрещающія на фабрикахъ работу дѣтей, ниже 8-милѣтняго возраста, и ограничивавшія продолжительность рабочаго времени въ возрастѣ отъ 8 до 12 лѣтъ 8 часами, и отъ 12 до 16 лѣтъ 12 часами въ сутки. Этимъ все и исчерпывалось; приведенныя постановленія, сами по себѣ недостаточныя, къ тому же и не соблюдались строго. Но если, съ одной стороны, іюльское правительство такъ мало сдѣлало для охраны труда, то, съ другой, оно приняло много мѣръ для подавленія свободы слова и права коалицій.

Въ „Исторіи февральской революціи“ Даниеля Стерна приведено не менѣе 10 подобныхъ репрессивныхъ законовъ, принятыхъ въ парламентѣ значительнымъ большинствомъ голосовъ, начиная съ 1830 года.

Сильное недовольство широкихъ круговъ общества существующими экономическими отношеніями служитъ объясненіемъ того факта, что къ этому времени во Франціи образовалось много социалистическихъ сектъ, собравшихъ вокругъ себя многочисленныхъ приверженцевъ.

Теоретическія воззрѣнія извѣстной части французскихъ социалистовъ этого времени были высказаны впервые еще въ концѣ 18-го и началѣ 19-го столѣтія: въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ

болѣе или менѣе многочисленные сторонники сгруппировались вокругъ этихъ и другихъ социалистическихъ доктринъ.

Представителями государственнаго социализма являлись сенъ-симонисты, ушедшіе однако въ своихъ практическихъ предположеніяхъ значительно дальше своего учителя, графа С. Симона. Послѣдняго едва ли можно назвать социалистомъ, такъ какъ онъ не имѣлъ въ виду покушаться на существованіе частной собственности: онъ желалъ лишь преобразованія политической власти въ томъ смыслѣ, чтобы труду, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, было предоставлено большее вліяніе на публичные дѣла.

Постоянно подчеркивая въ своихъ сочиненіяхъ ту мысль, что должно наступить „господство труда“, онъ вовсе не подразумѣвалъ при этомъ господство рабочихъ въ противоположность работодателямъ; онъ имѣлъ въ виду, собственно, всю промышленность вообще. Онъ желалъ, чтобы вмѣсто „праздношатающихся придворныхъ“, какъ онъ выражался, вмѣсто цѣлой арміи чиновниковъ, священниковъ, судей и т. д., руководящая роль въ политической жизни была предоставлена въ первую очередь людямъ практики. Онъ высказываетъ это совершенно ясно въ эпиграфѣ къ своей „*Système des industriels*“:

„Я пишу въ защиту промышленниковъ противъ дворянъ и придворныхъ, т. е. я пишу въ защиту пчелъ противъ трутней“.

Управленіе страной должно сообразоваться съ желаніями и потребностями производительнаго труда, т. е. промышленности. А такъ какъ въ этомъ отношеніи наиболѣе освѣдомленными являются лица, занятые въ промышленности, то имъ и должна быть предоставлена первая роль въ законодательствѣ. Объ экспропріаціи частнаго капитала С. Симонъ вовсе не думалъ. Онъ желалъ всегда и постоянно только одного: чтобы направленіе законодательства опредѣлялось духомъ „новаго христіанства“, имѣющаго цѣлью умственный и нравственный подъемъ широкихъ массъ народа.

Сенъ-симонисты пошли значительно дальше своего учителя. Они называли процентъ и ренту *преміей*, взимаемой собственникомъ съ труда—собственность создаетъ эксплуатацію чловѣка

человѣкомъ. Ихъ практическіе проекты сводились къ идеѣ объединенія всѣхъ людей въ одну общую ассоціацію. При этомъ, однако, отдѣльныя государства должны оставаться и взять въ свои руки регулированіе всего производства и потребленія. Центральный банкъ долженъ распоряжаться всей землею и всѣмъ капиталомъ. Онъ долженъ распредѣлять всѣ промышленныя и торговыя занятія, наблюдать за ними и заботиться о томъ, чтобы средства производства предоставлялись тѣмъ, кто могъ употребить ихъ въ дѣло наилучше. Банкъ долженъ приводить въ извѣстность спросъ на продукты во всѣхъ отрасляхъ производства и сообразно съ этимъ организовать производство. Далѣе, частное право наслѣдованія должно быть уничтожено: всякій долженъ имѣть занятіе по своимъ способностямъ и получать вознагражденіе по своимъ дѣламъ. Въ 1831 году 40000 человекъ исповѣдали уже религію Сень-симонизма, и, хотя вскорѣ послѣ того Сень-симонистская община распалась, лежавшія въ основѣ ея идеи не потеряли вполнѣ своего вліянія на широкіе слои народа.

Наряду съ С. Симономъ большое вліяніе на массы оказывалъ Фурье. Уже въ своемъ первомъ сочиненіи „*Théorie des quatre mouvements*“ Фурье подвергалъ рѣзкой критикѣ частноправную систему хозяйства и въ частности называлъ купцовъ и торговыхъ посредниковъ эксплуататорами. Въ его сочиненіяхъ мы встрѣчаемъ блестящія, остроумныя критическія замѣчанія рядомъ съ массой странныхъ и подчасъ ни съ чѣмъ несообразныхъ мыслей.

Фурье былъ первымъ представителемъ идеи „права на трудъ“ въ ея теперешнемъ смыслѣ. Онъ рѣзко критиковалъ ограниченіе теоріи прирожденныхъ правъ человѣка исключительно областью правъ политическихъ, такъ какъ, по его мнѣнію, основныя экономическія права имѣютъ гораздо болѣе важное значеніе для народныхъ массъ. Въ естественномъ состояніи дикарь имѣлъ право охотиться, ловить рыбу, собирать плоды, пасти свой скотъ всюду, гдѣ ему заблагоразсудится. Въ состояніи социальномъ, когда природа уже подверглась оккупации, осуществленіе этого основного экономического права уже не мыслимо, поэтому оно должно быть замѣнено соотвѣтствующимъ эквивалентомъ. Этотъ эквивалентъ Фурье называетъ то правомъ на трудъ, то правомъ

на существованіе, то правомъ на минимальныя средства существованія. Для практическаго переустройства общества Фурье предлагаетъ, чтобы люди жили въ большихъ общихъ помѣщеніяхъ, т. наз. фаланстеріяхъ. Въ нихъ всѣ домашнія, промышленныя, научныя и торговыя работы должны быть организованы по общему детально составленному плану такимъ образомъ, чтобы потребности всѣхъ людей нашли себѣ гармоническое удовлетвореніе, и въ то же время былъ обеспеченъ наибольшій результатъ производства.

Въ фаланстеріяхъ, однако, не должно господствовать полное равенство. Продуктъ труда дѣлится между капиталомъ, трудомъ и талантомъ такимъ образомъ, чтобы на долю капитала доставалось $\frac{4}{12}$, на долю труда $\frac{5}{12}$ и на долю таланта $\frac{3}{12}$ изъ общаго результата производства. Путемъ періодическихъ изданій, брошюръ и т. п. фурьеристы развили сильную агитацію.

Представителями *христіанскаго соціализма* были Пьеръ Леру и его школа. Пьеръ Леру требовалъ равенства матеріальныхъ благъ, исходя изъ религіозной точки зрѣнія; и при томъ только одна религія, по его мнѣнію, можетъ помочь дѣлу: мертвое христіанство должно быть замѣнено новымъ христіанствомъ, первой задачей котораго было бы установленіе матеріальнаго равенства, съ цѣлью устраненія въ мірѣ нужды и нищеты.

Далѣе, въ 40-хъ годахъ, Луи Бланъ во Франціи, подобно тому какъ лѣтъ двадцать спустя Фердинандъ Лассаль въ Германіи, дѣятельно пропагандировалъ соціализмъ кооперативныхъ ассоціацій съ правительственной поддержкой. Бланъ усматривалъ источникъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій въ свободной конкуренціи, благодаря которой рабочій эксплуатируется работодателемъ. Противъ такого общественнаго строя,—сказалъ онъ на одномъ изъ рабочихъ собраній — который дѣлаетъ несчастными огромное число моихъ братьевъ, принесъ я клятву Ганнибала“. Въ сочиненіи „*Organisation du travail*“ онъ предлагаетъ, чтобы государство оказывало кредитъ производительнымъ товариществамъ рабочихъ и такимъ путемъ давало имъ возможность успѣшно конкурировать съ капиталистами.

Рядомъ съ Луи Бланомъ, Кабэ также удалось собрать во-

кругъ себя многочисленныхъ приверженцевъ и воодушевить ихъ своими утопическими планами. Этотъ французскій утопистъ избралъ для изложенія своихъ социальныхъ идей форму романа, какъ въ наше время сдѣлали это Беллами и Герцка, а 350 лѣтъ тому назадъ Томасъ Морусъ съ успѣхомъ, не имѣвшимъ до сихъ поръ себѣ равнаго. Кабэ изобразилъ въ своемъ „Путешествіи въ Икарію“ государство, устроенное на новыхъ коммунистическихъ началахъ. Подобно многимъ утопистамъ, и онъ хотѣлъ сдѣлать практическую попытку осуществленія своего „новаго общества“—нашлось свыше 400 человекъ, эмигрировавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Америку, чтобы основать тамъ „Икарію“—извѣстно, какъ печально кончилось все это предпріятіе. Большое вліяніе на народныя массы пріобрѣлъ также Прудонъ. Я изложилъ уже его социальную систему въ первой лекціи, трактующей объ анархизмѣ.

Она представляетъ то существенное отличіе отъ всѣхъ остальныхъ социалистически-коммунистическихъ системъ, что основана на полной свободѣ. Благодаря именно этому обстоятельству она нашла во Франціи такое большое число приверженцевъ и одно время играла даже первенствующую роль въ рабочемъ движеніи.

Прудонъ—какъ я указывалъ вамъ уже раньше—усматривалъ въ *деньгахъ* и *процентѣ* зло социальнаго строя. Онъ желалъ организовать обмѣнъ продуктовъ и взаимный безвозмездный кредитъ при помощи товариществъ, основанныхъ на добровольномъ соглашеніи.

Рабочей силы, полагаетъ Прудонъ, имѣется на-лицо достаточно; если что мѣшаетъ людямъ покупать, такъ это недостатокъ въ деньгахъ; поэтому слѣдуетъ совсѣмъ уничтожить деньги, и всякій продуктъ труда долженъ быть въ то же время и деньгами. Теперь продукты обмѣниваются на деньги и деньги на продукты; при посредствѣ же народнаго банка долженъ быть организованъ непосредственный обмѣнъ продуктовъ на продукты.

На этихъ основаніяхъ Прудонъ открылъ въ 1849 году свой народный банкъ. Банкъ насчитывалъ уже 12000 участниковъ, и подписка на акціи достигла суммы 36000 ф. Уже предполагали приступить къ печатанію мѣновыхъ билетовъ, какъ приговоръ Прудона въ продолжительному заключенію принудило его отка-

заться отъ веденія этого дѣла, и банкъ прекратилъ свое существованіе.

Рядомъ съ указанными направленіями существовали и другія болѣе или менѣе сходныя теченія, но характеризовать ихъ у меня нѣтъ времени. Къ числу болѣе извѣстныхъ социалистовъ относятся Видаль, Пекэръ, Распайль, Торэ, Бара, Бюшэ, Гепенъ. Они имѣли между собою то общее, что всѣ желали провести въ жизнь свои социальныя планы мирнымъ и законнымъ путемъ.

Наряду съ этими *реформаторскими* стремленіями слѣдуетъ упомянуть и о широко - распространенныхъ *соціалъ-революціонныхъ* движеніяхъ, носителями которыхъ были въ особенности различныя тайныя организаціи. Эти организаціи существовали съ 20-хъ годовъ и выступили уже во время іюльской революціи; но въ то время онѣ не были еще настолько сильны, чтобы взять движеніе въ свои руки. Но съ тѣхъ поръ движеніе росло, и въ періодъ времени 1830—1848 годовъ эти тайныя революціонныя общества покрыли сътью всю Францію. Они стремились осуществить свои цѣли насильственнымъ ниспроверженіемъ существующаго общественнаго строя.

Разрушеніе существующаго, ниспроверженіе собственности было единственнымъ паролемъ этого террористическаго, якобинскаго направленія. Вожаки движенія черпали свое воодушевленіе въ сочиненіи „Histoire de la conjuration de Babeuf“, написанномъ Буонаротти, однимъ изъ участниковъ заговора Бабэфа. Наиболѣе крайнимъ и вліятельнымъ представителемъ этого направленія былъ *Бланки*, который неустанно проповѣдывалъ въ тайныхъ обществахъ ту мысль, что съ владѣтельной аристократіей слѣдуетъ вести войну не на животъ, а на смерть. Въ этихъ тайныхъ обществахъ провозглашалось, что задачей наступающей революціи долженъ быть не только политическій, но непремѣнно и социальный переворотъ. Въ процессѣ противъ тайнаго общества „Société des droits de l'homme et du citoyen“ одинъ изъ его членовъ сказалъ: „Les plus grandes revolutions ne sont pas des revolutions politiques; quand elles ne sont pas accompagnées des revolutions sociales, il n'en resulte rien ou presque rien“. Неоднократныя возстанія, предпринимаемыя этими обществами,

были усмиряемы полиціей и войсками, какъ, на примѣръ, въ іюнь 1832 года въ Парижѣ, въ 1834 году въ Ліонѣ, гдѣ было арестовано 2000 заговорщиковъ, и возстаніе бланкистовъ въ Парижѣ въ маѣ 1839 года.

Помимо сообществъ, спеціально предназначенныхъ для социалистической пропаганды, на распространение социалистическихъ идей оказала также вліяніе и литература эпохи 1830 — 1848 годовъ. *Евгеній Сю* и *Жоржъ-Зандъ* во многихъ своихъ широко-распространенныхъ романахъ выступали защитниками интересовъ неимущихъ классовъ народа, *Беранже* и *Викторъ Гюго* въ своихъ пѣсняхъ брали тонъ, свидѣтельствовавшій о ихъ симпатіи къ требованіямъ пролетаріата; такъ, на примѣръ, Викторъ Гюго говоритъ въ своемъ стихотвореніи: „La Charité“:

„Songez vous, qu' il est là, sous le givre et la neige
Ce père sans travail que la famine assiége
Et qu'il se dit tout bas: Pour un seul, que de biens!
A son large festin, que d'amis se recrient!
Ce riche est bien heureux, ses enfants lui sourient!
Rien que dans leurs jouets, que de pain pour les miens!“

(Подумайте, что онъ тамъ, заиндивѣвшій и покрытый снѣгомъ, этотъ отецъ семьи, безъ работы, мучимый голодомъ, и что онъ думаетъ про себя: „сколько благъ для одного! Сколько дружескихъ возгласовъ на его роскошномъ пиршествѣ! Этотъ богачъ очень счастливъ, его дѣти улыбаются ему! Въ однѣхъ только ихъ игрушкахъ—сколько хлѣба для моихъ!“)

Многіе, внимательно наблюдавшіе положеніе дѣлъ во Франціи, предсказывали, что ей предстоитъ крупный социальный переворотъ. По словамъ *Малона*, *Бакунинъ* передавалъ ему о своихъ впечатлѣніяхъ въ Парижѣ передъ началомъ революціи слѣдующее: „Мы твердо вѣрили, что будемъ свидѣтелями послѣднихъ дней старой цивилизаціи, и что скоро наступитъ царство равенства. Немногіе могли устоять противъ социаль-революціонной атмосферы Парижа; достаточно было двухъ мѣсяцевъ бульварной жизни, чтобы превратить либерала въ социалиста“. *Маццини* говорилъ: „Индивидуалистическій міръ отжилъ свое время; начи-

нается міръ соціалистическій. Всюду въ Европѣ слышенъ призывъ къ новымъ вещамъ, новымъ страстямъ, новымъ элементамъ, вызваннымъ къ жизни нашимъ столѣтіемъ. Великая идея, производящая броженіе во всей Европѣ, можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: уничтоженіе пролетаріата, освобожденіе рабочихъ изъ-подъ власти капитала, сосредоточеннаго въ рукахъ немногихъ, распредѣленіе продуктовъ сообразно съ трудомъ“.

Ясно предсказывалъ наступающую революцію *Алексисъ де Токвилль* въ засѣданіи палаты депутатовъ 29 января 1848 года: „Посмотрите, что происходитъ среди рабочихъ, которые сегодня, какъ я допускаю, еще спокойны. Правда, что они возбуждены собственно политическими страстями не въ такой степени, какъ прежде; но развѣ вы не видите, что ихъ страсти изъ политическихъ стали соціальными? Развѣ вы не видите, какъ среди нихъ распространяются идеи и воззрѣнія, имѣющія цѣлью не устраненіе какого-либо закона, министерства или даже всего правительства, но разрушеніе основы нашего общественнаго строя?... Развѣ вы не слышите, какъ среди рабочихъ безпрестанно раздаются возгласы, что тѣ, кто стоитъ выше ихъ, неспособны и недостойны управлять ими; что распредѣленіе благъ остается несправедливымъ, и собственность не покоится на правильныхъ основаніяхъ. Не думаете ли вы, что когда такіе взгляды пускаютъ корни, когда они широко распространяются, глубоко проникаютъ въ массы,—не думаете ли вы, что рано или поздно, я не знаю, гдѣ и когда, но рано или поздно они навѣрное приведутъ къ самымъ страшнымъ революціямъ“.

Опасенія не были преувеличены. Гдѣ накопилось такъ много недовольства, достаточно было одного толчка, чтобы господствующее настроеніе выступило наружу. Когда вспыхнула революція, не могло быть сомнѣнія въ томъ, что она носитъ соціально-экономическій характеръ.

IX ЛЕКЦІЯ.

Соціалізмъ во Франціи. II.

24 февраля 1848 года побѣда революціоннаго пролетаріата во Франціи была рѣшена. Въ числѣ членовъ провизорнаго правительства находились четыре рѣшительныхъ соціалиста, между ними Луи Бланъ и рабочій, по имени Альбертъ. Очень скоро правительство должно было почувствовать себя вынужденнымъ предпринять тѣ или другія мѣры соціалистическаго характера.

Съ самаго утра 25 февраля большія толпы народа, съ крикомъ и шумомъ, осаждали городскую думу, а къ полудню вождь рабочихъ, Маршъ, вошелъ въ залу, гдѣ засѣдало временное правительство. Указывая угрожающимъ жестомъ на стоявшій внизу народъ, съ ружьемъ въ рукѣ, онъ требовалъ удовлетворенія желаній рабочихъ: „Граждане, устройства работъ—права на трудъ сейчасъ! Народъ требуетъ этого! онъ ждетъ!“—Съ трудомъ удалось убѣдить его, что невозможно организовать работы сейчасъ; члены правительства устроили непродолжительное совѣщаніе и затѣмъ, дѣйствительно, обезпечили „право на трудъ“. Впервые въ міровой исторіи законодательнымъ путемъ было гарантировано это важное по своимъ послѣдствіямъ право.

Прокламація, установившая это основное экономическое право, дословно гласила слѣдующее:

„Временное правительство французской республики обязуется обезпечить существованіе рабочаго предоставленіемъ возможности труда.

Оно обязуется обезпечить всѣмъ гражданамъ работу. Оно признаетъ, что рабочимъ слѣдуетъ соединяться другъ съ другомъ, съ цѣлью полученія законнаго дохода отъ своей работы.

Временное правительство предоставляет въ распоряженіе рабочихъ милліонъ изъ текущей смѣты“.

Эта прокламація свидѣтельствуесть самымъ очевиднымъ образомъ о социальномъ характерѣ февральской революціи. Съ паденіемъ королевской власти стало ясно, что цѣль, ради которой сотни людей проливали свою кровь на баррикадахъ и умирали, состояла не въ измѣненіи формы правленія, не въ перемѣнѣ политической системы, а въ стремленіи къ новому хозяйственному строю.

Вначалѣ массы боролись подъ лозунгомъ „да здравствуетъ избирательная реформа“, затѣмъ этотъ лозунгъ былъ замѣненъ новымъ „да здравствуетъ республика“, который въ свою очередь превратился въ рѣшительный и ясный кличъ „да здравствуетъ демократическая или социальная республика“. Однако, февральская революція не представляла собою объединеннаго социального движенія: различныя социальныя направленія, которыя я вкратцѣ уже охарактеризовалъ, выступали впередъ и старались овладѣть революціоннымъ теченіемъ. Рядомъ съ радикальными революціонерами типа Бланки, выступали социаль-реформаторы, думавшіе воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы осуществить свои планы всемірнаго улучшенія. Въ то же время тогдашнее движеніе не было исключительно *рабочимъ движеніемъ*; пролетариату чужда была идея классовой борьбы, играющая столь значительную роль въ новѣйшее время. Многіе социалисты, напротивъ, были убѣждены, что предполагаемыя ими реформы принесутъ пользу и буржуазіи: для нихъ вопросъ шелъ не объ освобожденіи рабочаго класса, но о счастьѣ всего человѣчества. Сообразно съ этимъ, въ движеніи принимали участіе многочисленныя представители мелкой буржуазіи, лица, принадлежащія къ различнымъ сословіямъ, идеологическіе мечтатели всѣхъ слоевъ общества. Въ то время, какъ современное рабочее движеніе въ Германіи находится въ непримиримомъ противорѣчьи съ государствомъ, отъ котораго оно ничего не ждетъ для осуществленія своихъ цѣлей, тогдашнія наиболѣе многочисленныя социалистическія партіи рассчитывали именно при помощи государства осуществить социальную реформу; въ частности, государственный социа-

листъ Луи Бланъ пользовался большими симпатіями въ народѣ.

Къ великому ужасу либеральной оппозиціи іюльскаго правительства оказалось, что борцы баррикадъ не склонны довольствоваться „умѣренной и честной республикой“, какъ наградой за выдержанную борьбу: для нихъ, наконецъ, насталъ удобный случай энергично требовать, чтобы эта революція осуществила желаніе пролетаріата и его приверженцевъ относительно организациі труда. Ни въ одной изъ прежнихъ революцій пролетаріатъ не игралъ роли столь рѣшающаго фактора, какъ здѣсь; рѣшающаго по числу и силѣ, хотя и не единственнаго, такъ какъ рядомъ съ классомъ рабочихъ выступали, какъ я уже сказалъ, и мелкобуржуазные элементы. Конвентъ состоялъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ буржуазіи и интеллигенціи. Борьба между „верхами“ и жироной велась съ обѣихъ сторонъ представителями средняго сословія. Во время іюльской революціи буржуазія сражалась рядомъ съ пролетаріатомъ противъ Карла X, возстановившаго противъ себя либерально настроенное общество своимъ произвольнымъ вмѣшательствомъ въ избирательное право. Но съ его паденіемъ произошелъ только политическій переворотъ. Новая королевская власть заняла мѣсто прежней; пролетаріатъ не увидѣлъ награды за свое участіе въ борьбѣ, въ формѣ измѣненія соціального законодательства.

Иначе обстояло дѣло во время февральской революціи; здѣсь буржуазія, до сихъ поръ всегда руководившая борьбою, должна была уступить свое мѣсто рабочей партіи, которая хотѣла использовать побѣду въ своихъ собственныхъ интересахъ. Борьба велась въ конечномъ итогѣ не между республикой и монархіей, но между капиталомъ и трудомъ; народъ, приносившій при всѣхъ предшествующихъ революціяхъ только однѣ жертвы, теперь настаивалъ, чтобы вновь образуемое правительство оправдало, наконецъ, свое право на существованіе реформами въ духѣ демократическомъ и благопріятномъ интересамъ рабочихъ. Цѣлью революціи должна была служить не *республика* сама по себѣ, но республика, какъ средство для осуществленія соціальныхъ преобразованій. Способъ установленія правительства и первые шаги

временнаго правительства достаточно доказываютъ, съ какой опредѣленностью пролетаріатъ поставилъ свои требованія.

Въ безчисленныхъ газетахъ, брошюрахъ и плакатахъ подчеркивается этотъ экономическій характеръ февральской революціи. Въ одномъ сборникѣ, озаглавленномъ „Les Journaux Rouges“ приведены въ извлеченіи тексты около 150 социалистическихъ газетъ; уже одни заглавія этихъ листовъ, какъ напримѣръ, „Association fraternelle et industrielle des travailleurs“, „Avenir des travailleurs“, „Organisation du travail“, ясно свидѣлствуютъ объ ихъ социально-политическомъ характерѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ газетъ приняли заглавія изданій временъ Великой Революціи, какъ, напримѣръ, Le Père Duchêne, Le Robespierre и т. д. Во всѣхъ изданіяхъ рѣзко подчеркивается противоположность между Февральской и Великой Революціями: такъ, напримѣръ, въ 1 номерѣ „Tocsin des travailleurs“: Depuis près de 60 ans que la France rompt avec le passé, la seule revolution faite, ouvertement, en vertu des droits du travail, est celle du fevrier 1848.“ Въ томъ же смыслѣ составлена и бѣльшая часть социалистическихъ плакатовъ, собранныхъ въ одной брошюрѣ въ количествѣ болѣе 200 штукъ.

Исторія „права на трудъ“ во время Февральской Революціи ясно показываетъ, насколько ложно была поставлена политика по данному вопросу.

Вслѣдъ за декретомъ отъ 25 февраля, въ силу котораго временное правительство приняло на себя обязанность обезпечить работу всѣмъ гражданамъ, былъ изданъ декретъ отъ 27 февраля, содержащій распоряженіе объ учрежденіи національныхъ мастерскихъ. Эти мастерскія существенно отличались отъ мастерскихъ великой и іюльской революціи тѣмъ, что вполнѣ опредѣленно были предназначены для осуществленія права на трудъ, тогда какъ тѣ являлись чисто благотворительными учрежденіями.

Пока число безработныхъ не превышало 6—7000, они могли найти себѣ занятія въ мастерскихъ; но, когда число ихъ стало возрастать и къ 30 марта достигло цифры 40000, а къ 19 мая—90000, расходы же въ теченіе 13 дней составили 2¹/₂ милліона франковъ, тогда обнаружилось, какое неисполнимое обѣщаніе

взяло на себя правительство. Такъ какъ работы не хватило на всѣхъ, то занятымъ рабочимъ платили по 2 франка въ день, тѣмъ же, для которыхъ не было работы, по 1¹/₂ франка. Многие жаловались, что благодаря предпринятымъ правительствомъ земельнымъ работамъ, они лишились своего профессиональнаго заработка; много лѣнливыхъ и нерадивыхъ рабочихъ покинули своихъ хозяевъ, чтобы получать работу или рабочую плату отъ государства. Въ концѣ концовъ, когда правительство увидало, что невозможно удовлетворить всѣ требованія, и закрыло національныя мастерскія народъ отвѣтилъ июньскимъ возстаніемъ.

Въ историческихъ описаніяхъ этой эпохи нерѣдко можно встрѣтить утвержденіе, будто правительство не относилось серьезно къ національнымъ мастерскимъ, и все дѣло умышленно велось небрежно и безъ всякой энергіи, съ цѣлью доказать нелѣпость притязаній рабочихъ. На это можно возразить, что даже признавая указанный фактъ, мы нисколько не рѣшаемъ вопроса о правильности или неправильности „права на трудъ“. Если даже допустить, что у нѣкоторыхъ членовъ временнаго правительства были на этотъ счетъ злыя намѣренія, то не было убѣжденія въ правильности дѣла и у социалистически настроенныхъ членовъ правительства. Луи Бланъ говоритъ опредѣленно въ своей „Исторіи Февральской Революціи“ что онъ вполне ясно зналъ заранѣе, насколько правительство своимъ обезпеченіемъ „права на трудъ“ приняло на себя обязательства, неисполнимыя для индивидуалистическаго государства.

„Въ то время, когда я составлялъ этотъ декретъ“ (т. е. о правѣ на трудъ), — пишетъ Луи Бланъ, — я не зналъ, въ какомъ размѣрѣ принимаетъ на себя обязательство правительство; одно я зналъ прекрасно, что этотъ декретъ можетъ привести къ социальной реформѣ, которая своей основой имѣетъ *ассоціацію*, а цѣлью—*уничтоженіе пролетаріата*. Въ моихъ глазахъ въ этомъ именно и состоялъ смыслъ декрета“. Здѣсь, слѣдовательно, главный составитель декрета, обезпечившаго право на трудъ, ясно признаетъ, что государство съ индивидуалистическимъ строемъ хозяйства не въ состояніи выполнить подобнаго требованія. Онъ зналъ, что правительство должно будетъ потерпѣть неудачу на

этомъ пути, но надѣялся, что тогда именно настанетъ время для осуществленія его плановъ. Эти планы клонились къ замѣнѣ частнохозяйственнаго производства социалистическимъ.

Весь споръ о томъ, велось ли дѣло національныхъ мастерскихъ съ достаточной или недостаточной энергіей, нисколько не устранить нелѣпости самого положенія, что государство, признающее частную собственность на орудія производства и допускающее свободную конкуренцію, гарантируетъ всѣмъ гражданамъ работу. Подобное возраженіе слѣдуетъ, между прочимъ, противопоставить и тѣмъ, кто въ новѣйшее время требуетъ установленія права на трудъ въ Германіи. При этомъ такое право на трудъ невозможно въ обѣихъ формахъ: и какъ право на специально-промысловый трудъ, и какъ право на простой поденный трудъ.

Нетрудно видѣть, что государство не въ состояніи обезпечить работу всѣмъ не имѣющимъ занятій сапожникамъ, портнымъ, столярамъ, слесарямъ и далѣе врачамъ, адвокатамъ, актерамъ и т. п. каждому въ его промыслѣ или профессіи, если оно само не организуетъ слесарнаго, столярнаго и т. д. производствъ. Для этого необходима государственная организація всѣхъ промысловъ и профессій. Но и менѣе сложная задача—гарантировать возможность простого поденнаго труда за обыкновенную поденную плату, на примѣръ, хотя-бы въ земляныхъ работахъ,—и эта задача неисполнима; не говоря о напрасной тратѣ капитала и труда, возникающей вслѣдствіе подобнаго примѣненія квалифицированныхъ рабочихъ силъ, и здѣсь государство принимаетъ на себя обязательства, выходящія за предѣлы его силъ.

Государство располагаетъ *ограниченными средствами*; какимъ же образомъ можетъ оно удовлетворить всѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть къ нему предъявлены? Тысячи людей, эмигрирующихъ теперь, вслѣдствіе невозможности найти выгодное приложеніе для своего труда, потребуютъ работы внутри государства. Право на трудъ гарантировано не только текущему поколѣнію, но и будущимъ; какъ бы ни былъ великъ приростъ населенія, заявляемое право на трудъ должно быть удовлетворено. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія сомнительное вліяніе, какое можетъ оказать подобное постановленіе на чувство

права и долга у отдѣльныхъ лицъ. Въ государствѣ, гдѣ каждому представлена полная свобода выбора занятій, вступленія въ бракъ, рожденія дѣтей, всякій гражданинъ, дѣла котораго пошли скверно, получилъ бы возможность предъявить къ государству правовое требованіе обезпечить ему, по крайней мѣрѣ, обыкновенную по-денную работу за обыкновенную поденную плату. Пусть то или другое лицо лишилось работы по легкомыслію или даже, быть можетъ, вслѣдствіе грубой вины—государство должно дать ему работу. Праву на трудъ должна соответствовать обязанность труда; государству прійдется предоставить широкое право слѣдить и имѣть надзоръ за дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ; въ такомъ случаѣ свободное распоряженіе своей рабочей силой не можетъ быть предоставлено отдѣльнымъ лицамъ; въ концѣ концовъ, мы неминуемо приходимъ къ государственной организаціи труда.

Въ то время была осуществлена еще и другая важная соціальная реформа, а именно основаніе *производительныхъ товариществъ при содѣйствіи государственнаго кредита*.

По желанію Луи Блана, Учредительное Собраніе декретомъ, въ іюль 1848 года, ассигновало 3 милліона франковъ на поддержку рабочихъ производительныхъ товариществъ. Послѣ точнаго обслѣдованія многочисленныхъ товариществъ, заявившихъ о себѣ правительству, былъ открытъ кредитъ 56 ассоціаціямъ, напри-мѣръ, товариществу печатнаго дѣла 65,000 фр., бѣлостолярнаго —75000 фр., ассоціаціи ткачей въ Реймсѣ 250,000 франковъ и такъ далѣе.

Опытъ этихъ производительныхъ товариществъ далъ столь же неудовлетворительные результаты, какъ и англійскихъ производи-тельныхъ товариществъ, основанныхъ на собственныхъ средствахъ. Это признаетъ даже горячій сторонникъ идеи товариществъ—Энглендеръ—въ его исторіи французскихъ рабочихъ ассоціацій. Отчетъ, представленный 5 февраля 1850 года Національному Со-бранію, заключалъ въ себѣ столь неблагоприятныя данныя, что дальнѣйшій кредитъ не былъ отпущенъ. Противъ 20 товари-ществъ были возбуждены судебные процессы, вслѣдствіе непра-вильнаго веденія хозяйства, изъ остальныхъ 36 товариществъ осталось къ 1853 году только 9.

Судьбы производительныхъ товариществъ, возникавшихъ во Франціи послѣ этого, также свидѣтельствовали, какъ рѣдко удавалось сдѣлать подобнаго рода предпріятія жизнеспособными.

Когда умершій въ 1879 году филантропъ Рампаль завѣщаль значительное имущество городу Парижу для выдачи ссудъ производительнымъ товариществамъ, было оказано пособій 49 товариществамъ; изъ нихъ уже въ 1889 году 19 оказались несостоятельными, 18 находились въ ликвидаціи и 3 не могли въ срокъ вернуть полученныхъ денегъ.

Послѣ тяжелаго и рѣшительнаго пораженія, нанесеннаго генераломъ Кавеньякомъ французскому пролетаріату во время іюньской бойни, социалистическія попытки возникаютъ вновь только въ 70-хъ годахъ. Прежде, чѣмъ я стану говорить о нихъ, я позволю себѣ вкратцѣ указать, какимъ образомъ своеобразный типъ французскаго рабочаго движенія былъ причиною того, что объединеніе международнаго рабочаго движенія, къ которому стремился Марксъ, постоянно нарушалось рознью и расколами.

Именно въ французскомъ социализмѣ постоянно обнаруживались то элементы свободы, анархизма, представлявшіе собою результатъ вліянія ученій Прудона, то элементы профессиональнаго и кооперативнаго движенія, то, наконецъ, элементы радикально-революціоннаго бланкизма,—все это не мирилось съ программой марксизма. Въ рѣшеніи международной ассоціаціи рабочихъ, основанной съ цѣлью служить центральнымъ органомъ для объединенія дѣйствій рабочихъ организацій разныхъ странъ, ясно видны слѣды вліянія французскихъ прудонистовъ.

Внутренняя исторія международной рабочей ассоціаціи обнаруживаетъ непримиримое противорѣчіе между прудонизмомъ и современнымъ социализмомъ, какъ его обосновалъ Марксъ. Историки Интернаціонала характеризуютъ первый его періодъ, какъ движеніе мутуалистическое.

Весьма характерно для точки зрѣнія парижскихъ делегатовъ ихъ отношеніе къ вопросу о максимальной продолжительности рабочаго дня. Когда англичане внесли предложеніе, чтобы Интернаціоналъ высказался въ пользу установленія максимальной продолжительности рабочаго дня, французскіе делегаты были про-

тивъ этого и мотивировали свое отрицательное отношеніе къ предложенію слѣдующимъ образомъ, въ духъ манчестерскихъ идей: „Au nom de la liberté des contrats et des contractants l'Assemblée internationale n' avait pas à intervenir dans les rapports particuliers de patrons à ouvriers autrement, que par des conseils s'il lui en était demandé“. Отъ французскихъ секцій Интернаціонала постоянно исходили прудонистическія идеи и предложенія.

Французскіе делегаты высказывались противъ стачекъ,—вмѣсто того они предлагали учрежденіе производительныхъ товариществъ и въ первую очередь „кредитныхъ банковъ“ для урегулированія „обмѣна“, въ результатъ чего „рабочій капиталъ“ долженъ былъ бы въ концѣ концовъ побѣдить „капиталъ привилегированный“.

Особенно ясно проявилось прудонистическое вліяніе на брюссельскомъ конгрессѣ Интернаціонала (1868). Большинствомъ конгресса была принята пространная резолюція, находящаяся въ прямомъ противорѣчій съ идеями марксизма: въ ней осуждались процентъ, какъ явленіе безнравственное, и полученіе процента, какъ постоянный источникъ несправедливости и неравенства. Резолюція высказывается въ пользу учрежденія *банка для обмѣна* „въ цѣляхъ демократизаціи и уравниванія кредита“.

Кромѣ французскихъ и бельгійскихъ мутуалистовъ, слѣдуетъ упомянуть также о такъ называемыхъ коммунистахъ-анархистахъ, руководимыхъ Бакунинымъ, партія, довольно многочисленной во Франціи и дававшей поводъ къ частымъ столкновеніямъ въ Интернаціоналѣ. Послѣ того, какъ Бакунинъ былъ принятъ въ интернациональную ассоціацію рабочихъ, вмѣстѣ съ основаннымъ имъ въ 1868 году интернациональнымъ альянсомъ, сейчасъ же обнаружилась невозможность совмѣстной дѣятельности анархистовъ и марксистовъ, и на Гаагскомъ конгрессѣ 1872 года послѣдовало исключеніе Бакунина изъ Интернаціонала.

Точно такъ же возстаніе парижской коммуны, которое такъ часто изображается, какъ заговоръ, вдохновленный Марксомъ и интернациональнымъ социализмомъ, на самомъ дѣлѣ представляетъ собою специально французское социально-революціонное движеніе и

свидѣтельствуеть о томъ, какъ много оттѣнковъ имѣеть социализмъ во Франціи.

Парижская революція столь же мало обязана своимъ возникновеніемъ Лондонскому центральному комитету, какъ и французскимъ прудонистамъ. У коммуны, такъ же какъ и у февральской революціи, отсутствовало всякое единство идеи, организаціи и конечной цѣли. Во время Второй Имперіи, подобно тому, какъ и въ эпоху іюльскаго правительства, было много недовольныхъ и искателей новыхъ порядковъ самыхъ разнообразныхъ направленій; всѣ они объединялись въ различныя группы и секты: какъ только военныя событія вызвали политическій переворотъ во Франціи, всѣ недовольные элементы сочли минуту подходящей для быстрого и насильственнаго осуществленія своихъ плановъ.

Коммуна, торжественно провозглашенная 28 марта 1871 года передъ свыше 200,000-ой толпой народа, не представляла собою объединеннаго организованнаго правительства съ твердо установленной программой. Члены центрального комитета принадлежали къ партіямъ самыхъ различныхъ оттѣнковъ; основанныя на компромиссахъ дѣйствія коммуны отражаютъ этотъ разнородный ея составъ.

Можно различить *пять* направленій, имѣвшихъ своихъ представителей среди 86 членовъ коммунальнаго совѣта.

1. *Коммуналистическое (федералистическое)* направленіе. Сторонники этого направленія имѣли въ виду, въ сущности, политическую реформу, въ смыслѣ *большихъ коммунальныхъ свободъ*. Они протестовали противъ централизаціи, непрерывно усиливавшейся, начиная съ Наполеона Перваго, противъ назначенія мэровъ правительствомъ и тому подобнаго урѣзывать общиннаго self-government'a. Если уже и это направленіе было сильно проникнуто влияніемъ идей Прудона, то слѣдующее цѣликомъ стояло на почвѣ его ученія, почему и можетъ быть названо по имени этого социалиста.

2. *Прудонистическое (мутуалистическое)* направленіе. Оно ожидало отъ коммуны не только осуществленія федералистическихъ требованій, но и социальныхъ реформъ въ духѣ мутуализма; еще одинъ разъ долженъ былъ произойти опытъ осуществленія идеи *мѣтноваго банка и безвозмезднаго кредита*.

3. *Анархистическое* направленіе (въ духѣ коммунистическаго анархизма). И эта секта, руководимая Бакунинымъ, хотѣла воспользоваться случаемъ для осуществленія своихъ радикальныхъ идей. Она устроила кровавый прологъ къ Парижской коммунѣ въ видѣ Ліонской коммуны.

4. Направленіе *бланкистовъ*. Подобно только что упомянутой, это была также партія радикальной соціальной революціи, точно такъ же имѣвшая значительное число представителей среди коммунаровъ. Она слѣпо слѣдовала за знаменемъ стараго заговорщика Бланки, тактику котораго весьма удачно характеризовалъ однажды Энгельсъ: „Въ своей политической дѣятельности онъ былъ „человѣкомъ дѣла“, онъ вѣрилъ, что небольшая хорошо организованная кучка людей, сдѣлавъ въ подходящій моментъ революціонную попытку, однимъ или двумя удачными исходами можетъ увлечь за собою народную массу и вызвать успѣшную революцію“.

5. *Марксистское* направленіе. Съ этой стороны возстанію коммуны оказано было незначительное содѣйствіе; лишь послѣ того, какъ движенія нельзя было уже задержать и оно достигло значительнаго развитія, интернаціональ принялъ въ немъ оффиціальное участіе.

Впрочемъ, изъ 86 членовъ правительства Коммуны къ Интернаціоналу принадлежали только 17 человекъ, при чемъ только нѣкоторые изъ нихъ, какъ Варленъ, Вальянъ, Франкель были марксистами, другіе, какъ Белей—прудонистами. 7 сентября 1870 года секретарь-корреспондентъ Интернаціонала во Франціи Дюпонъ обнародовалъ воззваніе, приглашавшее не способствовать укрѣпленію буржуазіи посредствомъ возстаній, но использовать предоставляемую обстоятельствами свободу для того, чтобы организовать всѣ силы рабочаго класса.

И только противъ собственнаго желанія, уже 23 марта 1871 г. Интернаціональ высказался въ пользу коммуны, слѣдуя лозунгу своего манифеста: „поддерживать всюду каждое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго общественнаго и политическаго строя“.

Только въ этотъ день появилось воззваніе къ рабочимъ, подписан-

пое федералистами парижской секціи Интернаціонала, съ предложеніемъ присоединиться къ коммуны.

Изъ умѣренного, спокойнаго тона оффиціальныхъ приказовъ коммуны, такъ же какъ изъ политическихъ и хозяйственныхъ ея мѣропріятій, ясно можно усмотрѣть ея стремленіе не направлять все движеніе въ одностороннихъ интересахъ исключительно рабочаго класса, но принять во вниманіе и точку зрѣнія мелкой буржуазіи.

Въ своей вступительной рѣчи, ясно свидѣтельствовавшей о преобладающемъ вліяніи идей Прудона, избранный по старшинству возраста предсѣдателемъ Белей сказалъ:

„Благодаря полной свободѣ, установленной коммуной, у насъ укрѣпится республика. Теперь республика не то, чѣмъ она была въ дни нашей Великой Революціи. Республика 1793 года была солдатомъ, нуждавшимся для внѣшней и внутренней борьбы во всѣхъ силахъ народа, чтобы сдѣлать миръ плодотворнымъ. Миръ и трудъ—въ этомъ наша будущность, въ этомъ залогъ нашего реванша и нашего соціального возрожденія; республика, въ этомъ смыслѣ понимаемая, можетъ сдѣлать изъ Франціи опору слабыхъ, защитницу рабочихъ, надежду всѣхъ угнетенныхъ и краеугольный камень всемірной республики“.

Уваженіе къ собственности, проповѣдуемое Прудономъ, особенно проявилось въ отношеніи Белей къ Банку Франціи.

Онъ ограничился тѣмъ, что потребовалъ отъ него кредита въ 1 милліонъ франковъ; затѣмъ онъ принялъ Банкъ подъ свою защиту. Нападать на Банкъ—это было бы безуміемъ, такъ какъ „вѣдь Банкъ—имущество страны; безъ него нѣтъ ни торговли, ни благосостоянія“.

Для марксиста такое поведеніе—непонятная ошибка. „Труднѣе всего понять“ говоритъ Энгельсъ „то священное почтеніе, съ какимъ покорно остановились передъ дверью Банка Франціи. Это была крупная политическая ошибка. Банкъ Франціи въ рукахъ коммуны—это стоило больше 10,000 заложниковъ“.

Въ заключеніе я изображу дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія во Франціи вплоть до настоящаго времени, и вы увидите,

какъ мало приобрѣлъ здѣсь вліянія марксизмъ, въ противоположность Германіи.

Въ 1872 году можно отмѣтить первое новое движеніе рабочихъ послѣ коммуны: слитіе рабочихъ профессиональныхъ союзовъ, попытка къ которому была сдѣлана сначала въ формѣ союза, подъ названіемъ „Cercle de l'Union syndicale ouvrière“. Когда правительство запретило этотъ союзъ, рабочіе союзы объединились, основавъ „Общество взаимнаго кредита для синдикальныхъ палатъ и производительныхъ товариществъ“. Въ основу общества была положена идея мутуализма, такъ какъ оно не брало процентовъ и не давало дивиденда.

Конгрессъ рабочихъ въ Парижѣ въ 1876 году былъ первымъ большимъ публичнымъ выступленіемъ рабочихъ союзовъ; въ немъ приняли участіе 360 делегатовъ синдикальныхъ палатъ и другихъ рабочихъ союзовъ всей Франціи. Здѣсь особенно рекомендовались производительныя товарищества, хотя и не безъ возраженій, какъ напримѣръ со стороны позитивиста Финанса, критика котораго, впрочемъ, во многомъ исходила изъ идей Прудона.

На рабочемъ конгрессѣ въ Лионѣ 1878 года обнаружились уже два теченія, одно умѣренное—*прудонистическое*, а другое радикальное—*марксистское*. Со стороны прудонистовъ высказывались предостереженія противъ стачекъ; здѣсь полагали, что всякія принудительныя организаціи, по какому бы плану онѣ ни были устроены, вмѣстѣ съ индивидуальной свободой пресѣкаютъ источникъ прогресса и ведутъ къ коммунизму.

Болѣе радикальное меньшинство, въ числѣ 20 делегатовъ, подъ предводительствомъ Гэда, голосовало, напротивъ, въ пользу слѣдующей революціи: „Принимая во вниманіе, что экономическая эмансипація рабочихъ станетъ только тогда совершившимся фактомъ, когда имъ будетъ принадлежать весь продуктъ труда; что для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы средства производства, матеріалы и орудія, принадлежали рабочимъ, конгрессъ приглашаетъ всѣ рабочія ассоціаціи изслѣдовать практическіе способы осуществленія принципа общей собственности на землю и орудія труда“. На Марсельскомъ конгрессѣ 1879 года отно-

шеніе голосовъ было обратное: здѣсь 73 голосами противъ 27 была принята резолюція, высказывающаяся въ пользу обобщенія орудій производства. Разногласіе между марксистами и направленіемъ болѣе умѣреннымъ повело, наконецъ, къ полному разрыву. Когда на Гаврскомъ конгрессѣ 1880 года отношеніе голосовъ обѣихъ фракцій снова оказалось почти равнымъ, обѣ партіи рѣшили засѣдать отдѣльно, и, такимъ образомъ, окончательно произошло распаденіе.

Группа, тяготящаяся къ профессиональнымъ союзамъ, подъ руководствомъ Ліоннэ и Барберэ, приняла названіе *кооперативистической* рабочей партіи, имѣла конгрессы въ 1881 и 1882 годахъ въ Парижѣ и Бордо и затѣмъ утратила всякое значеніе.

Марксистская группа получила названіе *коллективистической*. Программа этой партіи была разработана сейчасъ послѣ Марсельскаго Конгресса Гэдомъ, который вошелъ въ сношеніе съ Малономъ, Лафаргомъ, и Бруссомъ и отправился въ Лондонъ, чтобы установить окончательную редакцію при содѣйствіи Маркса и Энгельса.

Въ коллективистической партіи согласіе, однако, не было продолжительно. Нѣкоторое число членовъ, хотя и не вступившихъ въ кооперативную группу, но склонявшихся въ пользу соціальной реформы въ духѣ рабочихъ товариществъ, объединились вокругъ Брусса, который отказался отъ принципа каллективизма.

На конгрессѣ 1881 года въ Реймсѣ съ трудомъ удалось сохранить пока единство партіи, но уже на конгрессѣ въ Этиеннѣ произошолъ расколъ.

Такъ какъ Гэдъ остался въ меньшинствѣ по нѣкоторымъ вопросамъ внутренней организаціи и тактики, то онъ оставилъ конгрессъ и устроилъ со своими друзьями контръ-конгрессъ въ Роаннѣ.

Такимъ образомъ, на лицо оказались теперь двѣ соціалистическія партіи, одна *марксистская*, подъ предводительствомъ Гэда, принявшая названіе *parti ouvrier français*, другая, руководимая Бруссомъ и Аллеманномъ, — такъ называемые *поссибилисты*. „Nous voulons fractionner notre but“ писалъ однажды органъ Брусса,

„jusqu'à le rendre possible“—отсюда и названіе „поссибилисты“. Они хотѣли итти впередъ съ помощью мелкихъ средствъ; путемъ общинныхъ соціальныхъ реформъ, самопомощи и различныхъ соціальныхъ мѣропріятій содѣйствовать поднятію положенія рабочихъ классовъ въ условіяхъ капиталистическаго способа производства. Слѣдовало бы перекинуть мостъ черезъ пропасть, раздѣлявшую различныя соціалистическія партіи хотя бы на время народныхъ конгрессовъ рабочихъ. Однако, этого не удалось сдѣлать уже на первомъ конгрессѣ въ Парижѣ 1889 года. Несмотря на продолжительныя совѣщанія относительно условій, при которыхъ поссибилисты могли бы принять участіе въ конгрессѣ, соглашеніе не было достигнуто. Одинъ изъ нѣмецкихъ ораторовъ пояснилъ: „Тредъ-юніоны и профессиональные союзы не построены соціалистически, и подобно тому, какъ намъ пришлось отдѣлиться отъ несоціалистическихъ союзовъ, типа Шульце-Делича, такъ приходится предоставить свободу и другимъ, французамъ, произвести такое же раздѣленіе.“

Благодаря этому, въ дѣйствительности имѣли мѣсто два конгресса, одинъ марксистовъ и бланкистовъ, другой поссибилистовъ и сторонниковъ кооперативнаго движенія.

Но и между самими поссибилистами должно было наступить раздѣленіе. Нѣкоторая часть членовъ партіи, находя, что Бруссъ въ своей политикѣ соглашеній съ республиканской буржуазіей заходитъ слишкомъ далеко, не пожелала оставаться подъ его руководствомъ и примкнула къ Аллеманну, который считалъ наилучшимъ средствомъ агитаціи всеобщую забастовку и хотѣлъ путемъ такой тактики постепенно сдѣлать совсѣмъ излишней парламентарно-политическую дѣятельность.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ уже три группы: *гэдистовъ*, *бруссистовъ* и *аллеманистовъ*. Если къ этому прибавить *бланкистовъ* и независимыхъ соціалистовъ, не желавшихъ подчиняться никакимъ партійнымъ шаблонамъ, то легко видѣть, какой калейдоскопъ партій представляетъ собою французское соціалистическое движеніе. Въ немъ представлены всевозможные оттѣнки, начиная

отъ радикальнаго революціонизма и кончая самымъ мирнымъ кооперативнымъ направлениемъ.

Были неоднократныя попытки объединить все эти различныя партіи въ одну общую, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ. Удалось лишь соединить въ общія группы нѣкоторыя близкія другъ къ другу партіи.

Такимъ образомъ, въ настоящее время слѣдуетъ различать двѣ основныя группы французскаго социализма:

а) *parti socialiste français* — это группа революціонная и обнимаетъ марксистовъ (*parti ouvrier*, подъ предводительствомъ Гэда) и бланкистовъ (*parti socialiste révolutionnaire*), слияніе наступило въ 1901 году на конгрессѣ въ Исси.

в) *parti socialiste de France*. Это группа „реформъ“, она стоитъ за социальную реформу, за содѣйствіе профессиональному и кооперативно-производительному движению, склонна итти рука объ руку съ буржуазной демократіей. Въ силу послѣдняго обстоятельства ее не безъ основаній упрекаютъ въ мелкобуржуазномъ характерѣ. Она обнимаетъ также и прежнихъ независимыхъ социалистовъ. Ея главными вождями являются *Жоресъ* и *Милльеранъ*. Характернымъ для этого направленія является то обстоятельство, что Милльеранъ съ 1899 по 1902 годъ былъ министромъ торговли въ кабинетѣ Вальдека Руссо. Онъ изложилъ точку зрѣнія своей партіи въ одной изъ рѣчей, наиболее характерное мѣсто которой гласитъ: „партія стремится къ тому, чтобы объединить для совмѣстной дѣятельности тѣхъ демократовъ, которые имѣютъ правильное представленіе о рабочемъ вопросѣ, съ тѣми социалистами, которые уяснили себѣ обязанности великой демократіи, желающей быть жизнеспособной“. Для характеристики точки зрѣнія Жореса, далеко отличной отъ идей нѣмецкой социаль-демократіи, достаточно привести тотъ фактъ, что онъ выступалъ въ защиту государственной монополіи ввоза зерновыхъ продуктовъ, передачи государству сахарныхъ заводовъ и горной промышленности.

Въ сторонѣ отъ двухъ указанныхъ группъ стоитъ.

с) *parti socialiste révolutionnaire*, она обнимаетъ прежнихъ

аллеманнистовъ и стоять на точкѣ зрѣнія политики всеобщей забастовки.

Наконецъ, въ самое послѣднее время, послѣ долгихъ и утомительныхъ переговоровъ удалось провести объединеніе всѣхъ социалистическихъ направленій; это произошло на конгрессѣ въ Руанѣ въ 1905 году. Объединеніе было предпринято подъ давленіемъ резолюціи Амстердамскаго международнаго конгресса социалистовъ 1904 года, гласившей, „что долгомъ всѣхъ социалистическихъ организацій всѣхъ странъ является прійти къ объединенію“; объединенная партія получила названіе „*parti socialiste. section française de l' internationale ouvrière*“.

Насколько однако это „*unité*“ было искусственнымъ, видно хотя бы изъ того, что уже спустя нѣсколько недѣль послѣ „объединенія“ возникли споры и произошелъ расколъ; значительное число членовъ партіи заявили о своемъ выходѣ изъ „объединенной“ фракціи. Такимъ образомъ, и послѣ объединенія, подобно тому, какъ и до него, представители социализма въ парламентѣ подѣлены на нѣсколько группъ. Между прочимъ, замѣчательно то, что, среди всѣхъ социалистическихъ партій, марксистская, т. е. та, которая отвѣчаетъ нѣмецкой социаль-демократіи, является наиболѣе слабой.

На послѣднихъ выборахъ въ палату депутатовъ (1902) изъ общаго числа 48 депутатовъ - социалистовъ на долю „революціонной“ группы приходилось всего 12 мѣстъ, тогда какъ группа „реформъ“ провела 25—30 своихъ представителей, остальные мѣста достались „независимымъ“.

Слабое, сравнительно съ Германіей, представительство социаль-демократіи во французскомъ парламентѣ объясняется въ значительной степени и тѣмъ обстоятельствомъ, что среди профессиональныхъ союзовъ существуетъ сильное нерасположеніе къ политической дѣятельности. Профессионально-союзная организація страны — „Конфедерація труда“ — принципиально противъ политической дѣятельности.

Такимъ образомъ, французское рабочее движеніе не случайно находится въ состояніи разрозненности и сравнительной слабо-

сти и будетъ находиться въ такомъ состояніи еще неопредѣлен-
ное время. Подумайте только о значительномъ числѣ вліятель-
ныхъ социалистовъ, какъ Прудонъ, Луи Бланъ, Бланки—всѣ они
нашли многихъ послѣдователей для своихъ совершенно различ-
ныхъ „системъ“; какимъ же образомъ всѣ эти различныя идеи,
имѣющія благопріятную для себя почву въ особенностяхъ харак-
тера французскаго народа, могли бы уступить мѣсто единому и
притомъ заимствованному изъ чужой страны ученію?

Х ЛЕКЦІЯ.

Соціалізмъ въ Германіи. I.

(Фердинандъ Лассаль).

19-го іюля 1841 въ лейпцигскомъ городскомъ театрѣ ставили „Фіеско“. Среди зрителей находился шестнадцатилѣтній ученикъ лейпцискаго коммерческаго училища, который съ воодушевленіемъ слѣдилъ за представленіемъ и, прійдя домой, написалъ слѣдующее: „Не смотря на свой революціонно-демократически-республиканскій образъ мыслей, я не знаю, какъ поступилъ бы всякій другой, но чувствую, что на мѣстѣ графа Лаванья я дѣйствовалъ бы точно такъ же и не удовлетворился бы званіемъ перваго гражданина, а протянулъ бы руку за діадемой. Отсюда вытекаетъ, если разсмотрѣть дѣло внимательно, что я—эгоистъ. Родись я принцемъ или княземъ, я былъ бы аристократъ душой и тѣломъ. Но такъ какъ я сынъ простаго мѣщанина, то въ свое время я буду демократомъ“.

Написавшій эти строки въ своемъ дневникѣ былъ Фердинандъ Лассаль. Онѣ въ высокой степени знаменательны для характера и образа мыслей этого человѣка, стоявшаго во главѣ перваго соціалистическаго рабочаго движенія въ Германіи.

Дневникъ, о которомъ я вамъ говорилъ, онъ велъ, будучи ученикомъ втораго класса бреславльскоѣ гимназіи Магдалины и затѣмъ ученикомъ лейпцигскаго коммерческаго училища; дневникъ былъ изданъ въ 1891 году Павломъ Линдау. Я рекомендую вамъ прочесть его, если вы желаете понять психологію этого своеобразнаго человѣка.

Непрерывно встрѣчаемъ мы противорѣчія въ дѣлахъ и жизни этого талантливаго агитатора. Въ теченіе всей своей жизни ведя

борьбу за эмансипаціи пролетаріата, онъ имѣлъ мало общаго по своему внѣшнему виду съ тѣмъ классомъ, за освобожденіе котораго онъ боролся. Тотъ самый Лассаль, который вечеромъ произносилъ свои увлекательныя рѣчи предъ тысячами рабочихъ, съ особеннымъ удовольствіемъ вращался среди „сливокъ“ общества и старался всегда сохранять свои связи съ нимъ. Въ политическихъ и личныхъ дѣлахъ онъ искалъ поддержки вліятельныхъ лицъ изъ „высшихъ сословіи“, а даже аристократическій способъ, какимъ онъ покончилъ счеты съ жизнью—онъ умеръ на дуэли съ Фонъ-Раковица—мало согласуется съ демократическими убѣжденіями, которыя онъ высказывалъ передъ народомъ.

Загадка объясняется просто, если мы обратимъ вниманіе на его личность: съ ранней юности онъ отличался могучимъ честолюбіемъ и безграничнымъ тщеславіемъ. *Никогда онъ не могъ вполне отдѣлаться дѣла отъ личности*; какою бы то ни было цѣною желая играть руководящую роль и еще при жизни быть во главѣ соціального переворота, Лассаль пользовался всякими средствами, лишь бы они обѣщали нѣкоторый успѣхъ его честолюбивымъ планамъ.

Еврейское происхожденіе, безъ сомнѣнія, оказало существенное вліяніе на образованіе его характера. Притѣсненія, среди которыхъ жили евреи во время юности Лассаля, глубоко возмущали его, и онъ желалъ въ одно и то же время избавить еврейство отъ его обособленнаго въ политическомъ и соціальномъ отношеніи положенія и четвертое сословіе отъ его экономического угнетенія. Еще пятнадцатилѣтнимъ юношей писалъ онъ въ дневникѣ: „О, когда я отдаюсь моимъ мечтамъ о будущемъ, всегда моею любимой мыслью является стать во главѣ евреевъ, съ оружіемъ въ рукахъ сдѣлать ихъ самостоятельными“.

Сколько жгучаго честолюбія проявляется въ его мечтахъ передъ возлюбленной о томъ, какъ онъ съ нею будетъ совершать торжественный вѣздъ въ Берлинъ въ каретѣ, запряженной шестью бѣлыми лошадьми, въ качествѣ избраннаго народомъ президента; сколько тщеславія въ отчетѣ, который онъ сообщаетъ другой своей возлюбленной, по поводу рѣчи, произнесенной имъ въ Барменѣ (1863): „Ничто не можетъ вамъ дать даже приблизительное

представленіе о томъ электрическомъ впечатлѣніи, которое я произвелъ,—весь городъ, населеніе всей провинціи утопали, такъ сказать, въ волнахъ энтузіазма“.

Бисмаркъ очень удачно охарактеризовалъ какъ достоинства, такъ и недостатки Лассаля, сказавъ о немъ однажды въ 1878 году въ рейхстагѣ: „Онъ обладалъ чѣмъ-то, что меня, какъ частнаго человѣка, необычайно привлекало къ нему; онъ былъ однимъ изъ самыхъ остроумныхъ и симпатичныхъ людей, какихъ я когда-либо знавалъ. Это былъ человѣкъ, обладавшій честолюбіемъ высокаго стила; онъ не былъ республиканцемъ, напротивъ, отличался ясно выраженнымъ національнымъ и монархическимъ образомъ мыслей; Германская Имперія была идеей, къ которой онъ стремился, и въ этомъ мы сходились. Лассаль былъ честолюбивъ въ высокомъ стилѣ, и для него, быть можетъ, было сомнительно, завершится ли германская имперія династіей Гогенцолерновъ или династіей Лассаля, но монархиченъ былъ его образъ мыслей во всякомъ случаѣ“.

Если Лассаль своимъ краснорѣчіемъ и необыкновенно искусной агитаціей первый вызвалъ къ жизни заслуживающее вниманія соціалистическое движеніе, то не слѣдуетъ думать, что до его выступленія въ Германіи вовсе не знали о соціализмѣ. Однако, до появленія Лассаля, поскольку можетъ быть рѣчь о соціализмѣ, мы имѣемъ дѣло либо съ соціализмомъ теоретическаго характера,—я говорю о нѣкоторыхъ выдающихся теоретикахъ соціализма—либо съ практическимъ проявленіемъ его въ соціалистическомъ движеніи столь незначительныхъ размѣровъ, что оно не обращало на себя рѣшительно никакого вниманія.

Я имѣю въ виду агитацію, которую велъ въ 40-хъ годахъ Вильгельмъ Вейтлингъ. Наряду съ Вейтлингомъ слѣдуетъ упомянуть о Гессѣ и Грюнѣ. Идеи, которыя они пытались распространить, были, однако, такъ сказать, заграничнаго происхожденія. А именно, они пробовали дѣйствовать въ духѣ французскихъ соціалистовъ и коммунистовъ. При незначительной роли, какую въ то время играла крупная промышленность и рабочій классъ, это былъ скорѣе „соціализмъ ремесленныхъ подмастерьевъ“—совершенно от-

существовали широкія массы рабочаго класса, на которыя могла бы опираться агитація.

Великими нѣмецкими теоретиками, о которыхъ я говорилъ, являются Юганнъ Готлибъ Фихте и Юганнъ Карль Родбертусъ.

Фихте выступилъ въ своемъ сочиненіи „Замкнутое торговое государство“, появившемся въ 1800 году, въ защиту широкаго вмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь. Его практическія предложенія сводятся къ тому, чтобы государственная власть допускала къ занятію промышленностью и торговлей лишь столько лицъ, сколько можетъ прокормить наличное число земледѣльцевъ, съ другой стороны, земледѣльцы, промышленники и торговцы должны имѣть исключительное право на занятіе своей отрасли промышленности. Кромѣ того, государственная власть должна опредѣлять цѣны всѣхъ предметовъ, выражая эти послѣднія въ необходимыхъ средствахъ существованія (рожь, пшеница).

Подобно Фихте, Родбертусъ также стоитъ на точкѣ зрѣнія государственнаго социализма. Онъ также не былъ социалистическимъ агитаторомъ и не принималъ практическаго участія въ рабочемъ движеніи; онъ былъ ученымъ и свою социалистическую систему изложилъ въ научныхъ трудахъ, а именно, въ своихъ социальныхъ письмахъ къ фонъ-Кирхману (1850 и 1851).

Родбертусъ находитъ общую причину пауперизма и торговыхъ кризисовъ въ томъ явленіи, что рабочіе не получаютъ полной цѣнности своего труда, а лишь малую часть ея. Благодаря собственности на землю и капиталъ, рабочіе получаютъ изъ всего народнаго дохода не болѣе, чѣмъ необходимо для поддержанія ихъ существованія, въ то время, [какъ собственникамъ земли и капитала достается все остальное въ видѣ земельной ренты и дохода на капиталъ. Слѣдствіемъ этой недостаточности заработной платы являются торговые кризисы: въ то время, какъ, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, количества произведенныхъ продуктовъ возростають, покупательная сила широкихъ массъ рабочихъ остается постоянно слишкомъ малой, такъ что многіе продукты должны остаться непроданными.

Родбертусъ, однако, не думаетъ, что вмѣсто существующаго праваго строя немедленно должна установиться коллективная соб-

ственность на землю и капиталъ. Онъ полагаетъ, что только въ далекомъ будущемъ, приблизительно лѣтъ черезъ 500, наступить пора коммунистическаго общественнаго строя. До того же времени можетъ имѣть мѣсто лишь компромиссъ между существующимъ правовымъ строемъ и социализмомъ. Существенное содержаніе предложеній, которыя должны быть немедленно осуществлены, таково: Государство не должно допускать свободнаго установленія цѣнъ на наемный трудъ и товары, но должно взять это дѣло въ свои руки и установить подробную систему таксъ. Цѣны не должны, однако, выражаться въ матеріальныхъ деньгахъ, какъ это имѣетъ мѣсто теперь, но въ трудовыхъ деньгахъ.

Для этой цѣли въ каждой отрасли промышленности долженъ быть опредѣленъ нормальный рабочій день и нормальный продуктъ труда такого нормальнаго рабочаго дня; въ этихъ нормальныхъ рабочихъ часахъ или дняхъ опредѣляется цѣна всѣхъ товаровъ и услугъ. При опредѣленіи стоимости товаровъ нужно принять во вниманіе не только непосредственно затраченный трудъ, но и долю цѣнности орудій, въ зависимости отъ ихъ изнашивания. Такъ какъ производительность труда подвержена измѣненіямъ, и, слѣдовательно, одна и таже мѣра нормальнаго труда въ различныя времена производитъ разное количество продуктовъ, то государство должно предпринимать періодическій пересмотръ своихъ расцѣнокъ.

Чтобы пустить въ ходъ трудовыя деньги, государство должно сохранить за собой право выпуска послѣднихъ, предоставить работодателямъ дешевый кредитъ въ этихъ денежныхъ знакахъ и устроить государственные магазины, въ которыхъ хранились бы товары и обмѣнивались на трудовыя деньги. Выгода такихъ мѣропріятій для рабочаго класса состояла бы, по мнѣнію Родбертуса, въ томъ, что рабочимъ могла бы быть гарантирована опредѣленная доля (напр. $\frac{3}{10}$) всего народнаго дохода.

Въ то время, какъ теперь доходъ рабочихъ классовъ, даже и при возрастающей производительности труда, удерживается на уровнѣ необходимыхъ средствъ существованія, въ будущемъ онъ могъ бы возрастать въ одинаковой пропорціи съ капиталомъ, прибылью и земельной рентой.

Какъ ни важны труды Фяхте и Родбертуса для исторіи социалистическихъ идей, на социалистическое движеніе они не имѣли почти никакого вліянія, чего, напротивъ, нельзя сказать объ идеяхъ Лассалья.

Лассаль тоже сравнительно поздно принялъ участіе въ движеніи. Только съ 1863 года, времени основанія Всеобщаго Нѣмецкаго Союза Рабочихъ, начинается его настоящая практическая политическая пропаганда идей социализма, и она длилась неполныхъ 2 года, такъ какъ уже въ 1864 году Лассаль умеръ, какъ я уже упомянулъ, на поединкѣ.

Прежде, чѣмъ я укажу вамъ на особенность социализма Лассалья, хочу обрисовать вамъ въ краткихъ чертахъ его жизненный путь.

Лассаль родился 11 апрѣля 1825 года въ Бреславлѣ, онъ приходилъ изъ тамошней еврейской купеческой семьи. Сперва онъ посѣщалъ гимназію въ родномъ городѣ, а затѣмъ, начиная съ 15-тилѣтняго возраста, коммерческое училище въ Лейпцигѣ. Это переселеніе произошло не потому, какъ предполагаютъ многіе, что Лассаль, вопреки собственной волѣ, былъ предназначенъ родителями къ купеческой дѣятельности, но потому, что пребываніе въ Бреславлѣ стало для него невозможнымъ вслѣдствіе его многихъ школьныхъ выходокъ. Въ Лейпцигѣ Лассаль рѣшилъ посвятить себя научнымъ занятіямъ. Начиная съ 1842 года занимался онъ въ Бреславлѣ и Берлинѣ сперва филологіей, затѣмъ философіей, и уже намѣтилъ себѣ планъ большой работы о философѣ Гераклитѣ. Въ 1844 году онъ отправился въ путешествіе и долгое время пробылъ въ Парижѣ; по возвращеніи въ Германію въ 1846 году, Лассаль познакомился съ графиней Гацфельдъ, которой онъ помогалъ своими совѣтами въ ея многолѣтнемъ процессѣ о разводѣ.—Во время революціонныхъ событій 1848 года Лассаль жилъ въ Дюссельдорфѣ, куда онъ сопровождалъ графиню Гацфельдъ; здѣсь онъ присоединился къ демократической партіи и сотрудничалъ въ „Новой Рейнской газетѣ“, издаваемой Карломъ Марксомъ. Такъ какъ Лассаль агитировалъ въ пользу организаціи вооруженнаго сопротивленія взиманію налоговъ, то онъ былъ об-

виненъ въ возбужденіи населенія противъ публичной власти; присяжные, однако, оправдали его.

Для этого процесса Лассаль составилъ защитительную рѣчь, которая затѣмъ появилась въ печати подъ названіемъ „Рѣчь передъ присяжными“; однако эта рѣчь не была произнесена, такъ какъ Лассаль, въ видѣ протеста противъ постановленія суда исключить гласность при разборѣ дѣла, отказался отъ всякой защиты. По второму обвиненію, которое было возбуждено противъ Лассалья, а именно въ возбужденіи къ сопротивленію противъ правительственныхъ чиновниковъ, онъ былъ присужденъ исправительнымъ полицейскимъ судомъ къ 6 мѣсяцамъ заключенія. До 1857 Лассаль оставался въ Дюссельдорфѣ; затѣмъ переѣхалъ въ Берлинъ, послѣ того, какъ, черезъ посредство Александра фонъ Гумбольдта, получилъ отъ прусскаго короля позволеніе поселиться въ столицѣ. Здѣсь Лассаль закончилъ свое сочиненіе о „философіи Гераклита“; вслѣдъ за этой книгой, онъ выпустилъ въ свѣтъ драму „Францъ фонъ Зикингенъ“.

Послѣ небольшого сочиненія „Итальянская война и задача Пруссіи“ появилось въ 1861 году большое его философско-правовое сочиненіе „Система прибрѣтенныхъ правъ. Примиреніе положительнаго права съ философіей права“. Въ слѣдующемъ затѣмъ, послѣднемъ періодѣ его жизни, въ 1863 и 1864 годахъ, онъ занимался почти исключительно агитаціей въ пользу Всеобщаго Нѣмецкаго Союза Рабочихъ.

Лассаль былъ сторонникомъ гегелевской философіи и въ теченіе всей своей жизни оставался вѣрнымъ этимъ философскимъ воззрѣніямъ. Онъ сводитъ историческія явленія къ развитію и движенію идей. Правовые институты для него—*реализація историческихъ понятій духа*. Его идеалистическія воззрѣнія развились въ особенности подъ вліяніемъ занятій классической и античной философіей. Онъ умѣлъ мастерски пользоваться гегелевскимъ діалектическимъ методомъ для цѣлей экономики.

Совершенно въ духѣ Гегеля, для него философія—это движеніе мыслей (діалектика), система понятій, изъ которыхъ каждое переходитъ въ слѣдующее за нимъ, создаетъ его изъ себя, какъ само оно было создано изъ предыдущаго.

Осуществленіе соціальныхъ идеаловъ онъ считалъ дѣломъ государства и въ этомъ отношеніи онъ положительно создалъ себѣ культъ государства. Основной тонъ его рѣчей и сочиненій былъ всегда идеалистическій, и постоянно онъ указывалъ на государство, какъ на органъ, призванный осуществить намѣченныя имъ реформы.

Все это я говорю вамъ, однако, съ одной очень важной оговоркой. Указанныя идеи Лассаль высказывалъ только тогда, когда выступалъ публично въ рѣчахъ и сочиненіяхъ. Въ перепискѣ съ друзьями, а именно съ Марксомъ и Энгельсомъ, онъ обнаруживаетъ другой образъ мыслей. Изъ этихъ писемъ можно вынести впечатлѣніе, что въ глубинѣ души Лассаль стоялъ ближе къ матеріалистическому міросозерцанію Маркса и предпочелъ бы тактику Маркса—тактику интернаціональной классово́й борьбы,—еслибы только считалъ возможнымъ такимъ радикальнымъ и революціоннымъ путемъ скорѣй достигнуть цѣли. Нужно считаться съ этой двуличностью Лассаля, если вы желаете вѣрно судить о немъ и понять нѣкоторыя его противорѣчія. Онъ самъ въ письмахъ къ друзьямъ не дѣлаетъ тайны изъ того, что въ политической агитаціи необходимо кое-что скрывать, кое о чемъ умолчать и не всегда выступать со своими дѣйствительными мнѣніями.

Какъ на типичный примѣръ этой его особенности, я укажу вамъ на его отношеніе къ итальянской войнѣ 1859 г. Въ составленной по этому поводу брошюрѣ Лассаль вкратцѣ набросалъ программу дѣйствій, согласно которой даннымъ случаемъ слѣдовало бы воспользоваться для объединенія Германіи. Но единство Германіи невозможно до тѣхъ поръ, пока Австрія занимаетъ самостоятельное міровое положеніе; поэтому, полагаетъ онъ, нужно уничтожить Австрію, и теперь наступилъ для Пруссіи моментъ, путемъ освобожденія Шлезвигъ-Голштиніи, взять на себя эту національную задачу. Въ концѣ брошюры Лассаль пишетъ: Въ этой войнѣ, затрагивающей жизненные интересы какъ всего нѣмецкаго народа, такъ и Пруссіи, нѣмецкая демократія пойдетъ даже за Прусскимъ знаменемъ и ниспровергнетъ всѣ препятствія съ такой силой, на какую только способенъ опьяняющій взрывъ

народной страсти, сдерживаемой въ теченіе 40 лѣтъ и теперь рвущейся наружу“.

Довѣрчивый читатель этой брошюры выноситъ впечатлѣніе, что Лассаль дѣйствительно проникнуть національной идеей объединенія нѣмецкаго народа путемъ уничтоженія могущества Габсбурговъ; что онъ, въ сущности, защищаетъ политику Бисмарка съ тою развѣт разницей, что разсчитываетъ при этомъ, по преимуществу, на нѣмецкую демократію.

Въ какомъ, однако, отношеніи находится все это къ дѣйствительному мнѣнію Лассаля, какъ оно изложено въ письмахъ къ Марксу по поводу указанной брошюры? Изъ этихъ писемъ видно, что, рекомендуя указанный имъ путь, Лассаль надѣялся, что правительство не пойдетъ по этому пути, и разсчитывалъ въ такомъ случаѣ доказать воочію, что правительство не пожелало пойти по этому единственному пользующемуся народнымъ одобреніемъ пути. Разоблаченіемъ этой ошибки прусскаго правительства онъ надѣялся усилить революціонное теченіе: онъ указывалъ правительству въ высокой степени національный и популярный путь, по которому оно *in abstracto* могло бы легко пойти, *in concreto* же ни въ какомъ случаѣ не пошло бы. И такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что правительство этого пути не выберетъ, то онъ и разсчитывалъ такимъ образомъ найти средство сдѣлать правительство крайне непопулярнымъ.

Итакъ, онъ отстаиваетъ идею войны съ Франціей ради того, чтобы поселить недовѣріе народа къ правителю. Исходя изъ тѣхъ же основаній, Лассаль восторгается Зикингеномъ, рисуя его „реалистическое превосходство“ передъ Гуттенемъ, въ письмѣ къ Марксу; письмо это можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить характеристикой собственной манеры Лассаля дипломатически скрывать свои конечныя цѣли: „при такихъ обстоятельствахъ я считаю триумфомъ величайшей реалистической мудрости вожаковъ революціи, что они, считаясь съ данными средствами, держатъ въ тайнѣ отъ другихъ (а иногда можетъ быть и отъ самихъ себя) истинныя и конечныя цѣли движенія и путемъ такого обмана не только побѣждаютъ господствующіе классы, но, пользуясь ими, получаютъ возможность организаціи новыхъ силъ и, овладѣвъ мудро

частью дѣйствительности, побѣждаютъ затѣмъ саму дѣйствительность“.

Многочратно Лассаль въ своихъ письмахъ къ Марксу старается завѣрить его въ своемъ революціонномъ образѣ мыслей: „Пламенные документы и мои сочиненія доказываютъ, что я — съ 1840 года революціонеръ, а съ 1843—соціалистъ“.

Предположивъ, что Лассаль обнаружилъ свои истинныя убѣжденія въ письмахъ къ Марксу и Энгельсу и дѣйствительно желалъ поддержать революцію предложеннымъ имъ путемъ, то все же существенная разница между нимъ и Марксомъ будетъ въ томъ, что Лассаль мечтаетъ о національномъ революціонномъ подъемѣ нѣмецкаго народа, въ то время, какъ Марксъ стоялъ на точкѣ зрѣнія интернаціональной революціи.

Здѣсь я, впрочемъ, не преслѣдую задачу узнать искреннее и сокровенное мнѣніе Лассаля, но я долженъ отвѣтить на вопросъ, какъ вліялъ Лассаль на массы своей общественной дѣятельностью? На это можетъ быть только тотъ отвѣтъ, что онъ всегда отстаивалъ точку зрѣнія идеализма, государственнаго соціализма, соціальныхъ реформъ, въ противоположность матеріалистической, антигосударственной и революціонной программѣ Маркса.

Въ своей агитаціи, въ рѣчахъ и брошюрахъ, которыя онъ опубликовалъ въ цѣляхъ агитаціи, постоянно повторяются нѣкоторыя основныя мысли, изложенныя имъ ранѣе въ его основныя научныя труды.

Эти основныя, научныя сочиненія, однако, вовсе не экономическаго содержанія. Лассаль не былъ оригинальнымъ экономистомъ-мыслителемъ. Его единственное экономическое сочиненіе—Бастіа-Шульце—появилось незадолго до его смерти и показываетъ, что въ экономической области Лассаль былъ эклектикомъ. Находясь, съ одной стороны, подъ вліяніемъ Маркса, Энгельса, Родбертуса и, съ другой, французскихъ соціалистовъ, Лассаль въ своихъ теоріяхъ процента на капиталъ, заработной платы, ренты, цѣнности и т. д. излагаетъ мысли, которыя до него были лучше и обстоятельнѣе высказаны уже другими.

Новые научныя пути Лассаль проложилъ въ области философіи и науки о правѣ. Въ этихъ областяхъ—по отзывамъ компе-

тентныхъ спеціалистовъ—его труды оригинальны и представляютъ большую научную цѣнность. Это — „Философія Гераклита Темнаго изъ Эфеса“ (Берлинъ 1857) и сочиненіе по философіи права „Система прибрѣтенныхъ правъ“ (Лейпцигъ 1861). Въ этихъ сочиненіяхъ по философіи права мы находимъ въ зародышѣ основныя философскія воззрѣнія, которыя легли въ основу его социалистическихъ теорій.

Въ этихъ сочиненіяхъ Лассаль исходитъ изъ слѣдующихъ положеній. Основательное изученіе права должно привести, по его мнѣнію, къ выводу, что общія, отвлеченныя категоріи права собственности, наслѣдованія, договора, семьи и т. д. совершенно бесполезны, что римское понятіе собственности отлично отъ германскаго, римское понятіе наслѣдованія отлично отъ германскаго, римское понятіе семьи отлично отъ германскаго и т. д.; короче говоря, философія права, принадлежа къ историческимъ наукамъ о духѣ, имѣетъ своимъ предметомъ не логически-вѣчныя категоріи; напротивъ, правовые институты являются лишь историческими реализаціями идей духа, лишь выраженіемъ духовнаго содержанія различной исторической сущности духа того или другого народа, той или другой эпохи, и только съ этой точки зрѣнія правовые институты и могутъ быть поняты.

Что касается вопроса о такъ называемыхъ прибрѣтенныхъ правахъ, то, по мнѣнію Лассаля, индивидъ, путемъ своихъ дѣйствій, путемъ одностороннихъ и двустороннихъ договоровъ, можетъ установить извѣстныя права для себя и другихъ лицъ лишь тогда и постолько, поскольку существующіе законы допускаютъ данное правовое содержаніе. Такъ какъ единственнымъ источникомъ права является совокупное сознаніе всего народа, общій духъ народа, то уничтоженіе какого либо существующаго правового института, напримѣръ, крѣпостной зависимости, барщины, оброка, фидеикоммиссарнаго наслѣдованія и т. п., вытекающее изъ измѣненій общаго народнаго сознанія, не можетъ быть рассматриваемо, какъ нарушеніе прибрѣтенныхъ правъ. По тѣмъ же причинамъ нельзя признавать и права на вознагражденіе. Индивидъ не можетъ объявить себя самодержавнымъ на вѣчныя времена, по отношенію ко всѣмъ будущимъ, принуди-

тельнымъ и запретительнымъ законамъ, а вѣдь въ сущности идея такого именно самодержавія личности заключается въ требованіи ненарушимости пріобрѣтеннаго права даже тогда, когда запретительный законъ не допускаетъ его существованія.

Далѣе Лассаль переходитъ къ правовымъ воззрѣніямъ на институтъ наслѣдованія. Римское наслѣдственное право произошло изъ идеи безсмертія римскаго народнаго духа, древнегерманское же имѣетъ свои корни въ идеѣ, что семья, а не наличный владѣлецъ, является собственникомъ имущества. Въ наше время уже нѣтъ на лицо этихъ старыхъ воззрѣній, поэтому наслѣдственное право должно быть измѣнено. Современное наслѣдственное право исходитъ изъ „семьи, какъ государственнаго института“, изъ „всеобщей воли государства, регулирующей наслѣдственное имущество“. Въ настоящее время естественнымъ правомъ не является ни наслѣдованіе имущества по завѣщанію, ни безъ завѣщанія, а регулированіе наслѣдованія съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ.

Въ этомъ сочиненіи мы можемъ найти мѣсто, въ которомъ ясно уже обнаруживается социалистическая тенденція автора. Лассаль усматриваетъ культурно-историческій ходъ всей исторіи права въ томъ, что сфера частной собственности все болѣе ограничивается, и все возрастающее число объектовъ исключается изъ частной собственности. Сперва *res sacrae* были изъяты изъ индивидуальнаго произвола, но люди еще долго были предметомъ собственности другихъ людей. Законы объ обязательныхъ доляхъ были ограниченіемъ и уничтоженіемъ правъ собственника. Развивая эти мысли далѣе, Лассаль приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Въ социальномъ отношеніи міръ стоитъ передъ задачей, возможно ли теперь, когда уже не существуетъ болѣе права собственности на непосредственное использование другого чело-вѣка, возможно ли существованіе косвенной эксплуатаціи чело-вѣка; т. е. должно ли свободное примѣненіе и развитіе рабочей силы составлять исключительную собственность владѣльца объектовъ труда и трудового задатка (капитала), и должна ли, вслѣд-ствіе этого, предпринимателю, какъ таковому, и независимо отъ вознагражденія за его умственный трудъ, принадлежать собствен-

ность на цѣнность чужого труда (премія на капиталъ, прибыль на капиталъ),—цѣнность, составляющая разницу между продажной цѣной продукта и суммой заработныхъ платъ и вознагражденій за все,—въ томъ числѣ и умственный трудъ,—что только содѣйствовало полученію продукта.

Въ докладѣ, читанномъ въ 1862 году въ ремесленномъ союзѣ въ предмѣстьѣ Ораніенбургѣ и озаглавленномъ: „Рабочая программа. Выясненія связи настоящаго періода исторіи съ идеей рабочаго сословія“, Лассаль различаетъ періоды исторіи, смотря по сословіямъ, господствовавшимъ въ ту или другую эпоху.

Въ эпоху среднихъ вѣковъ господствующимъ принципомъ, проникающимъ во всѣ институты того времени, была идея дворянства и землевладѣнія.

Этотъ періодъ, существованіе котораго завершила Великая Французская Революція, уступилъ мѣсто новой эпохѣ, имѣющей своимъ принципомъ крупное буржуазное владѣніе или капиталъ; послѣднему принадлежитъ привилегія опредѣлять характеръ всѣхъ общественныхъ установленій, имъ обусловливается участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства.

24 февраля 1848 года загорѣлась заря новаго періода исторіи, который стремится сдѣлать господствующимъ принципомъ общества принципъ четвертаго сословія и имъ опредѣлить характеръ всѣхъ учрежденій.

„Но“, продолжаетъ Лассаль, „господство четвертаго сословія характеризуется тѣмъ неизмѣримымъ отличіемъ, что это сословіе—послѣднее по числу и по положенію, сословіе, обездоленное въ обществѣ, и потому оно не можетъ выставить никакихъ условій, исключаящихъ кого бы то ни было, ни юридическихъ, ни фактическихъ, оно не можетъ выставить ни дворянства и землевладѣнія, ни владѣнія капиталомъ.

И въ риторическомъ порывѣ Лассаль восклицаетъ: „Это четвертое сословіе, въ сердцѣ котораго нѣтъ больше мѣста для какихъ бы то ни было новыхъ привилегій, тождественно, слѣдовательно, со всѣмъ человѣчествомъ. Его дѣло, по истинѣ,—дѣло всего человѣчества. Его свобода—свобода самого человѣчества, его господство—господство всѣхъ“.

„Кто, поэтому, провозглашает идею рабочего сословія, идею господствующаго принципа общества въ томъ смыслѣ, какъ я сказалъ, тотъ не зоветъ къ расколу и разъединенію классовъ общества, но дѣлаетъ призывъ къ примиренію, призывъ, обнимающій все общество“

Въ этой рѣчи онъ уже указываетъ государству на его задачу содѣйствовать рабочему сословію въ осуществленіи описанной цѣли. „Въ этомъ состоитъ, собственно, нравственная природа государства, его истинное высокое назначеніе.. А рабочее сословіе и вообще низшіе классы общества въ силу уже безпомощнаго положенія, въ какомъ находятся ихъ члены, имѣютъ глубокое инстинктивное пониманіе этой задачи государства; пониманіе, что назначеніемъ государства есть и должно быть—содѣйствовать индивиду, путемъ соединенія всѣхъ, достигнуть того развитія, какое непосильно ему въ одиночку“.

Этотъ докладъ, напечатанный Лассалемъ, былъ конфискованъ берлинскою полиціей и авторъ преданъ суду по обвиненію въ возбужденіи неимущихъ классовъ противъ имущихъ. Онъ былъ приговоренъ къ 4 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, но судебная палата, въ которую Лассаль обжаловалъ приговоръ, замѣнила наказаніе денежнымъ штрафомъ.

Талантливыя защитительныя рѣчи Лассалья появились въ видѣ брошюръ, произнесенная въ первой инстанціи—подъ заглавіемъ „Наука и рабочіе“, и во второй—подъ заглавіемъ „Косвенные налоги и положеніе рабочихъ классовъ“. Въ этой второй рѣчи, только часть которой была, впрочемъ, произнесена на судѣ, Лассаль развиваетъ мысли, изложенныя имъ въ докладѣ по поводу обремененія рабочихъ классовъ косвенными налогами, обосновываетъ ихъ многочисленными ссылками на ученыхъ экономистовъ и статистическими данными. Лассаль старается доказать, что косвенные налоги не только падаютъ почти всей своей массой на несостоятельные классы, вмѣсто того, чтобы настигать каждого индивида соразмѣрно съ его капиталомъ и доходомъ, но что этого рода налоги являются такимъ именно институтомъ, посредствомъ котораго буржуазія осуществляетъ привилегію освобождать отъ,

налога крупные капиталы и перелagать всю тяжесть содержания государства на болѣе бѣдные классы общества.

11 февраля 1863 года Лейпцигскій „Центральный Комитетъ по созыву нѣмецкаго конгресса рабочихъ“ обратился къ Лассалю съ просьбой въ какой нибудь формѣ, какую онъ найдетъ для себя подходящей, высказать свой взглядъ на рабочее движеніе и въ частности на значеніе Шульце-Деличевскихъ товариществъ для неимущихъ классовъ народа, и Лассалю представился, такимъ образомъ, случай дать практически-политическую форму своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ.

Въ отвѣтъ на предложеніе, Лассаль опубликовалъ свой „Открытый отвѣтъ“, гдѣ онъ изложилъ свои основные взгляды. Эта программа легла въ основу Всеобщаго Нѣмецкаго Рабочаго Союза, представляющаго собой первую организацію социаль-демократической партіи въ Германіи. Лассаль начинаетъ свой „Открытый отвѣтъ“ призывомъ къ нѣмецкому рабочему сословію организоваться въ самостоятельную политическую партію, основать независимо отъ протрессивной партіи свою нѣмецкую рабочую партію. Только при помощи представительства рабочаго класса въ законодательныхъ органахъ нѣмецкихъ государствъ могутъ быть обезпечены его политическіе интересы.

Что касается социальнаго вопроса, то Шульце-Деличевскія ассоціаціи, кредитныя, ссудныя, потребительныя товарищества, товарищества для закупки сырья—все это только палліативы, совершенно безсильные серьезно улучшить положеніе рабочаго класса. Кто желаетъ послѣдняго, долженъ устранить дѣйствія извѣстнаго экономическаго закона, господствующаго нынѣ, при свободной конкуренціи. Это—законъ заработной платы.

Лассаль обстоятельно развилъ такъ называемый желѣзный законъ рабочей платы, который и до него былъ уже формулированъ Тюрго и Рикардо, но здѣсь имъ положенъ въ основу социалистической программы. Этотъ желѣзный законъ, опредѣляющій при современныхъ условіяхъ рабочую плату, состоитъ въ слѣдующемъ: средняя заработная плата всегда сводится къ необходимымъ средствамъ существованія, какія по обычаямъ даннаго народа достаточны для одного лишь поддержанія существованія и

продолженія рода. Это—точка, къ которой тяготѣетъ дѣйствительная заработная плата въ своихъ колебаніяхъ, подобно маятнику, не имѣя возможности ни подняться выше, ни упасть ниже. Заработная плата не можетъ на долгое время подняться выше этого средняго уровня, такъ какъ въ такомъ случаѣ, вслѣдствіе улучшенія положенія рабочихъ, произошло бы увеличеніе браковъ, усиленное размноженіе, возрастаніе рабочаго населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе предложенія рабочихъ рукъ, которое должно было бы свести заработную плату къ прежнему уровню или даже понизить ее. Заработная плата не можетъ также упасть значительно ниже необходимыхъ средствъ существованія, такъ какъ тогда наступили бы эмиграція, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія—и, наконецъ, уменьшеніе числа рабочихъ, вслѣдствіе нищеты, а вслѣдствіе этого уменьшилось бы предложеніе рабочихъ рукъ и заработная плата вернулась бы къ прежнему уровню.

Слѣдствіемъ этого закона является то, что рабочіе лишены возможности пользоваться увеличившейся, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, производительностью труда, т. е. возросшимъ продуктомъ труда. Изъ этого бѣдственнаго положенія нѣмецкое рабочее сословіе освободится только тогда, когда оно станетъ своимъ собственнымъ предпринимателемъ, когда рабочіе сами будутъ владѣть капиталомъ, эманципировавшись отъ класса предпринимателей. Поэтому Лассаль предлагаетъ рабочимъ добровольно соединяться въ производительныя ассоціаціи; но онъ не считаетъ, однако, этой мѣры разрѣшеніемъ соціальнаго вопроса, а лишь переходнымъ средствомъ, которое могло бы подготовить разрѣшеніе вопроса; такимъ ассоціаціямъ государство должно оказать поддержку предоставленіемъ кредита.

Чтобы принудить государство къ такому вмѣшательству, слѣдуетъ прежде всего добиться всеобщаго избирательнаго права, и достиженіе этой цѣли Лассаль считаетъ важнѣйшей политической задачей нѣмецкихъ рабочихъ. Лассаля упрекали въ томъ, что онъ своимъ планомъ лишь подновилъ идею парижскихъ національныхъ мастерскихъ 1848 года. Этотъ упрекъ, однако, неоснователенъ. Предложеніе Лассаля не имѣетъ ничего общаго съ этими мастерскими. Но существуетъ нѣкоторое сходство между

проектом Лассалья и рабочими ассоціаціями съ государственнымъ кредитомъ Луи Блана, которыя послѣдній пропагандировалъ во время Февральской Революціи, о чемъ я говорилъ въ прошлой лекціи, однако Луи Бланъ шелъ значительно дальше, чѣмъ Лассаль, ассоціаціи Луи Блана составляли лишь часть обширнаго плана соціальныхъ реформъ. Далѣе Луи-Блановскія ассоціаціи должны были зависѣть отъ центральнаго органа, въ то время, какъ Лассаль предлагалъ свободныя, индивидуальная ассоціаціи.

Въ послѣдующемъ, послѣднемъ періодѣ жизни, въ 1863 и 1864 годахъ, Лассаль занимался почти исключительно агитаціей въ пользу всеобщаго нѣмецкаго союза рабочихъ.

Въ это время Лассаль велъ неоднократно переговоры съ Бисмаркомъ.

Точкой соприкосновенія для нихъ служило то, что оба они были противниками прогрессивной партіи, и Бисмаркъ желалъ воспользоваться Лассалемъ въ цѣляхъ своей политики, направленной противъ либеральной оппозиціи.

Переговоры вращались, главнымъ образомъ, вокругъ двухъ основныхъ пунктовъ программы Лассалья: *всеобщаго избирательнаго права и производительныхъ товариществъ*.

Если Бисмаркъ октроировалъ всеобщее избирательное право и сдѣлалъ небольшой опытъ съ производительными товариществами, то онъ, во всякомъ случаѣ, не шелъ по пути, намѣченному Лассалемъ.

Бисмаркъ ввелъ всеобщее избирательное право не для того, чтобы положить начало эмансипаціи рабочаго класса, а съ цѣлью воспользоваться имъ для укрѣпленія національной идеи. Какъ онъ однажды выразился въ бесѣдѣ съ Генри Вилларомъ, всеобщее избирательное право онъ считалъ необходимымъ въ качествѣ „цемента при постройкѣ зданія имперіи, въ качествѣ средства для подавленія траціонно-центробѣжныхъ тенденцій нѣкоторыхъ нашихъ мелкихъ властителей и государствъ“.

И если Бисмаркъ совѣтовалъ королю Вильгельму въ началѣ 1864 года дать въ видѣ опыта силезскимъ ткачамъ 6—7000 талеровъ для основанія производительнаго товарищества, то это было только актомъ благотворительности, не имѣвшимъ ничего

общаго съ соціально-реформаторскими цѣлями, которыя ставилъ Лассаль съ его производительными товариществами.

Сильнымъ разочарованіемъ для Лассалья былъ ходъ развитія Всеобщаго Нѣмецкаго Союза Рабочихъ: онъ, надѣявшійся, что этотъ союзъ въ скоромъ времени будетъ насчитывать 100000 членовъ, долженъ былъ примириться съ фактомъ, что, не смотря на горячую агитацію, къ союзу примкнуло не болѣе 4—5000 рабочихъ.

Послѣ смерти Лассалья, Всеобщій Нѣмецкій Союзъ Рабочихъ былъ ослабленъ сильными раздорами; если число его членовъ и увеличилось, — на выборахъ 1867 года союзъ собралъ 40000 голосовъ за своихъ кандидатовъ — то сильной, единой и живой агитаціи уже не существовало.

Все здѣсь было приспособлено къ личности Лассалья. Ни Беккеръ ни Швейцеръ, ни Фрицше не могли дать прочнаго существованія дѣтищу Лассалья.

Скоро должны были появиться болѣе могучія вліянія, которымъ суждено было совершенно вытѣснить идеи Лассалья въ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи.

Такъ потерпѣлъ крушеніе Лассаль со всѣми своими идеями и планами: его важнѣйшее экономическое ученіе — желѣзный законъ заработной платы — и его практическое предложеніе — производительныя товарищества съ государственнымъ кредитомъ — въ настоящее время потеряли значеніе какъ въ соціаль-демократіи, такъ и внѣ ея. Его союзъ долженъ былъ уступить мѣсто другимъ партійнымъ теченіямъ. Единственное изъ требованій Лассалья, нашедшее себѣ осуществленіе, — всеобщее избирательное право — было осуществлено совершенно не по тѣмъ мотивамъ, которые приводилъ Лассаль.

Самого Лассалья постигла та же трагическая судьба, какую Бальтазаръ предсказываетъ Францу фонъ Зикингену:

„Не страшно то, что вы падете,

„А страшно то, что павши, гибнете во цвѣтѣ

„Силь, борьбой не сломленныхъ, не истощенныхъ.

„— Труднѣй всего герою это перенести“.

Несмотря на всѣ неудачи, значеніе дѣятельности Лассалья было необыкновенно велико какъ для рабочаго класса, такъ и для всей нашей общественной жизни.

Въ то время, когда дѣйствовалъ Лассаль, въ 50—60 годы прошлаго столѣтія, всѣ слои народа, до самыхъ образованныхъ включительно, чрезвычайно мало интересовались политической экономіей и мало ее понимали. Или совсѣмъ не занимались этими вопросами, или благоговѣли передъ манчестерствомъ, какъ оно было заимствовано изъ Англїи и Франціи. Благодаря Лассалю значительное число ученыхъ обратили вниманіе на значеніе *соціальныхъ проблемъ*, и въ широкихъ кругахъ зародилось убѣжденіе, что государство обязано принимать тѣ или другія мѣры въ интересахъ рабочихъ.

Пусть новѣйшее нѣмецкое соціально-политическое законодательство стоитъ далеко отъ плановъ Лассалья, косвенно, однако, оно во многомъ можетъ быть сведено къ его почину: и прежде всего къ той основной мысли, что безъ государственнаго вмѣшательства въ „свободный договоръ найма“ невозможенъ культурный подъемъ рабочаго класа.

Рабочіе и понынѣ сохраняютъ благодарное воспоминаніе о Лассалѣ—не смотря на то, что его идеи не играютъ уже роли въ политической партїи рабочихъ: все еще продолжаютъ они украшать могилу перваго организатора рабочаго движенія на Бреславльскомъ кладбищѣ, которую археологъ Бэкъ снабдилъ слѣдующей надписью:

„Здѣсь покоится то, что было смертно въ Фердинандѣ Лассалѣ, мыслителѣ и борцѣ“.

ХІ ЛЕКЦІЯ

Соціалізмъ въ Германіи.

(Карль Марксъ).

Въ томъ же 1863 году, когда былъ основанъ Всеобщій Нѣмецкій Рабочій Союзъ, въ Лейпцигѣ былъ учрежденъ *Рабочій Союзъ*. Основала его Прогрессистская партія, разрѣшавшая и рабочій вопросъ съ либерально-индивидуалистической точки зрѣнія.

Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ этого Рабочаго Союза былъ *Августъ Бебель*. Медленно, но настойчиво направлялъ онъ Союзъ въ соціалистическое русло, пока тотъ не призналъ, наконецъ, въ 1868 году основныхъ положеній *Интернаціонала*. Въ 1869 году Союзъ, вмѣстѣ съ бывшими членами Всеобщаго Нѣмецкаго Рабочаго Союза, образовалъ „*Соціалъ-демократическую рабочую партію*“.

Итакъ, къ первой соціалистической организаціи, основанной на почвѣ идей *Лассалья*, присоединилась вторая.

Существенное вліяніе на перемѣну взглядовъ Бебеля оказалъ *Вильгельмъ Либкнехтъ*. Онъ былъ горячимъ приверженцемъ *Карла Маркса*, съ которымъ онъ уже въ концѣ 40-хъ годовъ работалъ въ Союзѣ Коммунистовъ въ духѣ интернаціональнаго соціализма.

Такимъ образомъ, духъ Маркса проникъ въ нѣмецкое рабочее движеніе, и марксистамъ удалось не только окончательно уничтожить вліяніе идей *Лассалья*, но и создать и сохранить политическую рабочую партію на почвѣ основныхъ положеній Маркса, по сей день выступающую дружно и сомкнутыми рядами.

Трудно представить себѣ бѣольшую противоположность, чѣмъ та, которая существовала между *Марксомъ* и *Лассалемъ*, какъ личностями.

Въ противовѣсъ страстной, безпокойной, честолюбивой натурѣ *Лассалья*, передъ нами встаетъ спокойный, настойчивый и терпѣливо стремящійся къ опредѣленной конечной цѣли характеръ *Маркса*.

Въ то время, какъ *Лассаль* никогда не могъ отдѣлить дѣла отъ личности, *Марксъ*, напротивъ, почти никогда не выдвигаетъ впередъ своей личности. Онъ только стремился неустанной духовной работой выковать то оружіе, которое, по его мнѣнію, было необходимо пролетариату въ его освободительной борьбѣ.

Въ то время, какъ *Лассаль* положительно изнурялъ себя агитаторской дѣятельностью, *Марксъ* велъ тихую и уединенную жизнь ученаго, и все таки держалъ въ рукахъ всѣ нити международнаго рабочаго движенія, слѣдилъ за нимъ и направлялъ ходъ его развитія до мельчайшихъ подробностей.

Въ то время, какъ *Лассаль* разбрасывался въ своихъ научныхъ занятіяхъ и обогатилъ оригинальными трудами много областей научнаго знанія—я двигаю впередъ, malheureusement, не одну, а 4 или 5 наукъ сразу.—писалъ онъ однажды *Марксу*—этотъ послѣдній, обладая познаніями во всевозможныхъ областяхъ науки, продуктивно занимался всегда одной ея областью—*политической экономіей*.

Въ то время, какъ *Лассаль*—какъ я уже указывалъ вамъ—въ области политической экономіи былъ эклектикомъ, *Марксъ*, видѣвшій въ „экономіи“ движущую силу всякаго общественнаго развитія, именно въ этой области и сдѣлалъ оригинальныя и глубоко обоснованныя изслѣдованія.

„Капиталъ“—въ настоящее время трехтомная работа—является однимъ изъ великихъ произведеній нашей науки, что долженъ признать и тотъ, кто не согласенъ съ основными положеніями этого произведенія.

Я даже думаю, что найдется мало людей, которые разсматривали бы марксово ученіе о цѣнности, красной нитью проходящее черезъ все произведеніе, какъ вѣрное теоретическое обоснованіе политической экономіи. Противорѣчія между 1-мъ и 3-мъ томами въ этомъ пунктѣ такъ велики, что даже многіе бывшіе сторонники *марксовой* теоріи цѣнности разочарованы и пытаются раз-

рѣшить эти противорѣчія частью тѣмъ, что разсматриваютъ все ученіе о цѣнности лишь, какъ „умозрительныхъ образъ“, которымъ не должно объяснять какихъ-либо реальныхъ фактовъ хозяйственной жизни.

Но безразлично, согласимся ли мы или нѣтъ съ ученіемъ о цѣнности.—„Капиталъ“ содержитъ также множество идей по вопросамъ теоріи, исторіи и политики народнаго хозяйства, онъ представляетъ собою такой обильный источникъ политико-экономическихъ познаній, что всякій, кто даже и не можетъ согласиться съ односторонней точкой зрѣнія, съ какой разрабатываются и подбираются здѣсь всѣ данныя, тѣмъ не менѣе найдетъ въ этомъ трудѣ много поучительнаго и богатѣйшій матеріалъ для размышленій.

И всегда почерпалъ Марксъ свои свѣдѣнія изъ первоисточниковъ,—съ работами экономистовъ классическаго и до-классическаго періода онъ былъ такъ же хорошо знакомъ, какъ и съ мельчайшими подробностями объемистыхъ „синихъ книгъ“, выходившихъ въ Англіи по социальнымъ вопросамъ.

Карлъ Марксъ родился въ Трирѣ 5 мая 1818 г. въ семьѣ еврейскаго адвоката *Генриха Маркса*. Въ Боннѣ и Берлинѣ онъ изучалъ юриспруденцію и философію и получилъ въ 1841 году ученую степень за диссертацию: „О философіи Эпикура“. Отказавшись отъ своего первоначальнаго намѣренія получить званіе доцента, онъ сталъ сначала дѣятельнымъ журналистомъ, и именно въ „Рейнской Газетѣ“, оппозиціонномъ органѣ, основанномъ нѣкоторыми представителями радикальной рейнской буржуазіи. Послѣ закрытія этой газеты въ 1843 году, Марксъ, женившійся въ то время на Дженни-Фонъ Вестфаленъ, отправился въ Парижъ, гдѣ онъ издавалъ, совмѣстно съ Арнольдомъ Ругэ, „Нѣмецко-Французскій Ежегодникъ“. Какъ разъ въ это время Марксъ сталъ послѣдователемъ социализма. Съ этого же времени начинается его дружба съ Фридрихомъ Энгельсомъ, съ которымъ онъ потомъ работалъ до самой своей смерти. За свое сотрудничество въ выходившемъ въ Парижѣ еженедѣльникѣ „Впередъ“, онъ былъ, по настоянію прусскаго правительства, высланъ изъ Франціи и отправился, въ началѣ 1845 года, въ Брюссель. Здѣсь онъ и Энгельсъ выработали, въ началѣ 1848 года, Манифестъ

Коммунистической Партіи, представляющей самое сжатое и точное изложение важнейших основ марксистскаго социализма.

При взрывѣ февральской революціи, Марксъ былъ высланъ изъ Бельгіи и возвратился въ Парижъ, куда его приглашало временное правительство. Въ томъ же году Марксъ отправился въ Кельнъ, гдѣ началъ издавать „Новую Рейнскую Газету“. Вскорѣ и она была закрыта, и Марксъ былъ высланъ. Послѣ короткаго пребыванія въ Парижѣ, онъ былъ въ іюнѣ 1849 года высланъ и оттуда, и переселился въ Лондонъ, гдѣ жилъ уже до самой смерти, послѣдовавшей въ 1883 году.

Въ Лондонѣ онъ опубликовалъ въ 1859 году свое сочиненіе „Къ Критикѣ политической экономіи“,—предвѣстникъ своего великаго произведенія—„Капитала“, первый томъ котораго вышелъ въ 1867 году, а остальные два—уже послѣ его смерти.

Стоитъ только подумать о различіи міровоззрѣній *Маркса и Лассаля*, чтобы понять всю невозможность сколько нибудь прочно примирить тенденціи обоихъ этихъ социалистовъ въ рабочемъ движеніи.

Въ немъ неизбежно должны были взять верхъ идеи либо Лассаля, либо Маркса.

Нельзя было связать Лассаля, до самой смерти оставшагося гегельянцемъ, съ Марксомъ, стоявшимъ на почвѣ матеріалистическаго пониманія исторіи.

Правда, и Марксъ былъ вначалѣ гегельянцемъ, но уже въ 40-хъ годахъ онъ окончательно отрѣшился отъ философіи Гегеля. Во всякомъ случаѣ, на способъ изложенія мыслей Маркса Гегель оказалъ сильное вліяніе. Марксъ не только, по его собственному выраженію, „любилъ кокетничать гегелевской манерой выражаться“, но и употреблялъ въ важныхъ мѣстахъ своего сочиненія гегелевскую фразеологию. Это сказывается, напримѣръ, въ его взглядѣ на исторію, какъ на полный внутреннихъ противорѣчій процессъ, въ которомъ каждая общественная форма въ извѣстное время съ необходимостью должна уступить свое мѣсто новой. Гегелевское „противорѣчіе“ Марксъ разсматриваетъ, какъ „исходную точку всякой діалектики“. Идеи о переходѣ одного состоянія въ другое, объ отрицаніи отрицанія и т. д. непрерывно повторяются. Осо-

бенно же ясно онъ выступаютъ въ слѣдующихъ словахъ *Маркса*: „Покоящійся на товарномъ производствѣ и товарномъ обмѣнѣ законъ присвоенія, или законъ частной собственности, по внутренней, неизбежной діалектикѣ, переходитъ въ свою прямую противоположность“.

Но это только фразеологія. По существу же *Марксъ* уже очень рано относился отрицательно къ Гегелю. Это критическое, отношеніе обнаруживается уже въ марксовскихъ произведеніяхъ 40-хъ годовъ, направленныхъ противъ *Прудона* и *Грина*. *Марксъ* обратился уже тогда къ философіи Фейербаха, но съ тѣмъ только, чтобы, бросивъ и эту гуманитарную философію, уже окончательно отдать себя выработанной имъ, совмѣстно съ *Энгельсомъ* матеріалистической теоріи пониманія исторіи.

Если *Лассаль* думалъ, что рабочее движеніе совершается по заранѣе опредѣленному „идеямъ“, выражающимъ состояніе „народнаго духа въ данную эпоху, то *Марксъ*, наоборотъ, въ „идеальномъ“ видѣлъ только отраженіе экономическихъ условій. Не можетъ быть, поэтому, и рѣчи о томъ, чтобы разсматривать „идею“ рабочаго сословія, или какую бы то ни было другую „идею“, какъ движущую силу соціального развитія. Въ реальномъ развитіи производственныхъ отношеній слѣдуетъ искать тѣ тенденціи и тѣ силы, которыя, съ неизбежностью естественнаго закона и совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было человѣческихъ идей, толкаютъ общество къ новымъ формамъ организаціи.

Очень интересно, съ точки зрѣнія характеристики коренного развитія, существовавшего между соціально-философскими и соціально-экономическими взглядами *Маркса* и *Энгельса*, письмо *Маркса* къ нѣмецкому социалисту *Браке*, помѣченное 1875 годомъ. Тогда готовилось сліяніе *Лассальянцевъ* и *Марксистовъ* въ одну общую партію на почвѣ компромисса между руководящими принципами обѣихъ партій. *Марксъ* занялъ въ этомъ письмѣ ярко-враждебную позицію по отношенію къ такому сліянію. Письмо это помѣщено въ „Новомъ Времени“ (*Neue Zeit*)“ за 1891 годъ, подъ заглавіемъ: „Къ критикѣ соціаль-демократической программы“.

Послушайте сначала, какъ отзывается *Марксъ* о самой сути политико-экономической теории *Лассалья*—о желѣзномъ законѣ заработной платы.

Марксъ ополчается въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ противъ этого закона и утверждаетъ, что онъ, въ обоснованіи *Лассалья*—представляетъ собою не что иное, какъ *мальтусовскую* теорію народонаселенія.

„Но если эта послѣдняя вѣрна, то Лассалевскій законъ не теряетъ своей силы даже послѣ уничтоженія наемнаго труда, такъ какъ въ такомъ случаѣ этотъ законъ примѣнимъ не только при системѣ наемнаго труда, но и при всякой общественной системѣ. Какъ разъ исходя изъ этой точки зрѣнія, доказывали „экономисты послѣднихъ 50 и болѣе лѣтъ, что социализмъ не уничтожитъ естественной нищеты, а только сдѣлаетъ ее общей, распространивъ на все общество!“

Онъ назвалъ Лассалевское пониманіе закона заработной платы *возмутительнымъ шагомъ назадъ*, и при пересмотрѣ социаль-демократической программы, въ 1890 году, законъ этотъ, вошедшій въ компромиссную программу 1875 года, былъ окончательно отвергнутъ.

Въ этой борьбѣ *Маркса* и марксистовъ противъ желѣзнаго закона заработной платы видѣли доказательство поворота социаль-демократіи въ сторону болѣе умѣренной критики существующихъ общественныхъ отношеній.

Здѣсь усматривали признаніе со стороны социалистовъ возможности улучшенія положенія рабочаго класса и при господствѣ существующаго общественнаго строя. Однимъ словомъ, въ отказѣ отъ желѣзнаго закона заработной платы видѣли побѣду реформистскаго направленія социаль-демократіи надъ прежнимъ радикальнымъ ея направленіемъ. Вѣрно, какъ разъ, обратное. Отказъ отъ желѣзнаго закона заработной платы означаетъ, наоборотъ, побѣду болѣе радикальнаго направленія социаль-демократіи.

Раньше всего необходимо замѣтить, что *Марксъ* и *Энгельсъ* вначалѣ сами придерживались теории заработной платы, почти тождественной съ закономъ *Лассалья*. Такъ, *Энгельсъ* уже въ 1844 году выставилъ, въ своихъ „Очеркахъ критики политиче-

ской экономіи, то положеніе, что естественная, т. е. нормальная цѣна рабочей силы равна минимальной заработной платѣ или цѣнности средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни рабочаго и продолженія его рода.

„Коммунистическій Манифестъ“ тоже придерживается этого закона. По поводу наемнаго труда тамъ сказано: „Средняя цѣна наемнаго труда есть минимумъ заработной платы, т. е. сумма средствъ, необходимыхъ для поддержанія жизни рабочаго. Итакъ, заработокъ наемнаго рабочаго хватаетъ только на то, чтобы воспроизвести его жалкое существованіе.

Перемѣна у Маркса совершилась вовсе не благодаря *болѣе оптимистическимъ* взглядамъ на условія заработной платы, а оттого, что приступая къ систематической обработкѣ своей теоріи въ „Капиталѣ“, онъ пришелъ къ совсѣмъ новымъ теоретическимъ выводамъ. Здѣсь онъ установилъ теорію заработной платы, окончательно расходящуюся съ желѣзнымъ закономъ. Но, чтобы вамъ стала понятна эта теорія, необходимо, хотя бы въ краткихъ чертахъ, изложить столь важную для пониманія Маркса теорію цѣнности и прибавочной стоимости, потому что только въ этой связи становится понятной и теорія заработной платы.

Марксъ не установилъ всеобщаго закона цѣнности, пригоднаго для всѣхъ формъ и эпохъ хозяйственной жизни. Его законъ цѣнности пригоденъ только для періода, такъ называемаго, *товарнаго производства*, т. е. для того періода хозяйственной жизни, когда продукты представляютъ собою потребительныя блага не для производителя, а для другихъ,—т. е., когда они являются *товарами*.

Въ такомъ обществѣ богатство состоитъ изъ *товаровъ*. Товары обмѣниваются другъ на друга. Возьмемъ рядъ товаровъ, имѣющихъ одну и ту же денежную цѣну, на примѣръ:

20 аршинъ полотна	}	2 унціи золота.
1 сюртукъ		
10 фунтовъ чаю		
40 фунтовъ кофе		
1 кварталеръ пшеницы		
$\frac{1}{2}$ тонны желѣза		
X товара А.		

Почему всё эти товары обмѣниваются другъ на друга? *Марксъ* хочетъ найти то *общее*, что проявляется въ мѣновомъ отношеніи товаровъ, и это общее онъ называетъ *цѣнностью*. Этимъ *общимъ* не можетъ быть ни одно изъ естественныхъ свойствъ товаровъ, такъ какъ именно съ точки зрѣнія *полезности* товары и различаются. Слѣдовательно, не потребительная стоимость—составляетъ это общее. Но если отвлечься отъ потребительной цѣнности, то остается только одно свойство, присущее *всѣмъ* товарамъ, именно то, что они продукты труда,—не труда столяра или прядильщика, а—человѣческаго труда вообще, и, какъ таковые, они—цѣнности. Итакъ, товары имѣютъ цѣнность потому, что въ нихъ овеществленъ человѣческій трудъ.

Чѣмъ измѣряется величина цѣнности? Количествомъ труда, заключающагося въ товарахъ. Но отдѣльные виды труда, опять таки, различны. *Марксъ* считаетъ возможнымъ свести всё эти виды труда къ среднему человѣческому труду—къ производительной затратѣ человѣческаго мозга, мускуловъ и нервовъ и т. д.

Болѣе сложный или болѣе тяжелый трудъ представляетъ собою, въ такомъ случаѣ, только умноженный простой средній трудъ. Товаръ можетъ быть продуктомъ самого сложнаго труда, но его цѣнность приравняется цѣнности продуктовъ извѣстнаго количества простого труда, и, такимъ образомъ, онъ самъ представляетъ собою только опредѣленное количество простого труда.

Можно возразить, что для производства одного и того же товара различные рабочіе затрачиваютъ разное количество труда, въ зависимости отъ примѣняемой ими техники!—Но, по *Марксу*, цѣнность опредѣляется общественно - необходимымъ среднимъ трудомъ, т. е. рабочимъ временемъ, необходимымъ для производства какого - нибудь потребительнаго блага, при существующихъ *общественно - нормальныхъ* условіяхъ производства и при средней въ данномъ обществѣ ловкости и интенсивности труда.

На этой теорію цѣнности *Марксъ* строитъ свою теорію прибавочной цѣнности.

Какъ только внутри капиталистическаго производства произойдетъ раздѣленіе общества на работодателей, владѣющихъ средствами производства, и рабочихъ, ничѣмъ не владѣющихъ, кромѣ

своей рабочей силы, эта послѣдняя сама становится товаромъ какъ и всякій другой товаръ. Товаръ—рабочая сила—покупается и продается на рабочемъ рынкѣ. Но какъ велика цѣнность рабочей силы? Она опредѣляется, такъ же, какъ и цѣнность всѣхъ другихъ товаровъ, рабочимъ временемъ, необходимымъ для производства рабочей силы. Правда, рабочая сила сама по себѣ не можетъ быть произведена, такъ какъ она неразрывно связана съ ея носителемъ, рабочимъ. Но можно произвести сумму средствъ жизни необходимыхъ для сохраненія и воспроизведенія рабочей силы рабочаго. Сумма средствъ, необходимыхъ ежедневно для поддержанія жизни семейства рабочаго, и опредѣляетъ цѣнность одного дня рабочей силы.

Допустимъ, что капиталистъ купилъ рабочую силу на день; допустимъ далѣе, что средства существованія рабочаго производятся въ 6 часовъ общественно-необходимаго труда, и что столько же и такого же рабочаго времени воплощается въ 3 маркахъ. Тогда капиталистъ можетъ купить эту рабочую силу по ея цѣнности т. е. за 3 марки. То обстоятельство, однако, что цѣнность рабочей силы воспроизводится въ 6 часовъ, никоимъ образомъ не мѣшаетъ капиталисту заставить рабочаго работать дольше.

Если, напримѣръ, фактически рабочій день равенъ 12 часамъ, то въ первые 6 часовъ воспроизводится цѣнность рабочей силы, а въ остальные 6—*прибавочная цѣнность*. Такъ какъ капиталистъ *присваиваетъ себѣ* продуктъ труда всѣхъ 12 часовъ, то въ этомъ случаѣ, онъ кладетъ въ карманъ продуктъ 6 часовъ труда, не уплачивая рабочему никакого эквивалента.

Слѣдовательно, предпринимательская прибыль капиталиста основывается на томъ, что капиталистъ оплачиваетъ только часть вложеннаго въ продуктъ труда рабочаго.

Но здѣсь является вопросъ: не совпадаетъ-ли эта теорія съ *железнымъ закономъ заработной платы*?

Это было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, если бы *цѣнность рабочей силы и заработная плата* были бы тождественны. Но это не такъ. Въ изложенной теоріи рѣчь идетъ объ опредѣленіи *средней цѣны* труда: „Средняя цѣна труда есть данная величина,

потому что цѣнность рабочей силы опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ для воспроизведенія, подобно цѣнности, всякаго другого товара“.

Но *цѣна* труда, какъ она уплачивается рабочему въ видѣ *заработной платы*, можетъ сильно уклоняться, въ ту или другую сторону, отъ цѣнности рабочей силы. Заработная плата можетъ подняться выше и упасть ниже цѣнности рабочей силы.

Даже въ томъ случаѣ, когда заработная плата превышаетъ минимумъ средствъ существованія, все же возможно образование прибавочной цѣнности, и въ этомъ, а не въ какомъ то желѣзномъ законѣ рабочей платы, Марксъ усматривалъ сущность капиталистическаго способа производства.

Какъ далеко былъ Марксъ отъ признанія желѣзнаго закона рабочей платы, ясно видно изъ развитой имъ въ „Капиталѣ“ теории заработной платы. Тамъ онъ вполне допускаетъ возможность поднятія уровня заработной платы выше минимума средствъ существованія, и именно до тѣхъ поръ, пока это вызывается потребностями капитала въ воспроизведеніи: „Потребность въ аккумуляціи капитала можетъ обогнать ростъ рабочей силы или числа рабочихъ, спросъ на трудъ—его предложеніе, и тогда рабочая плата поднимается... Болѣе или менѣе благопріятныя условія, среди которыхъ рабочіе поддерживаютъ свое существованіе и размножаются, не измѣняютъ основнаго характера капиталистическаго производства... Если количество неоплаченнаго труда, доставленнаго рабочими и аккумуляированнаго капиталистами, растетъ настолько быстро, что, для превращенія его въ капиталъ, требуется превышающее обыкновенную норму добавочное количество труда, то заработная плата повышается и, при прочихъ равныхъ условіяхъ, уменьшается неоплаченная доля труда“.

Повышеніе заработной платы, согласно Марксу, вполне возможно. Оно только должно остаться въ предѣлахъ, не только не подрывающихъ основъ капиталистической системы производства, но и обезпечивающихъ возрастающую репродукцію капитала.

На мѣсто желѣзнаго закона заработной платы *Марксъ* выставилъ „законъ промышленной резервной арміи“. „Въ общемъ, колебанія заработной платы опредѣляются исключительно расшире-

ніемъ и сокращеніемъ промышленной резервной арміи, соотвѣтственно смѣнѣ періодовъ промышленного цикла.

„Колебанія эти опредѣляются не измѣненіемъ абсолютнаго числа рабочихъ, а измѣнчивымъ отношеніемъ занятыхъ въ производствѣ рабочихъ къ промышленной резервной арміи, увеличеніемъ, или уменьшеніемъ относительнаго перенаселенія, степенью поглощенія, или освобожденія избыточнаго населенія“.

Отсюда ясно видно, что для Маркса было дѣломъ второстепеннымъ, обнаруживаетъ-ли заработная плата тенденцію къ повышенію, пониженію или пребыванію на одномъ уровнѣ, такъ какъ въ образованіи заработной платы мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ хозяйственнымъ вторичнаго порядка. Въ гораздо болѣе сильной степени Маркса интересуетъ сама капиталистическая система хозяйства, безразлично, связана-ли она съ болѣе высокой или болѣе низкой заработной платой. Не слѣдуетъ, поэтому, ставить на первомъ планѣ законъ заработной платы, потому что если допустимъ даже, что рабочая плата повышается, такъ не менѣе всѣ прочія условія капиталистической эксплуатаціи могутъ продолжать существовать,—почему Марксъ и пишетъ въ упомянутомъ уже письмѣ: „Система наемнаго труда—есть система рабства, и такого рабства, которое усиливается по мѣрѣ роста производительныхъ силъ труда, независимо отъ того, *получаетъ-ли теперь рабочій большую или меньшую заработную плату*“ и далѣе: „и послѣ того, какъ этотъ взглядъ все болѣе и болѣе прокладываетъ себѣ дорогу въ нашей партіи, возвращаются снова къ догмамъ Лассалья, хотя слѣдовало бы знать, что такое рабочая плата, чего Лассаль не зналъ, принимая видимость вещи, подъ вліяніемъ буржуазныхъ экономистовъ, за самое вещь“.

Дѣло обстоитъ такъ, какъ если бы рабы поняли тайну своего рабства и возстали, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ, насквозь пропитанный прежними понятіями, написалъ на знамени возстанія: „Рабство должно быть уничтожено, потому что содержаніе рабовъ при системѣ рабства не можетъ подняться выше извѣстнаго, *очень низкаго*, максимума! Такъ и въ нашей партіи!“

Раньше, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію соціально-экономическихъ теорій Маркса, я хотѣлъ бы сдѣлать маленькое

критическое замѣчаніе по поводу его теоріи цѣнности и прибавочной цѣнности.

Я считаю эту теорію цѣнности ошибочной, и не потому, конечно, что ея носителемъ является Марксъ, или какой бы то ни было другой *соціалистъ*, а потому, что я считаю ложной всякую объективную теорію цѣнности, хотя бы и въ томъ видѣ, какъ ея придерживались экономисты-индивидуалисты напр., Рикардо.

Ошибка этой теоріи трудовой цѣнности заключается, по моему, въ томъ, что мѣрой цѣнности признается такъ называемый „трудъ“, хотя никто еще не показалъ, *какимъ путемъ* свести всѣ различные виды человѣческаго труда къ среднему труду. Далѣе, если даже допустить возможность какъ этого, такъ и сведенія затраченныхъ издержекъ производства къ опредѣленному количеству труда, то и тогда теорія эта невѣрна.

Въ самомъ дѣлѣ: цѣнность товаровъ никогда не опредѣляется, въ конечномъ счетѣ, количествомъ труда или иныхъ затратъ; опредѣляющимъ моментомъ является рынокъ, т. е. спросъ со стороны потребителей, потребности тѣхъ, кто желаетъ купить товары. Въ конечномъ счетѣ, слѣдовательно, рѣшающее значеніе имѣетъ *потребительная цѣнность*.

Еще болѣе ложной представляется мнѣ возведенная на теоріи цѣнности теорія прибавочной цѣнности. Слишкомъ искусственнымъ путемъ приходитъ Марксъ ко взгляду на рабочую силу, какъ на товаръ. Она—не товаръ, а поэтому ея цѣнность не можетъ быть сведена къ трудовымъ затратамъ. Но если бы даже это и было возможно, то рѣшительная ошибка заключается въ утвержденіи Маркса, что цѣнность товаровъ создается опредѣленнымъ числомъ рабочихъ часовъ, только часть которыхъ оплачивается предпринимателемъ. На самомъ же дѣлѣ, то, что дѣлаютъ рабочіе и за что они получаютъ рабочую плату, сводится къ сотрудничеству при созданіи *лагъ*. Получаютъ ли эти блага цѣнность и, если да, то какую,—все это зависитъ отъ условій рынка, отъ соотношенія спроса и предложенія, отъ полезности товаровъ и т. д. Покроетъ ли сумма, вырученная отъ продуктовъ, издержки производства; дастъ ли оно прибыль или убытокъ—все это зависитъ отъ искусной и счастливой спекуляціи предпринимателя, ведущаго

производство. Вполнѣ ошибочно, поэтому, мнѣніе, будто рабочіе производятъ цѣнность готовыхъ товаровъ *своимъ трудомъ*.

Но вся эта теорія цѣнности вообще не имѣетъ рѣшающаго значенія для соціалистической системы Маркса, или другими словами: вѣрность или ложность первой еще нисколько не доказываетъ вѣрности или ложности послѣдней.

Здѣсь я считаю необходимымъ отмѣтить, что есть многочисленные соціалисты, исповѣдующіе, наоборотъ, *субъективную теорію цѣнности*, выводящую цѣнность товаровъ изъ ихъ *полезности*. Таковы, на примѣръ, уже упомянутые мною *фабіанцы* въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, почему нельзя было бы сдѣлать соціалистическихъ выводовъ изъ теоріи предѣльной полезности? Можно, на примѣръ, исходя изъ зависимости результатовъ всякой хозяйственной дѣятельности отъ капризовъ покупателей, отъ случайностей рыночной конъюнктуры, придти къ выводу о необходимости *плановой* организаціи хозяйственной жизни. И, напротивъ, можно вполнѣ раздѣлять марксову теорію прибавочной цѣнности, не будучи, въ тоже время, соціалистомъ: кто убѣжденъ, что прибавочный трудъ, якобы присваиваемый капиталистомъ на счетъ рабочаго, необходимъ для поддержанія культурной жизни, тотъ можетъ, не взирая на свое согласіе съ теоріей прибавочной цѣнности, остаться индивидуалистомъ.

И, ужъ во всякомъ случаѣ, самъ *Марксъ* никогда не умоаключалъ отъ своей теоріи цѣнности къ соціализму, т. е. онъ никогда не говорилъ: *такъ какъ* при господствѣ капитализма рабочіе лишаются части своего продукта, то *поэтому* долженъ наступить новый общественный строй, въ которомъ рабочимъ будетъ обезпеченъ *полный продуктъ* ихъ труда. Такъ думали, скорѣе, соціалисты въ родѣ *Прудона, Оуэна, Родбертуса*. У нихъ теорія цѣнности стояла въ центрѣ всей ихъ соціалистической системы. Своей теоріей цѣнности они не только хотѣли доказать, что у рабочихъ отнимается часть ихъ продукта, но и желали, чтобы въ новомъ общественномъ строѣ, путемъ цѣлаго ряда справедливыхъ мѣропріятій, цѣнность опредѣлялась трудомъ, доставаясь на долю тѣхъ, кто ее фактически создалъ.

Какъ ни важна была для Маркса его теорія цѣнности, для

объясненія структуры хозяйственныхъ явленій внутри капиталистическаго общества, онъ все-таки былъ очень далекъ отъ того, чтобы сдѣлать изъ нея выводы, аналогичные выводамъ вышеупомянутыхъ социалистовъ.

Необходимость социалистическаго общественнаго строя вытекала у Маркса вообще не изъ подобныхъ соображеній справедливости, а изъ опредѣленныхъ тенденцій развитія буржуазнаго общества, постепенно приводящихъ къ социалистическому строю. Но, какимъ образомъ будетъ опредѣляться цѣнность продуктовъ въ этомъ строѣ, — и будетъ ли она вообще опредѣляться — этотъ вопросъ Марксъ оставляетъ открытымъ.

Тенденціи экономическаго развитія, съ необходимостью ведущія, по Марксу, къ переходу капиталистическаго общества въ социалистическое, изложены имъ въ трехъ теоріяхъ.

1. Теорія концентраціи.

Сущность этой теоріи сводится къ слѣдующему: вслѣдствіе техническаго превосходства крупнаго производства надъ мелкимъ и среднимъ во *всѣхъ* отрасляхъ хозяйственной жизни, мелкія и среднія предприятия поглощаются крупными, такъ что постепенно остаются только немногія крупныя предприятия. Въ „коммунистическомъ манифестѣ“ по этому поводу сказано:

„Мелкія среднія сословія, — мелкіе фабриканты, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне, — всѣ эти классы все болѣе низвергаются въ ряды пролетаріата, частью потому, что ихъ мелкихъ капиталовъ не хватаетъ на веденіе производства въ крупныхъ размѣрахъ и потому они не выдерживаютъ конкуренціи съ крупными капиталистами, частью же потому, что ихъ техническое искусство обезцѣнивается новыми способами производства“.

Соотвѣтствующія мѣста въ „Эрфуртской программѣ“, сдѣланной съ 1890 года руководящей для нѣмецкой социаль-демократіи, гласятъ по этому поводу слѣдующее: „экономическое развитіе буржуазнаго общества съ силою закона природы ведетъ къ гибели мелкаго производства... Средства производства становятся монополіей сравнительно небольшого числа капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Рука объ руку съ этимъ процессомъ монополизациі

идеть процессъ разрушенія, вытѣсненія мелкаго производства крупнымъ, замѣны инструмента машиною, колоссальный ростъ производительности человѣческаго труда.

Эта тенденція къ концентраціи опредѣленно признается и въ сельскомъ хозяйствѣ. Такъ, Марксъ въ III томѣ „Капитала“ пишетъ, что мелкое производство въ сельскомъ хозяйствѣ является только переходной ступеню въ развитіи сельско-хозяйственной культуры. Причины, обусловливающія гибель частной собственности самостоятельныхъ хозяевъ-крестьянъ, состоятъ въ слѣдующемъ: уничтоженіе сельской домашней промышленности, узурпація общинной собственности крупными помѣщиками, конкуренція со стороны поставленнаго на капиталистическую ногу сельскаго хозяйства. Парцеллярная собственность, по своей природѣ, исключаетъ: развитіе общественныхъ производительныхъ силъ, общественныя формы труда, общественную концентрацію капиталовъ, крупное скотоводство, прогрессивное примѣненіе науки.

II. Теорія обнищанія.

Этой теоріей Марксъ ни мало не думалъ утверждать, что заработная плата всегда должна оставаться на уровнѣ минимума средствъ существованія, на уровнѣ платы голода. Напротивъ, онъ всегда признавалъ, какъ уже было указано, возможность повышательныхъ тенденцій заработной платы.

Подъ „обнищаніемъ“ онъ понимаетъ ростъ необезпеченности положенія рабочаго класса, вѣчный призракъ безработицы, благодаря измѣнчивой конъюнктурѣ рабочаго рынка. Поэтому и Энгельсъ, въ критикѣ проекта социаль-демократической программы, писалъ въ 1891 году. „Число и нищета пролетаріевъ все возрастаетъ! Въ такой абсолютной формѣ это невѣрно. Организанія рабочаго класса, его все возрастающая сила сопротивленія создаетъ извѣстную преграду росту нищеты. Но, что, безъ сомнѣнія, увеличивается, такъ это—*необезпеченность* существованія“.

Этотъ взглядъ встрѣчается также и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Капитала“: „Всѣ средства созиданія прибавочной цѣнности суть въ то-же время и средства накопленія, и, наоборотъ, всякій ростъ накопленія ведетъ къ развитію способовъ созданія прибавочной

цѣнности. Отсюда вытекаетъ, что въ той же мѣрѣ, въ какой происходитъ накопленіе капитала, происходитъ и ухудшеніе положенія рабочаго класса, какова бы ни была, высока или низка, его заработная плата...

Наконецъ, законъ равновѣсія между относительнымъ перенаселеніемъ, или промышленной запасной арміей, и объемомъ и силою накопленія приковываетъ рабочаго къ капиталу сильнѣе, чѣмъ Гефестъ приковалъ Прометея къ скалѣ. Накопленію капитала соответствуетъ и накопленіе нищеты; накопленіе богатства на одномъ полюсѣ идетъ рука объ руку съ накопленіемъ нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго вырожденія—на другомъ полюсѣ. Соответствующее мѣсто „Эрфуртской программы“ гласитъ: „экономическое развитіе буржуазнаго общества отдѣляетъ рабочаго отъ его средствъ производства и превращаетъ его въ неимущаго пролетарія. Всѣ выгоды превращенія мелкаго производства въ крупное достаются капиталистамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ: для пролетаріата и гибнущихъ промежуточныхъ слоевъ населенія—мелкой буржуазіи и крестьянства—такое превращеніе означаетъ ростъ необезпеченности существованія, нищеты, угнетенія, порабощенія, униженія и эксплуатаціи“.

III. Теорія кризисовъ.

При господствѣ частной собственности и свободной конкуренціи все болѣе усиливаются причины, ведущія къ кризисамъ. Неорганизованный характеръ производства, возрастающая жажда прибыли, все уменьшающаяся возможность услѣдить за райономъ сбыта—все это создаетъ усиливающееся несоответствіе между запасомъ товаровъ и возможностью ихъ сбыта. Кризисы будутъ все усиливаться и перейдутъ, наконецъ, въ міровой кризисъ. „Во время промышленныхъ кризисовъ“, говорится въ „Коммунистическомъ манифестѣ“, „уничтожается значительная часть не только произведенныхъ продуктовъ, но и созданныхъ уже производительныхъ силъ. Кризисъ—это общественная эпидемія, которая во всѣ предшествующія эпохи показала бы безсмыслицей,—эпидемія перепроизводства. Общество вдругъ переносится въ состояніе варварства: кажется, что голодъ или всеуничтожающая война

отняли у него всё средства къ существованію: промышленность, торговля кажутся уничтоженными, и почему? потому, что въ обществѣ слишкомъ много цивилизаціи, жизненныхъ средствъ, промышленности и торговли. Производительныя силы, имѣющіяся въ распоряженіи общества, уже не способствуютъ болѣе преуспѣянію буржуазныхъ имущественныхъ отношеній. Напротивъ, онѣ выросли изъ этихъ отношеній, послѣднія становятся тормозомъ для ихъ дальнѣйшаго развитія; и, вступая съ ними въ борьбу, производительныя силы потрясаютъ все буржуазное общество, угрожая самому существованію буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія сдѣлались слишкомъ тѣсными для вмѣщенія всѣхъ созданныхъ ими богатствъ.—Какъ борется буржуазія съ кризисами? Вынужденнымъ уничтоженіемъ извѣстной массы производительныхъ силъ, съ одной стороны; завоеваніемъ новыхъ рынковъ и болѣе основательной эксплуатаціей старыхъ—съ другой. Тѣмъ, что подготавливаетъ всеобщіе и сильные кризисы, уменьшая въ тоже время, возможность борьбы съ ними.

Въ „Эрфуртской программѣ“ мы читаемъ о кризисахъ слѣдующее:

„Пропасть, раздѣляющая имущихъ отъ неимущихъ, еще болѣе увеличивается вытекающими изъ основы капиталистическаго способа производства кризисами, все болѣе обширными и опустошительными.

Они превращаютъ всеобщую неувѣренность въ нормальное состояніе общества и служатъ доказательствомъ того, что производительныя силы переросли современное общество, что частная собственность на средства производства несовмѣстима долѣе съ ихъ цѣлесообразнымъ примѣненіемъ и свободнымъ развитіемъ“.

Таковы тѣ явленія, которыя, по Марксу, съ необходимостью должны привести къ перевороту въ общественныхъ отношеніяхъ. Одновременно съ этимъ быстро растетъ и тотъ классъ, который больше всѣхъ заинтересованъ въ этомъ переворотѣ, и, мало-по-малу завоеывая власть, онъ въ надлежащій моментъ и осуществитъ замѣну индивидуалистическаго общества социалистическимъ. Экспропріація частной собственности, въ интересахъ всего общества, явится въ результатъ силы и политической власти рабоча-

го класса; вмѣсто основаннаго на свободной конкуренціи индивидуальнаго хозяйства, получится планомѣрное общественное хозяйство на почвѣ коллективной собственности на средства производства.

Легко представить себѣ отношеніе Маркса, съ этой точки зрѣнія, къ Лассалевскимъ производительнымъ товариществамъ съ государственнымъ кредитомъ. И въ этомъ вопросѣ Марксъ былъ гораздо радикальнѣе. Ему и въ голову никогда не могла придти мысль объ общественномъ переворотѣ при помощи органовъ того же общества: вѣдь, устройство производительныхъ товариществъ проектировалось въ обществѣ со свободной конкуренціей, въ то время, какъ Марксъ, именно въ устраненіи этой послѣдней видѣлъ необходимое условіе новаго способа производства. И притомъ устройство общества предполагалось при содѣйствіи государства, которое, по Марксу, является лишь представителемъ господствующихъ общественныхъ классовъ. Отсюда и тѣ рѣзкія замѣчанія, которыя Марксъ дѣлаетъ въ вышеупомянутомъ программномъ письмѣ, по адресу Лассалья: „Вмѣсто революціоннаго процесса измѣненія общества, социалистическая организація всего труда „возникаетъ“ путемъ помощи, оказываемой государствомъ производительнымъ товариществамъ, устроеннымъ по его, государства, а не рабочаго класса, инициативѣ. Поистинѣ, только Лассаль могъ думать, что устройство новаго общества при помощи государственнаго кредита такъ же возможно, какъ и устройство желѣзной дороги!“ И дальше:— „Однако, вся программа, несмотря на весь демократическій трезвонъ, заражена *вѣрно подданническимъ взглядомъ лассалевской секты на государство*, или, что нисколько не лучше, демократической вѣрой въ чудеса; еще вѣрнѣе будетъ сказать, что программа эта не что иное, какъ компромиссъ между обѣими разновидностями вѣры въ чудеса, одинаково чуждыми социализму“.

Не меньше, чѣмъ съ государственной идеей Лассалья, боролся Марксъ и съ націонализмомъ, который Лассаль хотѣлъ навязать рабочему движенію. Съ самаго начала Марксъ смотрѣлъ на социализмъ, какъ на *интернаціональное движеніе*. Уже Союзъ Коммунистовъ, поручившій Марксу въ 1847 году составить партійную

программу, былъ интернаціональнымъ рабочимъ обществомъ, и написанный Марксомъ Манифестъ заканчивался словами: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Точно такъ же и основанная Марксомъ въ 1864 году „Интернаціональная Ассоціація“ должна была послужить дѣлу тѣснѣйшаго объединенія рабочаго движенія въ различныхъ странахъ: она должна была быть выраженіемъ международной солидарности и органомъ согласованныхъ дѣйствій понявшаго свое классовое положеніе пролетаріата. Поэтому, Марксъ ставилъ Лассалю въ тяжкую вину то, „что, вопреки Коммунистическому Манифесту и всѣмъ прошлымъ традиціямъ социализма, онъ смотритъ на рабочее движеніе съ узко-націоналистической точки зрѣнія“.

Это коренное различіе во взглядахъ Лассальянцевъ и Марксистовъ неизбежно должно было привести либо къ расколу между ними, либо къ побѣдѣ одной изъ этихъ партій.

Готская программа 1875 года была компромиссомъ, объединившимъ обѣ фракціи подъ именемъ: „Соціалистической Рабочей Партіи Германіи“. Оттого мы находимъ въ этой программѣ, между прочимъ, и желѣзный законъ заработной платы и производительныя товарищества съ государственнымъ кредитомъ.

Все болѣе, однако, отступали на задній планъ идеи Лассалья; все болѣе получали преобладаніе идеи Маркса, — необходимымъ послѣдствіемъ этого обстоятельства явилось то, что эрфуртская программа „Соціалъ-демократической партіи Германіи“ во всѣхъ вопросахъ стала на точку зрѣнія Маркса.

Насколько вліяніе Маркса отдалило нѣмецкую соціалъ-демократію отъ Лассалевскихъ идей, станетъ вполне ясно изъ разсмотрѣнія ея отношенія къ различнымъ соціально-политическимъ вопросамъ; здѣсь также выступаютъ и типичныя черты нѣмецкаго рабочаго движенія, въ отличіе отъ движенія другихъ странъ.

Такъ какъ Марксъ всегда отстаивалъ только *классовую политическую борьбу* рабочаго класса, то и соціалъ-демократія относилась пассивно или прямо отрицательно ко всѣмъ соціально-политическимъ мѣропріятіямъ, исходившимъ отъ отдѣльныхъ государствъ или всей Германской Имперіи. Съ этой точки зрѣнія, соціалъ-демократія не одобряла и великаго нѣмецкаго закона о

страхованіи рабочихъ, несмотря на всѣ улучшения, которыя онъ внесъ въ матеріальное положеніе рабочаго класса. Во-первыхъ, потому, что она видѣла въ немъ только жалкій палліативъ, ничуть не затрагивающій корня зла; во-вторыхъ, изъ опасенія, что созданныя такимъ путемъ кассы и другія организаціи слишкомъ усилятъ власть государства и хозяевъ надъ рабочими. Если социаль-демократія, тѣмъ не менѣе, принимала живѣйшее участіе въ парламентскомъ обсужденіи законовъ объ охранѣ труда, выступая частью и съ своими собственными предложеніями, то она дѣлала это вовсе не въ силу убѣжденія, что такого рода социально-политическія мѣропріятія уничтожатъ всѣ экономическія несовершенства, она преслѣдовала при этомъ лишь ту цѣль, чтобы сохранить, по возможности, здоровье и предотвратить возможное, благодаря фабричной работѣ, вырожденіе рабочихъ до момента, когда наступитъ ихъ эмансипація.

Характерно, далѣе, для нѣмецкой социаль-демократіи ея отношеніе къ аграрному вопросу.

Въ то время, какъ во Франціи социалистическія партіи и даже марксисты включили въ свои программы всевозможныя требованія въ пользу крестьянства, нѣмецкая социаль-демократія цѣликомъ отвергаетъ всякую защиту крестьянъ.

Вѣрная своему взгляду на неминуемую гибель ихъ въ процессѣ экономическаго развитія, она отвергла предложеніе части партійныхъ товарищей включить въ программу требованія въ пользу крестьянъ.

Наконецъ, мнѣ остается еще указать на отношеніе социаль-демократіи къ профессиональнымъ союзамъ.

Социаль-демократія относится къ профессиональнымъ союзамъ, правда, благосклонно—большая часть союзовъ въ Германіи стоитъ на социаль-демократической точкѣ зрѣнія—но союзы идутъ на буксирѣ за *политическимъ* движеніемъ. Подобно тому, какъ Гиршъ-Дункеровскіе Союзы связаны съ либеральной программой, такъ эти—съ социаль-демократической. Поэтому, прежде всего и главнымъ образомъ, они должны имѣть въ виду *конечную цѣль партіи* и дѣйствовать въ этомъ направленіи. Затѣмъ, уже на

второмъ планѣ, они могутъ заниматься собственно профессиональными вопросами рабочей платы, рабочаго времени и т. д.

Служа цѣлямъ партіи и будучи связаны строго предписанной партійной точкой зрѣнія, профессиональные союзы не могутъ, понятно, развиваться такъ свободно и независимо, какъ нейтральные въ политическомъ отношеніи союзы. Если бы профессиональные союзы не были, въ первую очередь, органами политическаго партійнаго движенія, они могли бы въ гораздо большей степени служить профессиональнымъ интересамъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ.

Такимъ образомъ, оказалось, что у насъ нѣтъ ни беспартійныхъ профессиональныхъ союзовъ, какъ въ Англіи, ни политическихъ, какъ во Франціи, усматривающихъ главную цѣль социализма въ осуществленіи профессиональныхъ интересовъ; мы имѣемъ лишь профессиональные союзы, *политически связанные*, и притомъ связанные съ партіей, конечная цѣль которой слишкомъ далека отъ трезвыхъ задачъ повседневной жизни, которыя должны составлять жизненный нервъ профессиональнаго движенія.

Въ послѣднее время въ партіи возникли новые теоріи и взгляды, нарушающіе прежнее единство марксистскаго міровоззрѣнія.

Изложеніе этихъ новыхъ направленій составитъ предметъ слѣдующей лекціи.

ХІІ ЛЕКЦІЯ.

Соціалізмъ въ Германіи. ІІІ.

(Ревизионизмъ)

Когда противъ соціалистическихъ теорій и, въ частности, марксизма выступаютъ экономисты несоціалистическаго направленія, имъ часто возражаютъ, что они находятся во власти „буржуазныхъ“ предразсудковъ, не въ состояніи вообще войти въ міръ идей соціализма, не могутъ подойти къ этому ученію безъ предубѣжденія. Тѣмъ больше значенія имѣеть то обстоятельство, что въ кругу самихъ соціалистовъ возникла въ послѣднее время живая оппозиція противъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ положеній марксизма.

Я разумѣю группу соціалистическихъ писателей, называемыхъ *ревизионистами* на томъ основаніи, что они считаютъ необходимымъ коренной пересмотръ научныхъ положеній марксизма.

Среди ревизионистовъ особенно вниманія заслуживаетъ Эдуардъ Бернштейнъ съ его книгой „Предпосылки соціализма и задачи соціалъ-демократіи“.

Если вы прочтете эту книгу, то увидите, что здѣсь приведены почти всѣ возраженія, какія дѣлались нѣмецкими экономистами противъ теоріи Маркса въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій; возраженія эти приводятся человекомъ, въ теченіе десятилѣтій играющимъ руководящую роль въ соціалъ-демократической партіи, однимъ изъ выдающихся теорическихъ представителей соціалистической теоріи, именно благодаря своимъ научнымъ излѣдованіямъ открывавшимъ въ марксизмѣ все болѣе недомолвокъ, недостатковъ и грубыхъ ошибокъ. Если я подчеркиваю то обстоятельно, что Бернштейнъ по многимъ вопросамъ сходится въ своей критикѣ марксизма съ т. н. „буржуазными“ экономистами, я не хочу сказать этимъ, что онъ страдаетъ недостаткомъ оригиналь-

ности или просто заимствовалъ свои взгляды у буржуазныхъ критиковъ социализма. Его возраженія вполне оригинальны и основаны на собственныхъ изслѣдованіяхъ, но въ результатѣ его критика приходитъ часто къ тѣмъ же выводамъ, что и буржуазная экономія, и несомнѣнно, что изслѣдованія безпристрастныхъ ученыхъ критиковъ повліяли на измѣненіе взглядовъ Бернштейна.

Еще до появленія сочиненія Бернштейна изъ среды социаль-демократической партіи раздавались серьезныя возраженія противъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ догматическихъ положеній марксизма; такъ, напр., въ 1897 году Шенланкъ заявлялъ: „Обычный въ нашей партіи и еще удержавшійся въ первой части эрфуртской программы взглядъ относительно возрастающаго обнищанія не можетъ быть болѣе удержанъ... Уровень массы народа при современномъ развитіи нѣсколько поднялся; нѣмецкая подоходная статистика не оставляетъ въ этомъ болѣе сомнѣнія“.

Однако, подобныя заявленія отдѣльныхъ вожаковъ партіи касались, въ крайнемъ случаѣ только отдѣльныхъ положеній и частей системы Маркса. Въ книгѣ Бернштейна мы имѣемъ дѣло съ возраженіями противъ основы марксистскаго ученія и съ сильнѣйшей критикой почти всѣхъ отдѣльныхъ положеній. Прежде всего, Бернштейнъ подвергаетъ критикѣ социаль-философское обоснованіе всей системы. Онъ оспариваетъ руководящую идею материалистическаго пониманія исторіи, будто экономическое развитіе происходитъ въ силу присущихъ ему имманентныхъ законовъ,— въ его книгѣ ясно даетъ себя чувствовать идеалистическая тенденція. Выраженіемъ послѣдней является, между прочимъ, заключительное мѣсто книги, гдѣ Бернштейнъ говоритъ, что социаль-демократія „нуждается въ Кантѣ, который подвергъ-бы суду традиціонное пониманіе теоріи, проведя ее черезъ горнило строгой критики, который показалъ бы, что кажущійся материализмъ этого ученія представляетъ собою, въ сущности, крайнюю и потому легче всего ведущую къ ошибкамъ идеологію, что пренебреженіе къ идеалу, возведеніе матеріальныхъ факторовъ на степень всемогущихъ силъ развитія является самообманомъ, и что всякій, кто провозглашаетъ подобныя взгляды на каждомъ шагу убѣждается и будетъ убѣждаться въ этомъ“.

Но тотъ, кто зоветъ „назадъ къ Канту“, или, какъ видоизмѣняетъ этотъ призывъ Бернштейнъ, „назадъ къ Ланге“, тотъ не можетъ быть больше послѣдователемъ марксизма, и такимъ образомъ Бернштейнъ пошелъ гораздо дальше въ критикѣ Маркса, чѣмъ дѣлали это нѣкоторые его партійные товарищи. Бернштейнъ, правда, часто ссылается на печатныя работы и письма Энгельса, въ которыхъ послѣдній старается смягчить косный принципъ историческаго матеріализма указаніемъ на важность идеологическихъ и политическихъ факторовъ, дѣйствующихъ наряду съ экономическими силами; онъ выводитъ отсюда заключеніе: что можно Энгельсу, то можно и Бернштейну; и ему должно быть позволено исправить нѣкоторыя односторонности и преувеличенія Маркса—однако, при всемъ томъ между Бернштейномъ и Энгельсомъ слишкомъ большая разница. Если Энгельсъ дѣлалъ извѣстныя оговорки къ ученію Маркса, то онъ дѣлалъ ихъ съ цѣлью опровергнуть утвержденія нѣкоторыхъ слишкомъ рьяныхъ критиковъ Маркса, которые въ своихъ возраженіяхъ противъ теоріи историческаго матеріализма заходили такъ далеко, что утверждали, будто Марксъ совершенно отвергалъ всякое вліяніе идеологическихъ факторовъ; задачи Энгельса состояли въ томъ, чтобы указать на вторичный характеръ вліянія идеологіи, не отрицая этимъ, однако, рѣшающаго значенія „въ послѣдней инстанціи“ факторовъ матеріальныхъ. Бернштейнъ же идетъ гораздо дальше: его разсужденія въ такой степени проникнуты духомъ идеологіи, что, въ дѣйствительности, дѣло сводится къ полному отрицанію принциповъ Маркса. Пытаясь слить во-едино матеріалистическое и идеалистическое обоснованіе марксизма, Бернштейнъ этимъ самымъ покидаетъ точку зрѣнія Маркса. Во всякомъ случаѣ, Энгельсъ никакъ не могъ бы сказать того, что сказалъ Бернштейнъ: „общество по отношенію къ экономическимъ факторамъ располагаетъ теоретической свободой больше, чѣмъ когда бы то ни было, и только противоположность интересовъ общественныхъ элементовъ—сила индивидуальныхъ и групповыхъ интересовъ—требуетъ замѣны теоретической свободы практической. При всемъ томъ общій интересъ пріобрѣтаетъ все большую силу по сравненію съ интересомъ частнымъ, и по мѣрѣ того, какъ это происходитъ, и

во всѣхъ областяхъ, гдѣ это происходитъ, перестаетъ дѣйствовать элементарная воля экономическихъ силъ“.

Бернштейнъ относится критически и къ теоріи цѣнности Маркса. Такъ какъ эта теорія не согласуется съ очевиднѣйшими фактами хозяйственной жизни, то Бернштейнъ рассматриваетъ ее лишь какъ „умозрительный образъ“, въ родѣ воодушевленнаго атома, или какъ „умозрительную конструкцію“. Онъ считаетъ эту теорію къ тому же и односторонней и признаетъ *теорію предѣльной полезности* необходимымъ къ ней дополненіемъ. Онъ не разъ указываетъ на важное значеніе для теоріи „общественнаго спроса“. Бернштейнъ ссылается на замѣчаніе Маркса: „Условіемъ является потребительная цѣнность... общественная потребность, т. е. потребительная цѣнность, возведенная въ общественную степень, опредѣляетъ здѣсь доли суммы общественнаго рабочаго времени, приходящіяся на различныя области производства“ и прибавляетъ: „Уже это одно положеніе не позволяетъ пройти мимо теоріи Госсена-Бема, отдѣлавшись нѣсколькими высококомѣрными фразами“.

Но такъ какъ самъ Марксъ строить свой социализмъ не на теоріи цѣнности, а на необходимости крушенія капиталистическаго способа производства, крушенія, происходящаго на нашихъ глазахъ съ возрастающей быстротой, то Бернштейнъ обращается съ большей подробностью къ фактамъ хозяйственной жизни, на которыхъ Марксъ основываетъ свои предсказанія будущаго. Здѣсь, основываясь на дѣйствительныхъ процессахъ хозяйственной жизни, путемъ ссылокъ на подлинныя данныя статистики и исторіи, Бернштейнъ доказываетъ неправильность утвержденій Маркса и Энгельса. Въ этихъ отдѣлахъ особенно замѣтно вліяніе, какое оказало на Бернштейна новѣйшее развитіе экономической науки и въ частности такъ называемаго катедеръ-социализма. Слѣдуетъ замѣтить, что противъ этихъ утвержденій Бернштейна со стороны социаль-демократовъ не сдѣлано никакихъ почти возраженій, не смотря на то, что нападки на него изъ этого лагеря вообще очень многочисленны: здѣсь дѣло касается фактовъ, которые вообще неопровержимы. Точно такъ же все, что по этому поводу привелъ Каутскій въ своей работѣ: „Бернштейнъ и социаль-де-

мократическая программа“, не опровергаетъ замѣчанія Бернштейна. По поводу господствующаго у социаль-демократовъ мнѣнія, что параллельно концентраціи промышленныхъ предприятий идетъ концентрація капиталовъ, Бернштейнъ указываетъ на неправильность этого положенія, ссылаясь на примѣръ акціонерныхъ компаній, гдѣ децентрализація капиталистической собственности дѣйствуетъ въ направленіи, обратномъ стремленію производства къ централизаціи. „Поэтому совершенно ложно“, говоритъ Бернштейнъ, „принимать, что современное развитіе ведетъ къ относительному или абсолютному уменьшенію числа имущихъ“. „Если бы общество было такъ устроено, или такъ развивалось, какъ представляла себѣ до сихъ поръ социалистическая доктрина, то экономическое крушеніе было бы вопросомъ самаго короткаго промежутка времени. Но именно этого какъ разъ и нѣтъ. Вмѣсто того, чтобы строеніе общества упростилось, сравнительно съ прежнимъ, оно еще болѣе дифференцировалось и представляетъ множество градацій, какъ въ отношеніи величины дохода, такъ и характера промысла.

Что же касается концентраціи производства, то Бернштейнъ доказываетъ, что она происходитъ не въ такомъ размѣрѣ, какъ утверждаетъ марксизмъ, и, основываясь на подробномъ изученіи данныхъ англійской, нѣмецкой, французской, американской и бельгійской статистики, онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Если непрерывное развитіе техники и централизація производства въ возрастающемъ числѣ промышленныхъ отраслей является несомнѣннымъ фактомъ, значеніе котораго не замалчиваютъ теперь даже закоренѣлые реакціонеры, то не менѣе вѣрно и то, что цѣлый рядъ мелкихъ и среднихъ предприятий обнаруживаютъ полную жизнеспособность, наряду съ крупными“. „Если крушеніе современнаго общества зависитъ отъ исчезновенія среднихъ членовъ между верхушкой и основаніемъ социальной пирамиды, если оно обусловлено тѣмъ, что эти средніе члены всасываются крайними, лежащими выше и ниже ихъ, то, въ такомъ случаѣ, крушеніе это въ Англии, Германіи, Франціи въ настоящее время не ближе къ своему осуществленію, чѣмъ въ какую бы то ни было изъ прежнихъ эпохъ 19 столѣтія“.

Но какъ обстоитъ дѣло съ кризисами? Не служатъ ли они

яснымъ показателемъ, что основаніе нашего общественнаго строя расшатывается все болѣе и, въ концѣ концовъ, не въ состояніи будетъ выдержать непрерывно продолжающихся сотрясеній? По отношенію къ теоріи кризисовъ Бернштейнъ также стоитъ на точкѣ зрѣнія, отличной отъ марксизма.

Въ противоположность ученію о неизбежности все болѣе и болѣе обостряющихся кризисовъ, Бернштейнъ указываетъ на много моментовъ, которые именно въ настоящемъ фазисѣ развитія содѣйствуютъ ослабленію кризисовъ. Въ числѣ факторовъ этого рода онъ указываетъ на картели, которыя онъ опять-таки оцѣниваетъ совершенно иначе, чѣмъ Марксъ и Энгельсъ. Въ то время, какъ послѣдніе считаютъ картели неспособными ослабить анархію производства и, съ другой стороны, рассматриваютъ ихъ, какъ предварительную ступень къ будущему планомѣрному общественному производству, по мнѣнію Бернштейна, объединеніе промышленности въ картели является лучшимъ средствомъ противъ перепроизводства, какое только до сихъ поръ существовало. „Съ меньшимъ рискомъ, чѣмъ частный предприниматель, можетъ картельный союзъ приступить къ временному сокращенію производства въ періоды переполненія рынка. Ему легче выдержать конкуренцію пониженныхъ цѣнъ заграничнаго производства. Отрицать это, значитъ—отрицать преимущества организаціи передъ анархіей конкуренціи. А это, именно, и дѣлаетъ тотъ, кто въ принципѣ отрицаетъ, что картели могутъ вліять модифицирующимъ образомъ на характеръ и частоту кризисовъ“.

Далѣе, Бернштейнъ говоритъ о политическихъ и экономическихъ предпосылкахъ социализма и даетъ послѣднему новое опредѣленіе. Онъ полагаетъ, что точнѣе всего социализмъ опредѣляется идеей коопераціи, товарищества, т. е. въ этомъ понятіи выражается, какъ хозяйственное, такъ и правовое соотношеніе; сообразно съ этимъ, социализмъ могъ бы быть опредѣленъ, какъ „состояніе кооперативно-товарищескаго общественнаго строя или движенія къ такому строю“. Что касается возможности осуществленія социализма, то, по мнѣнію Бернштейна, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы государство немедленно приняло на себя все производство и доставку продуктовъ. Государство не въ со-

стоянии принять на себя даже средних и крупных предприятий. Но и общины, следовательно, промежуточные органы, мало могли бы помочь дѣлу. Въ крайнемъ случаѣ онѣ могли бы коммунализировать тѣ предприятия, которыя занимаются мѣстнымъ производствомъ для мѣстнаго потребленія. И въ этомъ случаѣ онѣ имѣли бы уже довольно дѣла. „Но можно ли себѣ представить“, продолжаетъ Бернштейнъ, „что предприятия, работающія нынѣ для обширнаго рынка, всѣ вдругъ могли бы быть коммунализированы? Возьмемъ какой-нибудь средней величины промышленный городъ, скажемъ, Аугсбургъ, Бармень, Дортмундъ, Ганнау, Маннгеймъ и т. д., навѣрное, никто не будетъ такъ наивенъ, чтобы предположить, что тамошняя община, во время политическаго кризиса или вообще въ какое угодно время, могла бы объединить въ своихъ рукахъ и вести съ успѣхомъ всѣ разнообразныя фабричныя и торговыя предприятия. Эти предприятия, либо были бы оставлены въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ, либо, въ случаѣ безусловнаго желанія экспроприровать ихъ, должны были бы перейти къ рабочимъ товариществамъ на какихъ-нибудь арендныхъ условіяхъ. Поэтому, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ вопросъ практически сводится къ экономической силѣ товариществъ.

Отсюда ясно, что для Бернштейна вопросъ объ осуществленіи социализма тождественъ съ вопросомъ о томъ, какіе результаты могутъ дать хозяйственныя коопераціи, и потому Бернштейнъ обращается къ подробному изученію успѣховъ развитія кооперативнаго дѣла. Такъ какъ опытъ показываетъ, что производительныя товарищества завоевываютъ прочное существованіе необыкновенно медленно, то нужно было бы еще много поработать надъ промысловыми союзами и кооперативными товариществами, прежде чѣмъ эти органы могли бы созрѣть для предстоящей имъ задачи въ будущемъ социалистическомъ обществѣ.

Какъ вы видите уже изъ приведенныхъ критическихъ замѣчаній Бернштейна, его взглядъ на положительныя задачи социаль-демократіи далекъ отъ оффиціального шаблона партіи. Въ главѣ, посвященной „ближайшимъ задачамъ социаль-демократіи“, Бернштейнъ, въ противоположность интернаціональной точкѣ зрѣнія марксизма, отстаиваетъ необходимость различнаго способа поли-

тической дѣятельности, смотря по національнымъ особенностямъ данной страны. По этому поводу Бернштейнъ справедливо замѣчаетъ: „Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда социалистическія партіи первоначально приняли за исходную точку своей дѣятельности одни и тѣ же положенія, съ теченіемъ времени онѣ были принуждены приспособить свою дѣятельность къ особымъ условіямъ своей страны. Въ какой-либо данный моментъ можно, правда, выставить общія основанія социаль-демократической политики съ требованіемъ всеобщей обязательности для всѣхъ странъ, но нельзя такимъ же образомъ выставить общеобязательную для всѣхъ странъ программу дѣйствій“. Такъ какъ Бернштейнъ не считаетъ вѣроятнымъ, подобно марксистамъ, скорое крушеніе капиталистическаго общественнаго строя, то онъ высказывается въ пользу политики *демократическихъ реформъ* въ интересахъ „мелкихъ людей“, на примѣръ, въ аграрномъ вопросѣ. Онъ требуетъ, прежде всего, демократизаціи общиннаго управленія, законодательной охраны и уменьшенія налогового бремени для рабочихъ и крестьянъ, далѣе—распространенія кооперацій, на успѣшное развитіе которыхъ онъ возлагаетъ особыя надежды. „Тамъ, гдѣ преобладаетъ мелкое крестьянское хозяйство, промысловая или какая-либо иная организація сельскихъ рабочихъ является химерой во всѣхъ отношеніяхъ. Только путемъ распространенія товариществъ можно освободить ихъ отъ условій продажи труда“. „Что товарищества въ связи съ пониженіемъ процента, вызываемымъ возрастающимъ накопленіемъ капитала, дѣйствительно въ состояніи дать возможность крестьянскимъ хозяйствамъ выдержать конкуренцію крупныхъ предпріятій, это я считаю неопровержимымъ“. Подобно французскимъ POSSIBILISTAMъ, Бернштейнъ требуетъ энергичной коммунальной социальной политики, которая долгое время была „пасынкомъ“ социаль-демократическаго движенія. Эта коммунальная политика должна служить первымъ шагомъ на пути къ осуществленію того, что Бернштейнъ называетъ „демократическимъ рабочимъ правомъ“.

Короче говоря, Бернштейнъ постоянно возвращается къ социально-политической программѣ, которую онъ однажды уже формулировалъ въ статьяхъ „Проблемы социализма“ въ жур-

налъ „Neue Zeit“ слѣдующимъ образомъ: „Прежде всего необходимо организовать рабочій классъ, развить его въ духѣ демократіи, бороться за всякую государственную реформу, ведущую къ поднятію рабочаго класса и преобразованію государства въ духѣ демократіи“.

Бернштейнъ идеологъ, и, благодаря этому, онъ, какъ бы пропастью, отдѣленъ отъ марксизма; и нѣтъ моста, который велъ бы отъ одного міровоззрѣнія къ другому. Идеалистическая философія общественныхъ явленій выступаетъ наружу во многихъ мѣстахъ Бернштейновской книги; такъ, на примѣръ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, доказывая несостоятельность теоріи обнищанія, онъ поясняетъ, что это обстоятельство никоимъ образомъ не можетъ подорвать социалистическихъ ожиданій: „Ваше стремленіе къ *справедливому* распредѣленію и къ организаци, которая включала бы въ себѣ *справедливое распредѣленіе* не можетъ стать, благодаря этому обстоятельству, менѣе справедливымъ и менѣе необходимымъ“. Здѣсь, слѣдовательно, социализмъ прямо основывается на стремленіи къ „справедливому“ строю народнаго хозяйства, что совершенно противорѣчитъ понятіямъ марксизма. Бернштейнъ — *соціалъ-реформаторъ и демократъ* и въ силу этого вступаетъ въ прямое противорѣчіе съ марксизмомъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобы соціалъ-демократія имѣла мужество эмансипироваться отъ фразеологіи, отжившей уже, въ дѣйствительности, свое время, и казаться тѣмъ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ: партіей демократически-социалистическихъ реформъ. Все это остается, однако, въ области благихъ намѣреній, пока Бернштейнъ стоитъ одиноко, пока онъ не соберетъ вокругъ себя достаточнаго числа сторонниковъ. Теперь Бернштейнъ достигъ пока только того, что нѣкоторыя „научныя“ истины, которыя оффиціальная партія считала твердо установленными, сильно поколеблены. Если убѣжденію въ справедливости выводовъ Бернштейна суждено получить болѣе широкое распространеніе въ партіи, то можно ожидать, что въ будущемъ часть партіи отколется. Само собою разумѣется, что для Бернштейна нѣтъ болѣе мѣста въ соціалъ-демократической партіи. Въ Англіи онъ могъ бы стать фабіанцемъ, во Франціи — POSSIBILISTOMЪ. Въ Германіи нѣтъ партіи, въ рамки которой укладывалась бы доктрина Берн-

штейна. Больше всего точекъ соприкосновенія у него съ южно-нѣмецкой народной партіей.

Въ общемъ итогѣ книга Бернштейна представляетъ собою отрадное явленіе: строго научнымъ образомъ онъ опровергъ цѣлый рядъ ученій, которыя т. н. научный социализмъ признавалъ до сихъ поръ вѣрными. Что это опроверженіе исходитъ отъ человѣка, въ теченіе многихъ лѣтъ раздѣлявшаго эти ученія, служить лишь лестнымъ доказательствомъ безпристрастія и непредубѣжденности, съ какимъ авторъ приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ. А это и является критеріемъ научной работы.

Воззрѣнія Бернштейна встрѣтили отголосокъ только среди немногихъ вожаковъ партіи; преобладающее большинство партіи стоитъ безусловно на почвѣ марксизма; но несомнѣнно, что когда Бернштейновскія идеи пріобрѣтутъ большое число сторонниковъ, это съ необходимостью поведетъ либо къ полному преобразованію социаль-демократической партіи, либо къ ея расколу.

Во всякомъ случаѣ, Германія—единственная страна, гдѣ рабочее движеніе выступаетъ въ качествѣ единой, сомкнутой партійной организаци. Менѣе всего оправдались ожиданія и предсказанія Маркса и Энгельса именно по вопросу о *международномъ движеніи рабочихъ*. Оно не только не обнаруживаетъ единства, но, напротивъ, величайшее разнообразіе.

Разнообразіе социалистическихъ направленій явилось причиной того, что основанный Марксомъ въ 1864 году Интернаціональ долженъ былъ распасться послѣ восьмилѣтняго существованія: какимъ образомъ возможно было объединить столь разнородныя направленія, какъ англійскихъ тредъ-юніонистовъ, анархистовъ романскихъ странъ, французскихъ кооператистовъ и марксистовъ?

На оборотной сторонѣ членскаго билета интернаціональной ассоціаци рабочихъ напечатано: „Экономическое освобожденіе рабочаго класса является великой цѣлью, для которой всякое политическое движеніе должно служить лишь средствомъ. Всѣ бывшія до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ попытки оказывались неудачными вслѣдствіе недостатка единства между различными отраслями труда въ данной странѣ и между рабочими разныхъ странъ. Освобожденіе рабочихъ не представляетъ собой ни мѣстной, ни

національної задачі, а тільки задачу общественную: она охватываетъ всѣ страны, въ которыхъ существуетъ современное общество. Эта задача можетъ быть разрѣшена только путемъ планомерной совместной дѣятельности всѣхъ странъ“.

Надежда на эту „планомерную“ совместную работу всѣхъ странъ обманула Маркса: тотъ же глубокий расколъ, въ свое время обнаружившійся въ Интернаціоналѣ, выступаетъ и теперь въ международныхъ конгрессахъ рабочихъ и дѣлаетъ невозможной совместную работу. Это обнаружилось уже на первомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 году; несмотря на продолжительныя совѣщанія, по вопросу о томъ, какимъ образомъ могли бы принять участіе въ конгрессѣ POSSИБИЛИСТЫ, соглашеніе не состоялось. Благодаря этому, имѣли мѣсто одновременно два конгресса: одинъ, состоявшій изъ марксистовъ и бланкистовъ, другой — изъ POSSИБИЛИСТОВЪ и англійскихъ трэдъ-юніонистовъ. И это случилось въ томъ самомъ году, къ которому относилось слѣдующее предсказаніе Гайндмана: „Пусть нашей задачей будетъ содѣйствовать тому, чтобы рабочіе всѣхъ странъ соединились для общей великой классовой борьбы съ эксплуататорами. Нельзя было выбрать лучшаго времени для того, чтобы положить вѣрный фундаментъ совместной работѣ, какъ 1889 годъ, и классы взираютъ на этотъ годъ съ трепетомъ, народныя массы — съ надеждой“.

И на всѣхъ послѣдующихъ конгрессахъ мы видимъ доказательство отсутствія единства въ двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, въ вѣчныхъ раздорахъ между французскими, англійскими и нѣмецкими делегатами, и, во-вторыхъ, въ настолько осторожной редакціи резолюцій, что самымъ различнымъ направленіямъ оказывается возможнымъ голосовать за нее. Это подтвердилъ и Брюссельскій международный конгрессъ 1898 года; POSSИБИЛИСТЫ и англійскіе трэдъ-юніонисты посылали горькіе упреки бельгійской рабочей партіи за то, что она, получивъ отъ Парижскаго конгресса POSSИБИЛИСТОВЪ 1889 года порученіе организовать ближайшій международный конгрессъ, тайно приняла подобное же полномочіе отъ марксистовъ. Неохотно послали они своихъ делегатовъ на конгрессъ, въ которомъ господствующую роль играли нѣмецкіе соціалъ-демократы. Брюссъ уклонился отъ участія

въ конгрессѣ, аллеманисты и анархисты представили каждыя особый отчетъ о французскомъ рабочемъ движеніи.

То же слѣдуетъ сказать о конгрессѣ въ Цюрихѣ (1893) и Лондонѣ (1896). Что анархисты подавали поводы къ недоразумѣніямъ, объ этомъ нечего особенно упоминать, въ виду того, что ихъ политическая и экономическая программа кореннымъ образомъ отлична отъ социалистическихъ воззрѣній, и совмѣстная работа во все здѣсь немыслима. Но не было единодушія и послѣ исключенія анархистовъ. Въ Лондонѣ французы заявили, что они могутъ принять участіе въ конгрессѣ только въ видѣ двухъ отдѣльныхъ группъ; 47 делегатовъ одной секціи заявили, что они должны отдѣлиться отъ остальныхъ французскихъ делегатовъ, избранныхъ профессиональными союзами, такъ какъ политика послѣднихъ мало чѣмъ отличается отъ политики анархистовъ; — вернувшись во Францію, они станутъ, молъ, всячески поносить социалистовъ.

Общее впечатлѣніе международныхъ рабочихъ конгрессовъ, на мой взглядъ, таково, что международная идея въ рабочемъ движеніи не только не сдѣлала никакихъ успѣховъ, но, напротивъ, значительно шагнула назадъ. Снова обнаружилось, что марксизмъ господствуетъ только въ рабочемъ движеніи Германіи, въ другихъ странахъ объ этомъ нѣтъ и рѣчи.

Въ извѣстномъ смыслѣ это обстоятельство является *практическимъ опроверженіемъ* матеріалистическаго пониманія исторіи; согласно послѣднему, должно возрастать международное объединеніе рабочаго движенія. Какъ я уже упоминалъ въ одной изъ предшествующихъ лекцій: одинаковыя причины, а именно развитіе капиталистическаго производства, должно вести къ одинаковымъ послѣдствіямъ—развитію пролетаріата въ партію классовой борьбы. Мы же, напротивъ, видимъ, что въ характерѣ рабочаго движенія проявляются идеи, желанія, стремленія и національныя особенности народовъ.

Это приводитъ меня, въ заключеніе, еще разъ къ вопросу о матеріалистическомъ пониманіи исторіи.

Въ первой лекціи я уже замѣтилъ, что главной моей цѣлью было ввести васъ въ міръ научныхъ идей социализма, дать вамъ возможность выработать себѣ самостоятельное отношеніе къ этой

проблемъ; поэтому я хотѣлъ бы обратить ваше особенное вниманіе на коренной вопросъ—идею матеріалистическаго пониманія исторіи. Здѣсь вамъ предстоитъ задача—понять и отнестись критически къ этой идеѣ, состоящей, какъ я уже говорилъ, въ томъ, что всѣ стороны общественной жизни сводятся къ господству экономическихъ факторовъ.

Матеріалистическое объясненіе исторіи встрѣчается въ различныхъ вариантахъ и *внѣ* марксизма и социаль-демократіи. Сюда относится нерѣдко встрѣчающееся стремленіе объяснять историческое развитіе государства „естественно-исторически“, примѣняя принципы дарвинизма. Точно такъ же, на примѣръ, Лампрехтъ въ своей „Нѣмецкой исторіи“ объясняетъ внутреннюю и внѣшнюю исторію, какъ проявленіе извѣстныхъ культурно-историческихъ силъ, и разсматриваетъ, въ качествѣ такихъ силъ, опредѣленные хозяйственные и социальныя процессы развитія. Такимъ образомъ, въ 19 столѣтіи хозяйственная потребность въ расширеніи предприятий, крупной промышленности и торговли вылилась съ 40-хъ и особенно 50-хъ и 60-хъ годовъ въ форму національнаго единства. Эти измѣненія и процессы развитія послужили почвой, на которой проявили себя сначала особенно „чутко“ одаренныя натуры. Социально-психическое состояніе нашло своихъ индивидуально-психическихъ представителей, и эти послѣдніе дали выраженіе и сообщили характеръ общему предрасположенію. Въ сущности, это то же, что сказалъ „въ нѣсколько иныхъ словахъ“ Мерингъ по поводу объединенія Германіи: „экономическія потребности этой хозяйственной области, гдѣ капиталистическое производство завоевывало все болѣе обширные круги, были реальной почвой, на которой выросли стремленія къ національному единству“.

Идея, столь часто встрѣчающаяся у писателей, вполне или отчасти стоящихъ на почвѣ историческаго матеріализма, будто право „приспособляется“ къ экономическимъ отношеніямъ,—эта идея ошибочна. Такъ называемыя „экономическія“ отношенія—не больше, какъ техническіе процессы, на примѣръ, изобрѣтеніе машинъ, открытіе новыхъ путей сообщенія и т. д.; они становятся социальными-хозяйственными явленіями только послѣ того, какъ принимаютъ опредѣленную правовую форму. Въ образованіи же новыхъ

правовыхъ формъ участвуютъ—какое бы вліяніе при этомъ ни оказывало развитіе техники—самостоятельные факторы: опредѣленныя идеи цѣлесообразности, которыя и имѣютъ здѣсь рѣшающее значеніе. Подобно освобожденію крестьянъ, свободѣ промышленности, десятичасовому рабочему дню, и социалистической строй осуществится не съ естественною необходимостью въ силу экономическихъ факторовъ, но только тогда, если извѣстное общество признаетъ его цѣлесообразнымъ и рациональнымъ и дастъ соотвѣтствующее направленіе своей законодательной дѣятельности.

„Свобода дѣятельности“ возможна якобы лишь послѣ того, какъ мы въ естественномъ развитіи дорастемъ до социалистическаго строя. Здѣсь я хочу обратить ваше вниманіе на странное противорѣчіе, встрѣчающееся у представителей историческаго матеріализма; оно всегда поражало меня при чтеніи книги Энгельса противъ Дюринга. Тамъ говорится: „съ момента, когда общество завладѣетъ орудіями производства, исчезнетъ производство товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и господство продукта надъ производителемъ. Анархію общественнаго производства смѣнитъ сознательная планомѣрная организація. Борьба за индивидуальное существованіе прекратится. Только тогда впервые человѣкъ выдѣлится, въ извѣстномъ смыслѣ, изъ животнаго царства, перейдетъ изъ условій жизни животнаго въ условія дѣйствительно человѣческія. Окружающія человѣка условія жизни, господствовавшія прежде надъ нимъ, теперь станутъ ему подвластны; человѣкъ впервые станетъ сознательнымъ, дѣйствительнымъ властелиномъ природы, такъ какъ онъ будетъ властелиномъ своего собственнаго социального устройства. Законы его собственнаго общественнаго бытія, противустоявшіе ему до сихъ поръ, въ качествѣ чуждыхъ, господствующихъ надъ нимъ естественныхъ законовъ, теперь станутъ примѣняться имъ съ полнымъ знаніемъ и, такимъ образомъ, будутъ подчинены человѣку. Объективныя, чуждыя силы, управлявшія до сихъ поръ исторіей, подпадутъ подъ контроль человѣка. Только съ этого времени люди станутъ вполнѣ сознательными творцами своей исторіи; только съ этого времени приводимыя людьми въ дѣйствіе общественныя причины будутъ производить преимущественно и въ возрастающей степени желаемыя

дѣйствія. Это—прыжокъ челоѳчества изъ міра необходимости въ міръ свободы“.

Я привелъ вамъ это мѣсто цѣликомъ, такъ какъ здѣсь я вижу характерную непослѣдовательность историческаго матеріализма: строго говоря, марксисты являются матеріалистами только до начала соціалистическаго хозяйственнаго строя; съ этого же момента начнется эра „свободной дѣятельности“, когда люди будутъ въ состояніи свободно осуществлять свои идеалы, когда они окончательно „выдѣлятся изъ міра животныхъ“. Современный способъ производства—по выраженію марксизма—съ естественной необходимостью обусловливаетъ переходъ къ соціализму; безъ сомнѣнія. и этотъ способъ производства, вслѣдствіе техническихъ измѣненій и т. д., уступитъ мѣсто другимъ способамъ производства, но тогда „свободной дѣятельности“ будущихъ поколѣній суждено будетъ создать общественный строй, тогда какъ теперь мы принуждены принять извѣстное общественное устройство силою „экономическаго развитія“?

Однако, и въ настоящее время является вопросомъ цѣлесообразности, желаемъ ли мы измѣнить нашъ правовой строй въ смыслѣ соціализма или нѣтъ,—и я указалъ вамъ причины, почему нельзя даже и предвидѣть времени, когда частно-хозяйственный строй долженъ уступить мѣсто соціалистическому.

Правда, мы можемъ сказать только: „нельзя предвидѣть времени“. Мы не можемъ утверждать, какъ дѣлаетъ это Бастиа, въ въ его „Экономическихъ гармоніяхъ“, что *свобода и собственность* являются „вѣчными основами“ всякой хозяйственной жизни. Политическая экономія не можетъ установить „никакихъ вѣчныхъ истинъ“: мы не можемъ знать, какія наступятъ экономическія событія, и не поведутъ ли они будущія поколѣнія, быть можетъ, къ общественному строю, покоющемуся на совершенно иномъ, сравнительно съ нашимъ строемъ, базисѣ? Но оставимъ судить объ этомъ будущимъ поколѣніямъ: что же касается реально-политическихъ трудностей, всякаго рода сомнѣній, какія стоятъ на пути къ осуществленію соціализма въ ближайшемъ будущемъ, то на это я уже обратилъ ваше вниманіе въ лекціи о „соціалистическомъ государствѣ будущаго“.

Если именно въ Германіи образовалась большая соціалистическая партія, какой нѣтъ нигдѣ въ мірѣ,—это зависитъ отъ всего историческаго хода развитія рабочаго движенія: я указалъ вамъ, какъ благодаря чрезвычайно искусной агитаторской дѣятельности Лассаля рабочее движеніе сразу было направлено на опредѣленные политическія и экономическія конечныя цѣли — попросту извѣстная политическая незрѣлость, легкая возможность подчинить и дисциплинировать нѣмцевъ были факторами, облегчившими соціаль-демократіи пріобрѣсти необыкновенно большое число послѣдователей.

Этотъ непрерывный ростъ германской соціаль-демократіи тѣмъ болѣе достоинъ вниманія, что можно отмѣтить два важныхъ законодательныхъ акта послѣднихъ десятилѣтій, отъ которыхъ ждали задерживающаго вліянія на ростъ движенія.

Я подразумѣваю: во-первыхъ, *законъ о соціалистахъ 1878—1890 года; именно во время дѣйствія этого закона, установившаго исключительныя нормы для „опасныхъ въ общественномъ отношеніи стремленій соціаль-демократіи“, партія особенно увеличилась.* Возобновленіе подобной законодательной политики въ настоящее время, безъ сомнѣнія, имѣло бы столь же неудачный исходъ: какъ разъ теперь въ средѣ соціаль-демократіи подъ вліяніемъ Бернштейна, съ одной стороны, и нѣкоторыхъ вожаковъ профессионально-союзнаго движенія, съ другой, развивается направленіе, склоняющееся въ сторону самопомощи рабочихъ на основѣ кооперацій и промышленныхъ союзовъ, и новый исключительный законъ опять превратилъ бы рабочее движеніе въ охваченную какъ бы желѣзнымъ кольцомъ партію классової борьбы.

И во-вторыхъ: *германскій законъ о страхованіи рабочихъ.* Германія была первой страной, введшей принудительное страхованіе рабочихъ на случай болѣзни, несчастія и инвалидности. Для характеристики результатовъ примѣненія этого закона я приведу вамъ слѣдующія цифры: за время 1885—1895 гг., т. е. въ первыя десять лѣтъ, было уплочено 1350 милліоновъ марокъ больнымъ, увѣчнымъ, потерявшимъ трудоспособность и престарѣлымъ работникамъ и ихъ семьямъ. Нѣтъ въ Германіи сколько-нибудь значительнаго горнаго хребта, гдѣ нельзя было бы найти

заведенія для легочныхъ больныхъ, устроеннаго и содержимаго на средства учрежденій страхованія рабочихъ.

Если это социально-политическое законодательство не помѣшало росту социаль-демократіи, то, съ другой стороны, было бы полнымъ заблужденіемъ утверждать, что это законодательство—какъ иной разъ говорятъ—пробудило вождѣленія рабочихъ и было причиной, вызвавшей ростъ партіи. Подумайте только, что все указанное законодательство явилось въ 80-ые годы, въ то время, когда социаль-демократія представляла собою уже весьма сильную партію. И подумайте далѣе, что въ Англии, странѣ, гдѣ очень рано появилась широкая законодательная охрана труда,—законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ вышелъ въ 1847 году—въ Англии социализмъ развитъ слабѣе всего.

Социально-политическое законодательство должно быть продолжаемо и развиваемо, независимо отъ того, увеличивается ли или уменьшается социаль-демократическая партія.

Не слѣдуетъ, правда, уменьшать значенія этихъ законовъ—и я иллюстрировалъ это приведенными данными—тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сознаться, что самыя главныя и трудныя задачи въ этой области еще только предстоятъ. Нѣтъ еще страхованія вдовъ и сиротъ, страхованія на случай безработицы,—слѣдуетъ подумать и объ улучшеніи жилищныхъ условий.

Прежде же всего чувствуется настоятельная необходимость создать право свободы союзовъ, въ особенности въ интересахъ профессиональныхъ союзовъ. У насъ профессиональные союзы не имѣютъ еще провоспособности, что признано за ними уже десятки лѣтъ въ Англии и Франціи,—много стѣснительныхъ ограниченій, какими обставлено у насъ право собраній и союзовъ, вызываютъ лишь недовольство и озлобленіе. И если на это возражаютъ, что такого рода свободныя законодательныя нормы могли бы содѣйствовать усиленію социаль-демократіи, то достаточно указать на только-что упомянутыя страны, гдѣ, не смотря на свободу собраній, социаль-демократія слабѣе, чѣмъ у насъ.

Но я говорю уже о подробностяхъ социально-политическаго законодательства, что не входитъ въ мою задачу: я хотѣлъ лишь

показать вамъ, къ какой области относятся ближайшія существенныя законодательныя реформы.

Само собою разумѣется, что въ этомъ вопросѣ, такъ же какъ и въ вопросѣ о цѣлесообразности социалистическаго строя, открытъ широкій просторъ субъективнымъ различіямъ мнѣній. Я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, изложить вамъ объективную сущность социализма и его главнѣйшихъ направленій и указать вамъ на различныя ошибочныя представленія, распространенныя объ этомъ предметѣ.

Менѣ всего намѣренъ я указывать вамъ какой либо „вѣчный“ законъ, въ силу котораго социализмъ являлся бы „невозможнымъ“ на вѣчныя времена—я переступилъ бы предѣлы, поставленные нашей наукѣ, и пренебрегъ бы предостереженіемъ Канта:

„Величайшая и, быть можетъ, единственная польза всякой философіи чистаго разума является только отрицательной, ибо она не служитъ органомъ расширенія, но дисциплиной опредѣленія границъ и, вмѣсто того, чтобы открывать истины, имѣетъ скромную заслугу оберегать отъ ошибокъ“.

Книгоиздательство „Трибуна“.

С.-Петербургъ, Литейный пр. 38, кв. 8.

Проф. Генрихъ Трипель. Избирательное право и избирательная обязанность	12 к.
Проф. Теобальдъ Циглеръ. Индивидуализмъ и социализмъ въ умственной жизни XIX вѣка	10 к.
Эрихъ Бранденбургъ. Парламентская обструкция, ея исторія и значеніе	15 к.
Максъ Мауэрнбрехеръ. Интеллигенція и социалдемократія. Съ предисл. <i>О. Я. Пергамента</i>	8 к.
К. Гаммеръ. Соціализація права. Съ предисл. <i>О. Я. Пергамента</i>	12 к.
Поль Луи. Социализмъ въ современномъ государствѣ	15 к.
Поль Луи. Социализмъ и всеобщая стачка	8 к.
Карль Каутскій. Карль Марксъ и его заслуги передъ рабочимъ движеніемъ. Рѣчь, произнесенная 17 марта 1906 г.	7 к.
Чезаре Ломброзо. Антисемитизмъ. Съ предисл. <i>О. Я. Пергамента</i>	20 к.
Куртъ Эйсеръ, Соціальныя сказки	20 к.
Дж. Кеннанъ. Сибирь и ссылка ч. I.—40 к., ч. II—	40 к.
Проф. А. Додель. Моисей или Дарвинъ? Переводъ съ 8-го нѣмецк. изданія	25 к.
А. Дамашке. Земельная реформа	30 к.
Проф. К. Диль. Социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ	80 к.

Склады изданій:

Петербургъ.	Книжный магазинъ „Трудъ“, Невскій, 60.
„	Книжный складъ „Право“, Владимірскій пр., 19.
Москва.	Книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская, 38.
Харьковъ.	Книжный магазинъ П. А. Брейтгама, Сумская.
Одесса.	Книжный магазинъ „Образованіе“, Ришельевская, 12.
„	Книжный магазинъ „Трудъ“, Дерибасовская.

Цѣна 80 коп.

УХА СОЩІА ІМЗМЪ, НОМШУНІЗМЪ, АНАРХІЗМЪ, І